

№ 8

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Этибар МУРАДХАНЛЫ. Окна бабушки Фариды. <i>Повесть</i>	3
Ляман БАГИРОВА. <i>Рассказы</i>	23
Гюльшен ТОФИГГЫЗЫ. <i>Рассказы</i>	64
Камран ШАХМАРДАН. <i>Рассказы</i>	90
Гумет АЛИЕВ. Лали. <i>Рассказ</i>	119

ПОЭЗИЯ

Ахмет НЕЖДЕТ. <i>Стихи</i>	20
Ильхам ГАХРАМАН. <i>Стихи</i>	58
Фарид ГУСЕЙН. Самаркандский «Диван». <i>Поэтический цикл</i>	81

ПУБЛИЦИСТИКА

Муталип БЕППАЕВ, Каншаубий МИЗИЕВ. Ахмет Неждет – патриарх турецкой поэзии	18
Светлана ХАЛЫКОВА. Эпизоды с ... продолжениями	51
Низами ТАГИСОЙ. Размышления о языке сочинений Низами Гянджеви	74
Метлеб МУХТАРОВ. <i>Три эссе</i>	106
Марат ШАФИЕВ. Краткая история русскоязычной бакинской поэзии	124

2021

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 22.07. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ЭТИБАР МУРАДХАНЛЫ

ОКНА БАБУШКИ ФАРИДЫ

Повесть

Сколько бы ни старалась бабушка Фарида, она всю ночь не спала, даже глаз не сомкнула. Она уже собиралась заснуть, но тут раздался громкий голос молочницы:

– Есть гатыг! Гатыыг!!! Есть парное молоко! Свежее молоко!!!

Бабушка Фарида открыла рот, не открывая глаз:

– Чтоб тебя, чертовка! – она отбросила одеяло и села в постели: – Как будто глотка у нее луженая! – она потянулась и поспешила к окну: – Эй, что ты кричишь по утрам? Спать нам не даешь!

– Тетя Фарида, у меня отличный гатыг и хорошее молоко. Только что привезла из села. Поднять?

– Чтоб провалиться твоему молоку и гатыгу! Ты приехала из деревни продавать гатыг или сводить людей с ума?

Не обращая на нее внимания, продавщица гатыга обратилась к женщине, которая высунула голову из окна квартиры на третьем этаже, и ответила на ее вопрос:

– Да, да, пошли его забрать. Банки тоже пришли.

Женщина отошла от окна, чтобы отправить ребенка во двор за гатыгом.

Бабушка Фарида стала жаловаться так, будто кроме нее в комнате был кто-то еще:

– Идем, идем, с ними свяжешься, будешь на них похожа! – она раздраженно закрыла окно и вернулась в комнату. Но когда она увидела, что окно ударилось о раму и снова открылось, то забыла о молочнице: – Чтоб руки твои отсохли, будь осторожна! – сказала она и вернулась обратно.

Она включила телевизор, прошла на кухню и поставила чайник на газ. Чайник закипел, пока она готовила завтрак. Ей не хватало терпения дождаться, пока заварится чай, она налила два стакана чая и вернулась в комнату. Села перед телевизором и стала в спешке пить горячий чай:

– Пей, пей, сейчас и завтрак будет готов. – Она ударила стаканом по блюдцу. Встала и пошла на кухню. Масло в сковороде уже растаяло на слабом огне. Она разбила в сковороду два яйца и стала взбивать: – Эй, а нам этого хватит? – и сама же ответила на свой вопрос: – Хватит, конечно, хватит, мы не лошади и не верблюды. Хватит, и даже лишнее останется...

В дверь постучали. Это была Дильбер, соседка:

– Я иду за хлебом, тебе купить?

Не отвечая на вопрос, бабушка Фарида вернулась обратно, взяла кошелек, лежащий на телевизоре, и пошла обратно к входной двери:

– Возьми хороший, не пережаренный!

Она отсчитала тысячу семьсот пятьдесят манатов и отдала их Дильбер. Дильбер взяла деньги, но не отошла от порога, вопросительно глядя на бабушку Фарида. Та сразу поняла, чего хочет соседка:

– Да, он звонил, родненький. Ночью, в двенадцать часов. Мы как раз спали, когда раздался звонок. Но опоздали. Пока добежали до телефона, он звонить перестал, – придумала бабушка Фарида: – Там ведь на час позже нас наступает ночь. Родненький всегда в это время звонит.

Дильбер не поверила словам соседки. Она положила деньги в сумку и, не говоря ни слова, начала спускаться по лестнице. Бабушка Фариды поняла, что соседка ей не поверила, она не двигалась и смотрела ей вслед, пока та не скрылась внизу. С одной стороны, она обижалась на Дильбер за ее неверие, а, с другой стороны, обвиняла себя в том, что не смогла убедить свою соседку. Ведь ночью в двенадцать действительно раздался телефонный звонок. Но она не знала, Назим ли это или нет. Она помнила, что несколько лет назад Назим позвонил ей примерно в то же время – в двенадцать часов ночи. Она помнила всё явственно, словно они только что поговорили, и его голос все еще раздавался в ее ушах. Хриплый голос сына раздавался издали, будто вот-вот готов был оборваться. Назим рассказывал матери, что женился там и что дела у него идут хорошо. А бабушку Фариду больше интересовало здоровье сына и новая невестка. Хотя у Назима было не так много времени на разговоры, он ответил на все вопросы матери. Бабушка Фариды узнала, что невестку зовут Татьяна, но сын называет ее Таней. К тому же она очень красива, в ее вкусе – не голубоглазая блондинка, а белокожая, черноглазая, темноволосая...

...Потом голос сына оборвался. Он оборвался в тот момент, когда бедная женщина рассказывала Назиму о своем состоянии, о том, что у нее всё хорошо, что пенсии ей хватает, что она ни в чем не нуждается, что только по сыну и тоскует... Назим не слышал слов матери, потому что связь была прервана, но тетя Фариды этого не знала и продолжала говорить. Ей казалось, что сын втягивает в легкие каждое слово матери, как огонь, как воздух, как воду. Она даже успела сказать, что хорошо ладит с соседями, и те каждый день справляются о Назиме...

Через несколько месяцев после последнего звонка Назима бабушка Фариды получила письмо от сына. Письмо было привычного содержания, за исключением новости о том, что Назим стал отцом. Назим отправил матери снимок, на котором был он с Таней и дочерью Фаридой. А еще пятьдесят долларов...

...Запах гари вернул женщину в реальность, но на кухню она не поспешила. На самом деле это была даже не кухня. Ее муж, скончавшийся двадцать лет назад, превратил кухню в спальню, спальню в гостиную, а кухню перенес на балкон однокомнатной квартиры...

Она взяла стаканы со стола, свой и другой, и, осторожно ступая, пошла выключать газовую плиту. Дым окутал весь потолок кухни. Она открыла окно, чтобы проветрить квартиру. Забывшись, выплеснула содержимое стакана из окна во двор. Прислонилась к нижней части окна. Ей захотелось подождать, пока рассеется дым, а потом снова приготовить яичницу, но тут раздался голос Нисы – соседки с нижнего этажа:

– Что ты на ребенка чай выливаешь, старая карга?!

Она не поняла, что сказала соседка:

– Что ты говоришь? – спросила Фариды, наклоняясь вниз, будто приближая ухо к губам Нисы.

– Я говорю, слепая ты, что ли, зачем чай на голову ребенку выливаешь?! – разбушевалась Ниса. Только теперь тетя Фариды поняла, что ошиблась и вылила чай во двор, а не в раковину. Но она не подала виду:

– Да иди ты! Вместо того, чтобы кричать на весь двор, высуши ребенку голову! Чтоб тебя! – не желая слышать крика соседки, она отошла от окна: – Идем, идем, она важным человеком себя считает! Чтоб тебе провалиться! Ворона себя за важную птицу принимает!..

Она забыла приготовить омлет и прошла в гостиную. Переключила телеканал. Но не успела сесть, как в дверь постучали.

– Идем, посмотрим, что за хлеб нам купила Дильбер.

Это был почтальон. Бабушка Фариды, не говоря ни слова, смотрела ему прямо в глаза и ждала, что тот скажет.

Уже несколько лет бедная женщина ни о чем не спрашивала почтальона, боялась услышать всегдашний ответ. Это было по сердцу и почтальону. Лучше промолчать, чем сказать «нет». Даже встречаясь на улице, они ступали друг мимо друга как незнакомцы, стараясь не встречаться взглядами. Но им это давалось нелегко. Бабушке Фариде было тяжело видеть почтальона подавленным, как и тому опускать голову под вопросительным взглядом.

Но после того, как почтальон проходил, бабушка Фариде не могла удержаться от того, чтобы не обернуться ему вслед, смотреть и тяжело вздыхать. Почтальон, напротив, не осмеливался оглянуться даже после того, как отходил достаточно далеко, так как чувствовал взгляд старухи на спине неподъемным грузом...

...Молчание стало для него поводом отвести взгляд от взгляда хозяйки квартиры. Он повернулся к двери Дильбер и спросил:

– Их нет дома?

Бабушка Фариде была не в себе, как будто ее душа покинула тело и летела в небо. Она даже не слышала, что сказал почтальон. Это был первый раз за много лет, когда к ней в дверь постучал почтальон. Все ее тело тряслось от волнения, а сердце колотилось, готовое выскочить из груди. Почтальон жалел, что постучал в ее дверь. Он растерялся и не знал, что делать, как выйти из ситуации.

С первого этажа послышались шаги, и вскоре Дильбер появилась на четвертом этаже. Ее неожиданное прибытие спасло их обоих от безвыходной ситуации. Почтальон радостно подбежал к Дильбер:

– Тётя Дильбер, тебе письмо из исполкома! – сказал он, опуская руку в сумку. Не успела Дильбер взять письмо, а шаги почтальона доносились уже с первого этажа...

– Чтоб тебя! – Бабушка Фариде оставила дверь открытой и вернулась в комнату, не дожидаясь Дильбер. А Дильбер не стала ее беспокоить:

– Я положила хлеб в шкаф, – сказала она. – Хороший выбрала, будь спокойна.

Соседка осторожно закрыла за собой дверь и ушла. Бабушка Фариде встала с кресла и, волоча ноги, снова подошла к телевизору. Она не вникала в то, что идет по телевизору, не вникала, на какой канал переключает. Лишь бы дома не было мертвой тишины. Фотография ее сына, невестки и внучки опиралась на часы на телевизоре. Она взяла снимок и вернулась на свое место, но усидеть не могла. Она встала, подошла к буфету, выдвинула ящик, поискала и нашла письмо, которое ее сын послал ей несколькими годами ранее. Она открыла конверт и села в кресло.

«Привет, мама, у нас все хорошо», – впервые, читая начальное предложение письма, она удивилась этому «мы». Но сразу вспомнила, что узнала об этом до того, как прочла письмо – по звонку сына несколько месяцев назад и по фотографии, которую увидела, как только распечатала письмо. Раньше сын не присылал ей никаких фото. И в письмах писал только «Я» и говорил только от своего имени. Теперь он перешел на «мы». «Хочу, чтоб и у тебя всё было хорошо».

– Я в порядке, родной, я тоже в порядке!

«Мамочка, прости, что долго не пишу. Ведь я военный. Сам собой распорядиться не могу».

– Да простит тебя Бог, сынок! Главное – будь жив-здоров, мне этого достаточно.

«Мамочка, на этой фотографии – Таня. Настоящее ее имя – Татьяна. Но мы зовем ее Таней». Она сделала паузу в чтении и посмотрела на фото в другой руке:

– Как будто эта Таня вовсе не хохлушка. Посмотрите на ее глаза, брови, лицо, как она похожа на нас.

«Мамочка, Таня – дочь моего командира. Они, как и я, не местные, пришлые. Они приехали из Украины. Ее отец тоже остался здесь после окончания военного училища. Здесь он и женился».

Она снова сделала паузу в чтении. Отдалила фотографию от глаз и стала внимательно смотреть. Тетя Фариды была дальнотзоркой. Поэтому она держала письмо на расстоянии и продолжила читать, не глядя на бумагу: она столько раз перечитывала это письмо, что уже знала его наизусть:

«А вот эта девочка – маленькая Фариды. Я зову ее «Мать».

– Родненький, хороший мой!

«Мамочка, маленькая Фариды действительно похожа на тебя. Уже видно, что когда она вырастет, будет такой же высокой и красивой, как ты».

– Ну и ну, он прав, ей-богу, посмотри, как она похожа на меня. Погляди-ка, – она повернула картинку в сторону, как будто кому-то показывая. – Посмотри на ее глаза, посмотри на ее нос, брови, лицо, ей-богу! Волосы у нее такие же вьющиеся, как и у меня в детстве. Точь-в-точь как я, точь-в-точь, слава Творцу!..

Зазвонил телефон. Подруга сообщала, что нашла ей работу. Бабушка Фариды попросила подругу Ханым найти ей работу, чтобы она не скучала дома, чем-то себя заняла. Тетя Ханым нашла ей работу в общежитии Института политологии. Она должна будет сидеть у входа, регистрировать входящих, передавать ключи хозяевам комнат и следить за порядком в общежитии.

Она поставила фотографию на телевизор, вернула конверт на место. Не потому, что спешила, а потому, что не хотела дочитывать письмо. Она хотела продлить удовольствие от чтения письма, и хотя брала его в руки по несколько раз в день, никогда не дочитывала до конца. Внезапный звонок стал поводом...

***

Первый рабочий день прошел очень скучно. Сначала она познакомилась с комендантом, затем с Рахим-киши, с общежитием, и в конце со студентами. На самом деле в общежитии жили не только студенты. Были здесь и лишившиеся родного очага беженцы, бездомные выпускники и аспиранты, и даже торговцы, которые неизвестно как здесь очутились. Короче, тут царил кавардак. К удивлению бабушки Фариды, в общежитии жили и девушки...

Бабушка Фариды быстро поняла, каков Рахим-киши. Ей достаточно было провести вместе с ним час, когда она принимала смену, и десять минут, когда она ее передавала, чтобы лучше узнать этого человека: «Настоящая язва, его нарочно здесь поставили, чтобы он всем настроение портил».

Когда она принимала смену, вынуждена была терпеть его в течение часа, так как нуждалась в его помощи, но когда сдавала смену, то в такой помощи не нуждалась. Поэтому как только Рахим-киши перешагнул через порог общежития, она стала собираться. Как будто она оставила дома близкого человека без присмотра. Но Рахим-киши не позволил ей так быстро покинуть общежитие. Он проверил все – от ключей до метел, от стола и стульев в коридоре до оборудования в ванной. Затем подписал свой журнал и отстал от женщины.

Выйдя из общежития, бабушка Фариды почувствовала себя так, словно с ее плеч сняли тяжелую ношу. Она поспешила в квартиру, которую вчера оставила, к своей покинутой воображаемой подруге. Со вчерашнего дня все ее мысли были о ней. Она даже несколько раз за ночь звонила в свою пустующую квартиру и прислушивалась к печальным звукам оставшихся без ответа сигналов. Эти долгие гудки будто возвращали бабушку Фариду в ее квартиру к оставленной там воображаемой подруге...

– Ну, привет, – она положила наплечную сумку на шкаф, как только вошла. После долгих блужданий по гостиной, спальне и кухне вернулась в коридор. Закрыла дверь и заперла ее изнутри. Сняла пальто, повесила на вешалку и прошла на кухню со словами: – Идем, пошли, приготовим еду.

Прежде чем включить газ, открыла окно и осмотрела двор. Дети тащили свои сумки в школу. Тахир-муаллим, преподающий русский язык в университете, стоял во дворе и давал какие-то инструкции своей жене, которая смотрела из окна, маклер Ханлар листал свою записную книжку, прохаживаясь по двору.

...Она налила две чашки чая и поставила их на узкий стол в кухне. Протерла оконное стекло как снаружи, так и изнутри. Придвинула табуретку и села перед окном. Продолжая поглядывать во двор, налила чай в блюдце и стала попивать.

– Господи, я забыла сделать покупки! – она встала и, продолжая ворчать, пошла к холодильнику. – Остались яйца?

В холодильнике осталось два яйца. Она всегда покупала четное количество яиц, как обычно для двоих.

– Хватит, – она набрала воды из-под крана в алюминиевую кастрюлю с яйцами, включила газ и поставила кастрюлю на огонь. Сполоснула стаканы и снова села перед окном. Она не спала вечером, поэтому после еды собиралась прилечь в спальне. Но почему-то не торопилась. Когда яйца были уже готовы, она к ним долго еще не при-трагивалась. Придя в себя от дум, положила одно из яиц на тарелку перед собой. Продолжая поглядывать во двор, очистила его.

– Не пришла, нет, должно быть, дела вышли, – бабушка Фарида ждала прихода молочницы. Было уже четверть десятого. Молочница обычно приходила в четверть девятого. Бабушка Фарида привыкла к ее зычному голосу. Тетя Фарида просыпалась до прихода молочницы, но не вставала с постели, пока не раздавался ее зычный голос: «Гатыг, свежий гатыыг!».

Она положила яйцо и съела его без хлеба. Когда она убирала яичную скорлупу со стола, то отправила в мусорное ведро вместе со скорлупой и второе, несъеденное яйцо. Часы показывали без четверти десять.

– Идем, пошли спать, ее что-то не видать, – убедившись, что молочница не придет, она пошла в спальню...

***

Как только Рахим-киши вошел в дверь, он посмотрел на часы – три минуты девятого. Бабушка Фарида опоздала ровно на три минуты. Рахим-киши не учел, что его напарница недавно устроилась на работу:

– Ты опаздываешь... опаздываешь! Старайся приходить на работу вовремя!

Бабушке Фариде казалось, что она опоздала ненамного. Потому что долго стояла перед окном, смотрела во двор перед тем, как выйти, а потом задержалась во дворе. Почему-то она никак не могла уйти, не увидев молочницу. К тому же хорошо зная, что до ее прихода осталось еще минут пятнадцать-двадцать...

Бабушка Фарида была пунктуальной, она не любила носить часы, знала точное время и без часов, могла даже проснуться в любой час. Вчера она крепко спала, а вечером встала с постели в шесть часов и навестила свою соседку Дильбер. Они разговаривали на пороге. Бабушка Фарида будто вернулась из долгой поездки, ей стало любопытно, что происходило во дворе днем, пока ее не было дома, и она спрашивала обо всех, кого знала по соседству. Дильбер неспеша ответила на все вопросы своей соседки, будто отчитывалась, а затем сама стала задавать вопросы о новой работе бабушки Фариды. Бабушка Фарида начала с вещей, которые ей не понравились, рассказала о Рахим-киши, рассказала всё, что думала об этом человеке, с которым вчера впервые познакомилась.

...Она продолжила читать письмо сына с того места, где вчера остановилась.

«Я объяснил Тане значение слова «анам». После этого она называет ребенка «Анна».

– Анам, Аннам... Анна, – сказала бабушка Фариды, снова отодвигая изображение от лица, и стала внимательно смотреть на него, как если бы продевала нитку в игольное ушко.

– Анна, Анна... точь-в-точь как Назим в детстве. – Она встала, взяла семейный альбом с буфета, поискала и нашла несколько детских фотографий Назима. Она поместила фотографию внучки в центр и разложила фотографии Назима вокруг нее.

– Смотри, смотри, точно как Назим в детстве! – сказала она, вжавшись в кресло. Как будто кто-то тронул ее за плечо и попросил отойти в сторону, чтобы посмотреть.

– Похожа? – спросила она.

– Еще бы, – ответила она себе. – Как две капли воды. – прошептала она.

Она продолжила читать письмо, не сводя глаз с фотографий: «И мой тесть, и мои друзья зовут Фариду Анной. Но иногда еще называют «Фарда». Тесть любит называть ее «мамочка», потому что знает значение слова «анам»...

...Бабушка Фариды не сдержалась, когда увидела, что Рахим-киши попрекает ее всего за три минуты опоздания:

– Опаздываешь, опаздываешь, ты что – шестимесячный?! Если уйдешь на три минуты позже, погоны у тебя не упадут!

Когда Рахим-киши увидел, что встретил не робкого десятка женщину, он не стал затягивать разговор:

– Ладно, ладно, женщина, хватит ругаться, мне некогда с тобой лясать. Иди, прими смену, – сказал он, оперся на колени и встал. Так же, как вчера он принял смену и расписался, так и сегодня он сдал все одно за другим и пододвинул журнал к бабушке Фариде. Он взял книгу со стола и положил в командирский портфель, который вынул из ящика, а портфель сунул в сумку, где носил обед. – Будь осторожна!

Он дал свои последние инструкции и покинул общежитие. Внимание бабушки Фариды привлек его командирский портфель. Еще со времени учебы Назима в военном училище она с уважением относилась к военным и с интересом следила за всеми военными передачами. Увидев солдатскую сумку Рахим-киши, она заинтересовалась своим сменщиком. Как только прибыл комендант, она расспросила его об этом человеке. Выяснилось, что Рахим-киши действительно был военным, тридцать лет прослужил в советской армии, дослужился до звания полковника, после выхода на пенсию вернулся на родину и устроился дежурным в общежитии, чтобы не было скучно. По словам коменданта, с первого же дня работы он пытался навести в общежитии военный распорядок и дисциплину. Поэтому сначала этого сурового и чрезвычайно серьезного по натуре человека невзлюбили, но позже, когда постояльцы узнали его характер, узнали, что он благородный, добросердечный, простой и, главное, мужественный, вот тогда все к нему привязались. По словам коменданта, именно благодаря Рахим-киши он смог навести порядок в общежитии.

...Бабушке Фариде казалось, что ее коллега опаздывает, но Рахим-киши пришел вовремя. Почему-то сегодня домой она не спешила. После вчерашних слов коменданта ей хотелось больше общаться с сослуживцем, больше говорить с ним. Она видела в нем своего сына и представляла старость сына в лице Рахим-киши. Но Рахим-киши не дал ей такого шанса. Как будто все в этом человеке шло по определенному плану: в соответствии с процедурой было сдано и получено оборудование; журнал подписан; бабушка Фариды взяла сумку и закрыла дверь снаружи; под впечатлением от Рахим-киши она отдалась от общежития. Она хотела забыть своего сослуживца, чтобы избавиться от напряжения, и тут вспомнила молочницу. Дильбер сказала, что и вчера ее никто не видел.

Бабушка Фариды поспешила домой, чтобы, может, сегодня разузнать что-нибудь о молочнице. Осень давно миновала, прошла и большая часть зимы. Но почему-

то все еще не ощущалось зимы, погода была такая же солнечная и теплая, как весной. Бабушка Фарида всегда привыкла видеть солнце в своих окнах. Она даже переговаривалась с ним.

– Ну что, пришло?! Доброе утро, спасибо, что это утро принесло с собой, – а потом начинала жаловаться: – Желая, чтобы ты однажды принесло моих родных, – она приветственно открывала окна, будто кого-то впускала в квартиру: – Заходи, заходи, добро пожаловать!..

Сегодня серое облако скрыло Солнце, но не смогло скрыть целиком. Но облака, плывущие с севера, хотели скрыть от Баку и эти редкие лучи. А Солнце искало и находило себе местечко, откуда распространяло свои золотые лучи на Каспийское море, на древние постройки Баку...

Бабушка Фарида зимой и весной, несмотря на жару и холод, как только вставала с постели, открывала кухонные окна, выходящие во двор, открывала двери комнат, выходящие на балкон, и проветривала квартиру. Затем она сидела перед окнами, часами смотрела во двор и беседовала со своей воображаемой подругой. Фактически подругой бабушки – плодом ее воображения – была она сама или ее двойник. Но кем бы она ни была, бабушка не могла представить себя без нее. Она советовалась с ней по всем вопросам, принимала ее мнение во внимание во всем, что делала, и даже когда ходила по магазинам, спрашивала, нравится ли ей то, что она покупает, то есть считалась с ней во всем. Даже когда она возвращала покупку, говорила: «Нет, нет, нам это не понравилось», «Это нас не устраивает», – говорила от имени двух человек. Иногда она злилась на подругу, проклинала, некоторое время не разговаривала с ней, обижалась, но это длилось недолго. Даже в эти гневные моменты искала предлог, чтобы помириться, и как только у нее появлялась возможность, она возлагала на нее все грехи и, наконец, провозглашала мир: «Что ж, давай помиримся!»

...Как только бабушка Фарида вошла в квартиру, она открыла окна, но молочницы во дворе не увидела. Она пришла, когда бабушка Фарида включила телевизор. Но почему-то, как обычно, не будила соседей, не звала клиентов, как будто у бедняжки пропал голос. Она выставила банки с молоком и гатыгом на тротуаре, приложила руку козырьком ко лбу и смотрела на верхние этажи.

– Эй, ты чего молчишь, что случилось? – бабушка Фарида не скрывала своего удивления.

– Бабушка Фарида, тебе что-нибудь нужно, принести? – ответила женщина вопросом на вопрос. Бабушка Фарида сразу почувствовала настроение молочницы – ее было еле слышно. Она проявила упорство, хотела получить ответ на свой вопрос:

– Что там у тебя? Выглядишь неважно.

– Да ничего, бабушка Фарида, немного простыла.

К молочнице подходили клиенты. Бабушка Фарида не отходила от окна, пока они делали покупки. Молочница положила оставшиеся баночки в сумку и обратилась к бабушке Фариде:

– Что ж, бабушка Фарида, посмотрю, смогу ли продать остальное в другом дворе, – сказала она, поднимая свои сумки. Но прежде чем успела сделать шаг или два, почувствовала головокружение, поставила сумку на асфальт, оперлась на колени и осталась в согнутом положении. Она жадно дышала, будто ей не хватало воздуха. Бабушка Фарида только сейчас вспомнила, что должна купить молоко:

– Подожди, куда бежишь? Я ведь собиралась купить молока, – крикнула она. Молочница грузно осела наземь и подняла лицо:

– Сколько литров ты хочешь? – спросила она.

Бабушка Фарида покупала молочные изделия один или два раза в неделю. Молочница в таком случае оставляла свою сумку во дворе и поднимала банки на четвертый этаж, в квартиру своей клиентки. Сегодня она не собиралась покупать молоко, просто хотела чем-то поддержать молочницу:

– Подожди, подожди, я сама спущусь. Мне все равно надо было за хлебом, – бабушка ловко сбежала по лестнице с резвостью юной девушки. Молочница сидела на асфальте рядом со своей сумкой и ждала. Бабушка Фариди посмотрела ей прямо в глаза. Глаза бедняжки горели – были краснее красного. Бабушка села напротив нее на корточки и провела тыльной стороной ладони по лбу молочницы:

– Что с тобой? Тебя лихорадит! – она провела рукой по ее плечам и взяла ее ладони в свои: – Ты чего вышла на улицу в таком состоянии? Сидела бы дома!

Молочница не стала поддаваться:

– Эх, бабушка Фариди, мне становится только хуже, когда я сижу дома. Грипп для меня не болезнь.

– Вставай, вставай, пойдем со мной, выпьешь чашку чая с кизилевым вареньем.

Молочница заявила, что еще не распродала свой товар, но бабушка Фариди не сдалась, взяла ее за руку и повела к себе. Как только они вошли, еще не сняв обуви, бабушка спросила:

– Как тебя зовут?

– Тахира, – ответила молочница, следуя за хозяйкой не снимая пальто. Бабушка Фариди велела ей присесть и пошла на кухню:

– Сахира, поэтому тебя два дня уже не видать? – услышался голос бабушки Фариди из кухни. Спустя минуту она вернулась в комнату со стаканом чая в одной руке и вареньем в другой. Тахира поправила хозяйку, прежде чем ответить на вопрос:

– Только не Сахира, бабушка Фариди, а Тахира.

– Что...Сахира?... Да-да, я так и говорю, Сахира...

Видя, что бабушка не понимает ее, Тахира, за неимением терпения на долгие объяснения, перешла к ответу на вопрос:

– Нет, бабушка Фариди, нет. У меня беды не только из-за болезни.

– А что с тобой случилось? – хозяйка под села к ней поближе.

– Армяне... армяне убили моего брата, бабушка Фариди! – она тут же расплакалась.

– Чтооо, убили твоего брата?!

Тахира пояснила, что армяне часто совершают вооруженные нападения на села и районы Карабаха, нападают на население и забирают их имущество. С помощью советских военных они убивают выступающих против них безоружных азербайджанцев. У брата Тахиры иссякло терпение, и он сформировал небольшую группу деревенской молодежи для защиты своих деревень от армянских бандитов...

Тахира не могла успокоиться. Рассказывая о преступлениях, совершенных армянами, она все больше волновалась и плакала. Хозяйка не пыталась успокоить гостью, хотела, чтобы та выплакалась и вздохнула с облегчением, она лишь с удивлением слушала гостью. Она не могла поверить, что советская армия, где служил ее сын и которой посвятил всю жизнь Рахим-киши, объединившись с армянами, допускает такую несправедливость по отношению к азербайджанцам...

Тахира встала, не выпив чаю, как будто пришла сюда только для того, чтобы выговориться о своем горе. Бабушка Фариди не стала ее удерживать, но сказала, что купит все ее молоко и гатыг. Она немедленно вынула из сумочки деньги и заплатила за них, несмотря на протесты Тахиры. Она рассказала Тахире о своих рабочих днях, а затем предложила привезти остальные вещи в общежитие. Бабушка Фариди сама бы продавала продукты, а на следующий день отдавала бы деньги Тахире...

Ей не хотелось ни спать, ни есть. Она взяла со стола фотографии, лежавшие там со вчерашнего дня, и стала их тасовать, будто раздавала карты. Выстроила в ряд фотографии Назима в военной форме, когда тот был еще студентом. Отдельная фотография сына, фотография сына с несколькими друзьями, сын с полком в строю, сын с советскими солдатами...

«Гуманная» Советская армия, убившая сотни невинных людей на улицах Баку! Советская армия, которая участвовала в бесчисленных преступлениях, совершенных армянами в Карабахе, лила воду на армянскую мельницу...

Назим с детства говорил, что будет солдатом, и по мере того, как он рос, он хотел стать командиром, а затем генералом. И его отец, и бабушка Фаридра радовались этому желанию. В основном потому, что он интересовался военным делом ради защиты Родины. Но армия, в которую он верил, посвятил всю свою молодость и способности, теперь помогала армянским бандитам, продавала его родину врагу...

«Мама, что касается меня, я в порядке. Моя работа продвигается очень хорошо. Сейчас я командир роты в звании капитана».

– Эх, ни командиром, ни капитаном, быть бы тебе солдатом, сынок, рядовым солдатом. Но на родине, в Азербайджане...

«Мама, здесь обо мне очень заботятся. И всегда уважают, как хорошего военного, образованного специалиста».

– О каком уважении ты говоришь, сынок, родненький?! Разве не ваша армия залила кровью улицы Баку?!

«Мои командиры тоже верят в мое будущее. Дай Бог, ты скоро увидишь перед собой молодого генерала».

– Я хотела бы видеть солдата, а не генерала, сынок, рядового солдата. Смелого солдата, способного постоять за свою страну, способного умереть за нее, солдата, у которого хватит смелости сделать это! – сказала бабушка Фаридра и утерла слезы с глаз.

«Мамочка, в ближайшие дни я поеду за границу в командировку. Мы должны вывести наши войска из зарубежных стран».

– Желаю, чтоб и ты вернулся на родину...

«Возможно, я не смогу писать и звонить тебе какое-то время. Не волнуйся, даст Бог, я позвоню, как только вернусь».

– Дай Бог, милый, дай Бог. Но почему-то Всевышний всё еще не позволяет, испытывает нас...

В дверь постучали. Это была Дильбер. Хотя бабушка Фаридра не спала ночью, потому что была на работе, она не собиралась отсыпаться весь день. Она поговорила сначала со своей соседкой, а затем с воображаемой подругой. Она выразила недовольство своей судьбой и сыном, на что никогда не жаловалась. Заплакала. Она плакала слезами, которых никто не видел за всю ее семидесятилетнюю жизнь...

***

Они уже подружились с Рахим-киши. Бывший военный уже не спешил сдать очередь и идти домой, он задерживался не меньше, чем на полчаса, беседовал с бабушкой Фаридрой, рассказывая о своей жизни, о прошлом и будущем. Бабушка Фаридра также была рада ответить на все вопросы Рахим-киши о себе и своем сыне, о частых звонках, письмах Назима и деньгах, которые он ей присылал в начале каждого месяца. Их разговоры были полны жалоб на время, в котором им выпало жить. Рахим-киши никак не мог поверить в то, что советская армия учинила в Карабахе, объединившись с армянами, и назвал события 20 января в Баку недоразумением. Хотя у него не хватало смелости признать это, в его глазах отчетливо читалось глубокое сожаление о том, что он отдал свою жизнь советской армии.

В последние дни он более аккуратно одевался, будто назло кому-то носил на пиджаке все медали, полученные им на военной службе. Он все более и более мрачнел, у него часто схватывало сердце. Но никогда ни на что не жаловался, не признавал, что у него болит сердце.

...Рахим-киши сказал бабушке Фариде, что спит очень чутко, но не говорил, что спит с открытыми глазами. Теперь, когда она увидела его таким, подумала, что Рахим именно это и имел в виду. Но всё-таки удивилась. Обычно к тому времени, когда приходила бабушка Фарида, Рахим-киши был уже полностью готов и дожидался ее, прохаживаясь по фойе. Но сейчас почему-то он слегка опирался на стул, на котором сидел, и, положив руки на стол, как школьник, смотрел куда-то в потолок, спал с открытыми глазами.

Бабушка Фарида подумала, что Рахим-киши от усталости и волнения уснул прямо на рабочем месте, и потому не стала его будить. Осторожно перекинув сумку через спинку стула, она начала принимать смену, как ее учил Рахим-киши. Все было в порядке. Она молча подошла и села напротив своего товарища. «Как же он устал, что все еще не может проснуться», – подумала она.

– Вставай, вставай, ай, киши, дома нормально поспишь, – тревожно прошептала бабушка Фарида. Когда она увидела, что мужчина не издал ни звука, она слегка прикоснулась кончиками пальцев к его груди: – Рахим-киши, ай, Рахим-киши!..

Рахим-киши был подобен статуе – его грудь была слегка выдвинута вперед, голова высоко поднята, а ледяной взгляд устремлен в потолок.

Бабушка Фарида испугалась:

– Рахим, Рахим! – она выпрямилась, потянулась вперед и посмотрела в уже потускневшие голубые глаза мужчины, подернутые легкой влагой.

– Рахим, я с тобой, Рахим?.. Ааа... что это с ним?! – она схватилась за воротник пиджака и встряхнула его. Лишившись опоры, шея Рахим-киши откинулась назад, его руки скользнули по столу и упали по бокам. Бабушка Фарида в глубине его застывших зрачков увидела, что этот человек давно уже мертв.

– Рахим... Рахим! – рухнула она на сиденье. Она зажала руками рот и беззвучно зарыдала... Рахим-киши умер на ногах, на службе, гордо, как настоящий военный.

Через некоторое время пришел комендант. Все жители общежития устремились в вестибюль на первом этаже. Приехала скорая помощь. Мужчину осторожно подняли со стула и положили на носилки. Бабушка Фарида подошла и села рядом с ним на корточки. Она провела дрожащими руками по его лицу и закрыла ему глаза. Расправила на нем пиджак. Уложила руки с посиневшими венами у него на груди. Поправила медали, которые он получил за свою службу...

Вот так подошла к концу жизнь Рахим-киши, посвятившего свою жизнь советской армии и дослужившегося до звания полковника. Жизнь советского солдата, гордившегося своей службой в армии, в силу и справедливость которой он верил, закончилась в общежитии Азербайджанского института политологии...

...А глаза ему закрыла азербайджанская мать офицера советской армии, которая дожидалась своего сына, идущего по стопам Рахим-киши.

...А гроб вместе с азербайджанскими студентами несли студенты из разных республик, приехавшие в Азербайджан учиться...

Бабушка Фарида подала заявление об уходе. Она устроилась на работу, чтобы забыть о своих заботах и чем-то занять себя, но вышло иначе. Она поняла, что легче сидеть дома и думать о себе, своей воображаемой подруге, сыне, соседях, своем маленьком дворике, чем беспокоиться обо всем обществе... Не дожидаясь того, принял или нет комендант ее заявление, она решительно покинула общежитие.

«Я так хочу тебя увидеть, мамочка! Родная моя, береги себя!..»

...В дверь постучали. Бабушка Фарида, не дочитав последние предложения, положила письмо на стол. Это был почтальон. Бедная женщина пожалела, что открыла дверь. Она больше ничего не ждала от почтальона, но после встречи с ним приходила в себя только спустя день. Не говоря ни слова, она стояла на пороге, ожидая, что скажет, кого спросит почтальон. А почтальон будто онемел, но глаза у него горели. Он протянул дрожащей рукой письмо:

– Бабушка Фарида, бабушка Фарида, бабушка Фарида! – воскликнул он. Он не мог сказать больше ни слова. Тетя Фарида посмотрела в его полные слез глаза и письмо в руке и невольно сделала шаг назад:

– Письмо, а кому это письмо?! – хриплым голосом спросила она.

– Это от Назима, бабушка Фарида, от Назима!

Он не двинулся с места. Радость на его лице внезапно сменилась серьезным выражением. Как будто случилось что-то привычное, каждодневное.

– Спасибо, сынок, спасибо! – только и смогла она сказать.

Почтальон вложил письмо в руку бабушки Фарида. И радостно сбежал по лестнице, как ребенок, бегущий навстречу отцу, вернувшемуся из дальней поездки. Бабушка Фарида даже дверь забыла закрыть. Она прижимала письмо к груди так, словно обнимала самого Назима. Она еле-еле добежала до дивана. Слезы текли из ее закрытых глаз по подрагивающим щекам, как прозрачные капли, стекающие по оконным стеклам в дождливую погоду...

Бабушка Фарида не теряла надежды. Она верила, что однажды увидит своего сына, услышит его голос и прочитает написанные им новые строки, но понятия не имела, как проживет эти моменты. По ее мнению, именно тогда она вкусит настоящее счастье, тогда его узнает. И она не могла представить себе, что такое счастье, пока не попробовала его, не почувствовала всем своим существом... Она не могла представить, что счастье можно испытать со слезами, биением сердца, дрожащими губами, парящим невесомым телом.

... – Что такое мама, мамочка?

– Мать – это женщина, которая рождает человека, дает ему жизнь, кормит его грудью, воспитывает и заботится о нем.

– Родина – тоже женщина? – Назим схватил маму за плечи маленькими ручонками и залез ей на руки, будто взбирался на дерево.

– Нет, сынок, родина – это родина. Родина – это страна, в которой мы родились и выросли, земля, по которой мы ходим, страна, плоды которой мы едим и чьи соблюдаем законы! Родина – это много чего, сынок, наш дом – Родина, наш двор – Родина, наш район – Родина, и наш город тоже...

– Наша школа тоже? – спросил Назим, перебив мать.

– Конечно, Назим, ваша школа и даже классная комната – это тоже Родина.

– Моя учительница говорит, что Родина – мать, – этот разговор произошел, когда ее сын учился в первом классе. В то время Назим задавал тысячу вопросов обо всем, что видел и слышал, и не отставал от матери, пока не получал нужного ответа. Но он не удовлетворялся ответами матери, и когда вечером приходил домой отец, он задавал ему те же вопросы. Когда ответы различались, он загонял их обоих в угол со словами: «А мама говорит иначе... Папа говорит другое».

– Да, сынок, они похожи, потому что Родина священна, как мать, а мать священна, как Родина. Есть то, что может дать человеку только мать, а есть то, что может дать только Родина. Как мать дает тебе жизнь и молоко из груди, так и Родина дает тебе место на своей груди, дает воздух и воду...

Поэтому и Родина, и мать святы и дороги. Но любить их надо безвозмездно!..

Бабушка Фарида немного разволновалась. Но вечером отец попытался объяснить Назиму все это попроще...

«Здравствуй, мамочка!» – тетя Фарида перечитала эти слова несколько раз. Но она не смогла читать дальше, потому что глаза наполнились слезами. Детство Назима снова ожило в ее памяти.

– Мама, лучше быть солдатом или милицейским?

– Оба хороши, сынок.

– А ученым?

– Ученый тоже хорош.

– Отец говорит, что все трое солдаты...

– Это правда, Назим, каждый так или иначе служит Родине. Ученый служит своей наукой. Он тоже солдат Родины в области науки.

– Нет, мама, я хочу быть солдатом с автоматом! – сказал Назим, стреляя из своего игрушечного автомата по воображаемым врагам.

«Я в порядке, мамочка. Но я не знаю, как ты, здорова ли, больна, голодна или сыта».

– Я тоже в порядке, родненький, я тоже в порядке. Главное, чтоб у тебя все было хорошо.

«Прости меня, мама, за то, что я не могу быть с тобой в эти ужасные минуты, за то, что не смог вовремя позаботиться о тебе, за то, что не смог утереть твои слезы...»

– Сыночек, родной! – до сего дня никто не видел, чтобы бабушка Фарида плакала или на что-то жаловалась. Многие знали ее как сильную, волевою женщину. Бабушка Фарида проявляла стойкость даже в самые грустные моменты, проявляла железную волю. А теперь, читая каждое предложение своего сына, она утирала слезы, хлынувшие фонтаном, и только после этого могла продолжать чтение.

«Я все знаю, мама, все. Беспорядки на улицах Баку, убийство армянами невинных азербайджанцев в Карабахе, изгнание людей из их отчих домов, вторжение армян на мою Родину с помощью советской армии, в которой служу и я, я знаю обо всех событиях на Родине...»

– Знаешь, сынок, знаешь. Но почему-то все еще оставляешь мать в тягостном ожидании. Твоя мать все еще ожидает тебя в тревоге, вздрагивая от каждого шороха. Каждый раз, когда в дверь стучатся, она вздрагивает, думая, что это ты! – рыдалась бабушка Фарида. – Ради этого ты учился, Назим? – попыталась она подавить рыдания. – Ради этого ты хотел стать солдатом, сынок? – она прикрыла рот дрожащими пальцами. – Типун тебе на язык! – она закрыла лицо письмом, будто стыдясь, спрятала глаза за листком бумаги, будто не хотела, чтобы кто-то видел ее в слезах.

– Мой солдат, сынок, мой ребенок!.. – ее рыдания прекратились. Но она не стала убирать письмо от лица.

«Я очень люблю весну, но также люблю лето. Осень тоже, но я меньше люблю осень, потому что после осени наступает зима. Я вообще не люблю зиму, потому что у наших солдат зимой мерзнут руки. Они не могут хорошо защищать свою родину, потому что им холодно». Назим написал это сочинение на тему «Мое любимое время года», когда учился в четвертом классе, но получил тройку за свою работу, а затем пришел домой, плача, и пожаловался матери. Когда его мать выразила свое возмущение, учительница упрекнула Назима за то, что он вышел за рамки темы и все свои сочинения так или иначе связывал с солдатами.

«Вот почему я и другие азербайджанские офицеры отказались служить в советской армии, мама. Они мешают нам вернуться в Азербайджан, но мы все равно вернемся, мама, обязательно вернемся! Мы все скоро вернемся. Мы спасем нашу Родину от врага и освободим наши земли!»

По мере того, как текли ее слезы, боль утихала, она плакала и ей становилось легче. Она радовалась, гордилась. Она гордилась тем, что сын слышит ее, знает ее боль и живет с желанием прийти к ней, увидеть, залечить раны. Она гордилась тем, что вырастила такого сына, как Назим. Она гордилась тем, что сын не оставит ее в беде.

«Будь жива-здорова, мое единственное желание – приехать и увидеть тебя живой и невредимой, мама! Береги себя! Дай Бог, увидимся в ближайшее время. Твой сын Назим».

Она почувствовала легкий ветерок, после чего захлопнулась дверь.

Только сейчас бабушка Фарида вспомнила, что забыла закрыть дверь, получив письмо от почтальона. Когда она встала, чтобы закрыть дверь, внезапно чихнула.

– Будь здорова, – сказала она, снова садясь в кресло.

– Спасибо, – она постучала сомкнутой рукой по груди, чтобы чихнуть во второй раз. Не смогла этого сделать, вынула платок, вытерла лицо, встала и заперла дверь.

Войдя в комнату, услышала звук льющейся воды из ванной. Посмотрела на настенные часы, висящие среди увеличенных детских и юношеских фотографий Назима. Было шесть ровно. Бабушка Фарида, будучи дома, всегда держала кран открытым, чтобы услышать шум воды, как только ее дадут. Она сначала мыла посуду и стирала одежду, а потом купалась сама. Она прошла в ванную. Хотя обычно она мылась горячей водой, сейчас включила холодную воду. Неспешно умылась и совершила ритуальное омовение – гусул. После купания она всегда сушила волосы феном, а потом пила горячий чай. На этот раз она просто слегка высушила волосы полотенцем. О чае она даже не вспомнила. Она взяла ножницы и состригла ногти на руках и ногах. Потом прошла в спальню и сменила простыни и наволочки.

Затем вернулась в гостиную, принесла семейный альбом и положила его на журнальный столик.

– Это мой покойный отец! – стала она по очереди представлять всех своих родственников, словно знакомых кого-то с членами своей семьи: – А это моя покойная мама! – она совершила салават и шепотом помолилась: – Да упокоит Аллах их души. – Закончив фразу, сразу воскликнула: – А это мой несчастный брат!

В горле встал ком. Ее старший брат умер еще подростком. Затем она представила своего брата, живущего в Гяндже, и членов его семьи. Когда настала очередь смуглого человека средних лет с тонкими усиками и мягкой улыбкой на лице, она тоже слегка улыбнулась и покачала головой. Она посмотрела на портрет своего супруга, висящий на стене рядом с фотографиями Назима. Этот портрет был скопирован с фотографии, которую она сейчас держала в руках. Отец Назима умер, когда тот был еще студентом. Перед годовщиной со дня его смерти Назим заказал его портрет и повесил на стену. Она перелистывала страницы альбома и одного за другим представляла всех своих родственников. Словно прощаясь, она разговаривала с ними. Затем снова взяла письма Назима и прочитала каждое по несколько раз. Она аккуратно сложила фотографии в альбом, положила их в ящик буфета, а письма положила сверху...

Было уже за полночь, вот так прошел еще один день ее жизни. Словно не зная, что делать, она прошлась по комнате, по кухне, затем пошла в спальню, встала у изголовья кровати и на пару мгновений ушла в думы.

– Идем, пошли, пошли, – сказала она, возвращаясь к входной двери. – Лучше оставить дверь открытой, – сказала она, отпирая ее, словно ожидая кого-то. Но не распахнула дверь, а оставила ее прикрытой и вернулась на кухню. Она встала перед окном и стала смотреть на темный двор. Это заняло много времени...

– Иду, иду! – сказала она, внезапно очнувшись, как будто кто-то ее позвал, убрала лоб от холодного стекла и обернулась.

– Иду, иду, сейчас! – она обернулась и снова посмотрела во двор. Распахнула окна и оставила их открытыми.

– Я иду... иду!.. – Она отступила на шаг, не отрывая глаз от окна. Из окна, будто из глубокого колодца, смотрела женщина с бледным лицом, с болью и утешением, страхом и уверенностью, тоской и любовью в глазах она смотрела прямо в ее глаза. Эта женщина в белой ночной рубашке с редящими белоснежными волосами была ее отражением в окне...

Она прошла в комнату. Походила туда-сюда, словно вспоминая, что делать. Открыла ящик серванта, взяла небольшую аптечную коробку и вернулась в спальню.

«...Мое единственное желание – приехать и увидеть тебя в целости и сохранности, мама». Она прошептала последние строки из письма сына. Воздела руки к небу и сказала:

– Не отказывай в милости моему сыну, Господи! Прости его грехи! Дай ему возможность проявить себя как сына!!! – взмолилась она. Она сделала шаг вперед, как будто увидела перед собой Назима, и остановилась. Прошептала еле слышным голосом: – Прости меня, сынок! Прости, что не смогу осуществить твое желание. – Она закрыла глаза и положила руки на грудь: – Прости, чтобы больше не смогу погладить твои вьющиеся черные волосы, не смогу снова поцеловать твои невинные глаза, мой солдатик!..

Она встала и села в своей кровати, обратившись лицом к кибле:

– Открой мне дверь милосердия, Господи! – она подняла руки и снова взмолилась. Она поискала и нашла в аптечной коробке марлю, свела ноги вместе и крепко связала большие пальцы ног. Легла спиной на мягкий матрац, который только что застелила. Как только она закрыла глаза, слезинка капнула с ее ресниц, скатилась по щекам, упала на белоснежную подушку и стала расплзаться... – «Мы отказались служить в советской армии, мама. Но они не дают нам вернуться в Азербайджан. Мы вернемся, несмотря ни на что, мама, обязательно вернемся. Мы все скоро вернемся. Мы спасем Родину от врага, мы освободим наши земли...», – прошептала она еле слышно. Глубоко вздохнула. Словно отвечая на слова сына, сказала хриплым голосом: – Укрой меня, сынок! – и натянула одеяло на голову. Она осторожно спустила руки под одеялом, чтобы оно не соскользнуло. Дрожавший голос эхом разнесся по комнате, как слабая музыка:

– Ашхадуанлаилахаиллаллах! Ашхаду анна Мухаммадан Расуллаллах! Ашаду анна Амир аль-мумининАлиянвалийуллах!..

***

Снег в Баку выпадал редко, но он таял, как только ложился на землю. Только тротуары там и сям были засыпаны снегом. Тахира спешила во двор бабушки Фариды, крепко держась за свои тяжелые сумки, чтобы не поскользнуться...

...Она достала банки и разложила их одну за другой на тротуаре. Положила руку на лоб козырьком и оглядела балконы пятиэтажного дома. Никого не было видно. Кажется, сегодняшний снег проник и в сны жителей двора. Она решила подождать. Все уже знали, что она придет. Сейчас они спустятся по одному, вернут банки, которые взяли вчера, возьмут новые и поспешат в свои квартиры. Но Тахира ждала, когда в окне появится бабушка Фариды. Сегодня она не стала бы ничего покупать. Но обязательно должна была показаться в окне. Попрошавшись с последним клиентом, Тахира подумала про себя: «Наверное, она не дома». Она сложила пустые банки в сумку, взяла уже облегченный багаж и пошла к автобусной остановке. Но сделав несколько шагов, остановилась. Она еще раз обернулась и посмотрела на окна бабушки Фариды, чтобы убедиться в ее отсутствии. Бабушка Фариды была там, в белой ночной рубашке, с непокрытой головой, она стояла у открытого окна и смотрела на Тахиру. Положив сумки на асфальт, Тахира обернулась к бабушке Фариде. Та стояла, слегка склонив шею и сложив руки на груди. Тахира была удивлена. Она не могла поверить, что бабушка Фариды молчит, никого не ругает. Как будто это почувствовала и сама бабушка Фариды. Она осторожно подняла правую руку, и рукав ее рубашки соскользнул и упал ей на локоть. Она слегка махнула рукой в воздухе. Тахире показалось, что бабушка Фариды зовет ее вверх. Она оставила свои сумки во дворе и поспешила в квартиру подруги...

***

Светало. Солдат в военно-полевой форме поднимался по лестнице, перешагивая через ступеньки, и остановился у дверей бабушки Фариды. Солдат, чьи глаза прослезились от радости, поспешно нажал кнопку звонка, но дверь не открыли. Солдат подумал, что бабушка Фарида еще в постели, и начал стучать в дверь, даже не думая, что потревожит соседей. Изнутри не доносилось ни звука. С сумкой на плече он расстроено спустился во двор. Стоя на тротуаре, он смотрел на окна четвертого этажа. Окна были черным-черны, будто занавешены черной занавеской. Как только восходило солнце, оно обычно первым отражалось в этом окне. Но до рассвета еще было время...

... – Что ты рисуешь, Анночка?

– Я назвала этот рисунок «Окна бабушки Фариды».

Девочка передала отцу рисунок дома.

– Но ведь ты никогда не видела бабушкиного дома, дочка! – сказал он, удивленно глядя на рисунок ребенка.

– Видела, папа, – сказала дочь, качая головой и убирая волосы с лица. Она прищурила глаза, словно вспоминая то, что видела, и уставилась в какую-то точку: – Я видела ее во сне. – Она растянула слово «видела», как будто эти окна все еще были перед ее глазами.

Отец промолчал. Мужчина то с удивлением наблюдал за движениями дочери, то смотрел на ее рисунок. Рисунок ребенка был копией их дома в Баку. Девочка перестала смотреть вдаль и посмотрела невинным взглядом в глаза отцу:

– Ты не ответил мне, папочка! – Она взобралась отцу на колени и посмотрела на свой рисунок: – Похож?

– Похож, дочка, очень похож! – он осторожно опустил ребенка с колен. – Но эти железные решетки лишние.

Он провел пальцем по широким окнам на рисунке. Он ушел в думы, будто увидел свой родной дом.

– Кто это, дочка? – он указал на женщину в белом, которая печально смотрела в окно.

– Кто, папа, здесь никого нет, – удивился ребенок. Она не нарисовала ничего, кроме дома и окна.

Он оторвал взгляд от рисунка и с удивлением посмотрел в лицо дочери... Точь-в-точь как теперь, когда он стоял во дворе, глядя в окна своей квартиры на четвертом этаже... Мать в белоснежной ночной рубашке стояла за окном и смотрела на него печальными глазами... Это была та самая женщина. Женщина, смотрящая с рисунка его дочери «Окна бабушки Фариды»...

10.01. - 21.01.2005 г.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Этибар Мурадханлы родился 1 декабря 1968 года в селе Калахан Лерикского района Азербайджанской Республики. В 1995 году окончил филологический факультет Бакинского Государственного Университета. До 2002 года работал в различных СМИ. Его романы, рассказы и повести публиковались в журналах «Улдуз», «Азербайджан», «Юрд» и др. С 2000 года член Союза писателей Азербайджана. Президентский стипендиат. Автор книг «Вы в осаде, лейтенант», «Студенческий отряд», «282-й человек», «Пленник пленника».

МУТАЛИП БЕППАЕВ

*Народный поэт Кабардино-Балкарии,
Председателем правления Союза писателей КБР;*

КАНШАУБИЙ МИЗИЕВ

*Литератор, общественный деятель, с 2004-го представитель
Республики Башкортостан в Турции*

АХМЕТ НЕЖДЕТ – ПАТРИАРХ ТУРЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Турецкая литература до сей поры представляет собой неизученную целину имён, произведений, жанров, направлений. А в целом – литературного наследия некогда могущественной Османской Империи, а затем и Республиканской Турции.

Средневековая турецкая поэзия отмечена жемчужиной мировой литературы в лице создателя суфийского ордена «Мевляна» Джалаледдина Руми, выходца из столицы Конийского султаната – Коньи. И сегодня в этом современном городе Турции витает дух великого поэта Руми, правда, больше для многочисленных туристов, в виде ежегодных праздников «вертящихся дервишей», собирающих огромные толпы поклонников со всего мира.

И если Руми писал на языке средневековой поэзии – фарси, то произведения первого крупного поэта, писавшего на тюркском языке, Юнуса Эмре, известны его потомкам уже без перевода.

Турецкие поэты как зеницу ока сохранили, сберегли великие традиции Руми и Эмре. Среди них известны имена таких талантливых литераторов, как Султан Велед, Ашик Паша, Кады Бурханеддин и многие другие.

В годы Республиканской Турции на литературном небосклоне появляются такие звезды, как готовый сгореть, чтобы «рассеять тьму», пламенный Назым Хикмет; автор вечно молодой романтической книги «Королёк – птичка певчая» Решат Нури Гюнтекин; входивший в десятку лучших юмористов мира Азиз Несин; тонкий лирик, сказавший: «Прикрыв глаза, я слушаю Стамбул» – Орхан Вели; автор эпических романов Кемаль Тахир и наши современники: крупный прозаик Яшар Кемаль, классик турецкой поэзии, новатор в своих тематических изысканиях Фазыл Хюсю, талантливый поэт, прекрасный знаток и переводчик русской литературы Атаол Бехрамоглу, знакомый зарубежному читателю; популярный Ахмет Умит и другие.

В современной турецкой поэзии своим ярким, многосторонним талантом выделялся профессор и прекрасный поэт Ахмет Неждет Инезряли (1933-2010). Он выпустил целый ряд переводных антологий по старотурецкой поэзии и, таким образом, являлся тем звеном в цепи, которое связывало средневековую турецкую словесность с языком перечисленных современных писателей, так как основные произведения авторов прежних веков из-за архаичности языка подчас не вполне доступны современному читателю в Турции. Поэт также перевел на родной язык Аполлинера, всего Бодлера, Поля Селана, рубаи Омара Хайяма.

В течение более десяти лет К. Мизиеву, одному из авторов этой статьи, довелось довольно тесно сотрудничать с Ахметом Неждетом на переводческой ниве. Их совместная работа начиналась со стихов великого балкарского поэта Кайсына Кулиева и продолжалась до ухода из жизни турецкого поэта. За это время они совместно переложили на турецкий язык целую плеяду звезд российской словесности.

Это Александр Пушкин и Борис Пастернак, Михаил Лермонтов и Сергей Есенин, Александр Блок и Игорь Северянин, Осип Мандельштам и Велимир Хлебников, Марина Цветаева и Анна Ахматова, Зинаида Гиппиус и Василий Розанов, Андрей Белый и Александр Кушнер, Белла Ахмадулина и Евгений Евтушенко и многие другие. Ими осуществлен первый перевод на турецкий язык бессмертного пушкинского произведения «Евгений Онегин». Эта работа была признана «лучшей переводной книгой в Турции 2003 года».

Поэзия Ахмета Неждета – это сплав строго канонизированной средневековой поэзии и современного, начатого Назымом Хикметом, нового литературного процесса с его чеканностью форм и разнообразием приемов. Соединивший классический стих с красками сегодняшнего дня поэт очень современен и актуален. Образы и символы, отобранные тщательно, с ювелирной точностью, придают его поэзии объемность, образность и густоту философского мышления.

Об этом, думается, наиболее точно высказалась в своей статье известная писательница Тюлай Ферах: «В поэзии Ахмета Неждета мы должны подчеркнуть не обуздание традиционализма, как нам казалось бы, а, наоборот, тонкое его переплетение с современностью. Его строки, обогащенные и избалованные классическим размером, без стеснения, свободно смотрят на сегодняшний день и в будущее: с классическими манерами прошлого и страданиями сегодняшнего дня, опять же с тонкой иронией отображая эти страдания».

В классической форме восточной поэзии – *тюдгах* – ярко чувствуется эта форма мышления Неждета. Человек и любовь, бытие и ничто, одиночество и вечность – вот те вопросы, на которые искали и не находили ответов восточные поэты и философы. Искал ответа на них и наш великий современник Ахмет Неждет:

*Одиночество кому из всех родней?
Где в истории оно всего видней?
Знают, думаешь, их все законники?
Ведь оно и Хаммурапия древней!*

(«Одиночество»)

Одна из основных тем в поэзии Неждета, как и у любого большого поэта, – это любовь. Любовь для Неждета – это не самоцель в жизни, а свет, цвет и символ, способные повести его по жизни или по времени, заставить его забыть все остальное. Особенно это удалось ему в сборнике стихов «О, любовь!», удостоенном одной из престижных премий в Турции в 2002 году. Одно стихотворение из этого замечательного сборника:

*Час придет – я убегу из града прочь...
Что ж оставляю? Много дум про день и ночь,
А еще и сердце беспокойное,
Радости, любовь и страсть – все превозмочь!*

(«Час придет»)

Сегодня мы впервые представляем русскоязычному читателю замечательного поэта из соседней, дружественной нам страны – Турции. Хотя наша история переплетена многими нитями, литературное сотрудничество, думается, делает свои первые серьезные шаги. А знаменосцем этого движения до самой своей кончины 5 мая 2010 года являлся патриарх турецкой словесности Ахмет Неждет.

АХМЕТ НЕЖДЕТ

Птицы

На месте, где из неба кровь сочится,
Со жгучим солнцем встретились
вдруг птицы.
Живя с любовью в памяти прошедшей,
Сгореть им суждено... и вновь родиться.

Слепой

Дойти успел слепой до края света:
Приелась ночь – дневного ждет просвета.
«Так жизнь мала,
но в путь влечет искусство...»
Река ль зрячей?.. Бежит быстрее ветра!

Что это, друг?

Жить, чтоб на море зажечь пожар, –
Это ли ничто?..
Что ж это, друг?
Умереть, дойдя нам до Стожар, –
Это ли ничто?..
Что ж это, друг?
Без остатка сил уметь любить –
Это ли ничто?!..
Что ж это, друг?
Горе, трусость, ложь в себе убить –
Это ли ничто?!..
Что ж это, друг?
Светом яркого дня пламенеть –
Это ли ничто?..
Что ж это, друг?
Добротой наполнить этот день –
Это ли ничто?..
Что ж это, друг?
Жизнь пуста, коль не любить подруг...
Это ли ничто?..
Что ж это, друг,
Все это, друг?..

Из сборника «ПТИЦА-ХОККУ»

1

Весна

***

Дождик и листок
Преданы друг другу...
И луне чуток.

***

**Как грустна луна!
На цветы легла
Снега пелена...**

***

**Река учтива:
Моет косы день и ночь
Плакучей иве...**

***

**– Хототогису!¹ –
Промолвив по-японски,
Зрю Хокку-Птицу...**

2

Лето

***

**Ночи коротки
И безлунны... Как же тут
Смогут петь сверчки?..**

***

**Грусть забыл всю он:
Летом у бегущих волн –
Полудённый сон.**

***

**Падая, звезда
Повторит тебе жалобу свою:
Всё одна – всегда!**

***

**Лето перевесть,
Так сказать, готовлюсь я:
Август – хлада весть!**

***

**Безбрежно лето,
Написанное мною:
Вмещу ль его в три строчки?..**

3

Осень

***

**Осень. Ал закат.
Листья льются, словно кровь –
Гор багровый скат.**

---

¹ В Японии есть кукушка под таким названием, считается, что она повторяет собственное имя, разделяя слово по слогам: хо-то-то-ги-су. По легенде, это не земная птица, а таинственный скиталец из царства мертвых, в конце мая ее появление предупреждает крестьян о том, что пора сеять рис.

***

**Небо осени –
С клином журавлиным ты!
Детство нам верни...**

***

**Маленький вопрос:
Больше всех кто одинок?
Дождь среди увядших роз!**

***

**Мокрый, весь дрожит:
Жаждет лист остаться –
С веткой жизнь прожить...**

***

**Осень!.. Отчего
В сердце каждого печать
Одиночества?..**

4

Зима

***

**О любви слова
Зимней ночью все твердит
Старая сова...**

***

**Ночь... Шаги... Смешки...
Зимний ветер заиграл,
С нами вдруг в снежки.**

***

**Спрятав нас в карман,
Сквозь века легко несет
Снежный великан...**

***

**Лебедь как кристалл
Вновь дрожит на озере.
На дворе – февраль...**

***

**Лампа в старой улочке:
А прохожих никого –
Ночь, зима, тоска.**

***Перевод
Муталипа БЕППАЕВА
Каншаубия МИЗИЕВА***

ЛЯМАН БАГИРОВА

РАССКАЗЫ

Мартынка или чудесное превращение

Реальная история

Когда в эпоху не так давно минувшую (что для истории каких-нибудь 30 лет!) мне говорили о людях, способных на подвиг, я вспоминала об этом человеке. В самом слове «подвиг» есть что-то величественное, бряцающее и громкое. Ничего подобного в Мартынке не было. По-настоящему звали его не так. Более того, ничего общего его имя с «Мартыном» не имело. Тем более с «Мартынкой».

Назван он был в честь деда именем Марат. Деду вздумалось появиться на свет в суровом 1920 году в семье неистовых романтиков-революционеров. Родители желали наречь первенца Жанпольмарат – в одно слово, но старшее поколение яростно воспротивилось. В результате бурных дебатов и ожесточенных домашних боев решено было остановиться на просто Марате. Очевидно, младенец вместе с именем унаследовал не только революционный пыл воинственного француза, но и его слабое здоровье. В ванне он, правда, не сидел, и не был, к счастью, в ней заколот, а мирно окончил свои дни на собственной даче. Но всю свою жизнь Марат-старший мучился слабым желудком и дерматитом, но, невзирая на это, бурлил инженерными и архитектурными идеями. Некоторые из них претворялись в жизнь и поощрялись премиями и наградами. К концу жизни Марат-старший был заслуженным строителем и скончался, окруженный печальной родней.

Через пять месяцев после упокоения Марата-старшего в мир явился его внук, Марат-младший. Он не унаследовал от деда ничего, кроме имени. Насколько дед был предприимчивым, отважным и смелым, настолько внук был тихим, робким и забитым. Он даже появился на свет не с яростно-жизнеутверждающим криком «Я-а-а-а!!!», а с деликатным вздохом: «Ай-йа...», словно заранее определяя свое вечное второе место в этом мире. Да какое там второе; восемнадцатое, триста двадцать пятое, но только не первое! «Знай сверчок свой шесток» – будто предназначала ему природа, и, казалось, он абсолютно не возражал против этого.

Даже мать, а матери больше жалеют и балуют самого слабенького из детей, считала его своей неудачей, называла недалеким, убогим. Он раздражал ее уже своим присутствием.

– Ну, чего рот разинул, опять ворон считаешь! – в сердцах кричала она ему.

– Все дети как дети, давно поели, а он все мусолит несчастную кашу! Да-ай сюда! – и тарелка с недоеденной кашей с грохотом сваливалась в раковину. – Вон из-за стола, копуша! О, Господи! Вот идиот на мою голову!

Марат не протестовал ни против злобных окриков, ни щипков, ни шлепков, ни даже отцовского ремня. «Значит, за дело», – думал он, медленно потирая побитое место. Он вообще все делал медленно. Медленно ел, медленно одевался, медленно говорил, ходил, да и соображал медленно. Он не был убогим, просто был тугодумом, но это злило и раздражало близких и смешило соседей.

– В кого он такой? – ворочалась без сна мать. – К врачу водила, он говорит, все нормально, но это же сколько терпения надо, пока ему что-то объяснишь. Господи, другие дети как дети, все на лету схватывают, а с этим пока несчастный стишок учишь, семь потов сойдет.

– Дурь! – басил муж. – Дурь и лень! Спи и не забивай себе голову. Ремня ему хорошего, и все стихи запомнит. Я за него возьмусь, выбью лень.

– Да били уже, и что толку, – вздохнула мать. – Все то же. Так и проживет всю жизнь с разинутым ртом, и не заметит, как без ничего останется!

– Я за него возьмусь, – бурчал отец, засыпая.

«Мартышкой» же он стал случайно, в седьмом классе. Так едко окрестил его учитель географии. Отчаявшись донести до Марата понятие о круговом азимуте, он попросил подать ему губку для доски.

Марат и тут оплошал. Проклятая скользкая губка почему-то затанцевала в руках и несколько раз упала на пол. Импозантный, щеголевато одетый учитель с минуту наблюдал неравный бой Марата с губкой, вздохнул, и с его губ впервые сорвалось:

– Садись... Мартын.

В классе хихикнули.

– Я не Мартын, – почти через минуту пробасил Марат.

– Неужели? – насмешливо протянул учитель. – А мне кажется, именно Мартын.

И знаешь, почему?

И, выждав эффектную паузу, он поведал:

– Был у какого-то барина слуга по имени Мартын. Как-то приходит он к своему господину и спрашивает: «Барин, Бориска больше меня денег получает, а работаем мы поровну. Почему так?»

«Сейчас объясню», – говорит барин, а сам к окну подходит и Мартына за собой зовет. А из окна холм большой виднеется. «Видишь, во-он там на вершине холма темное что-то, – говорит барин. – Наверно, кто-то на ярмарку или с нее едет. Сбегай-ка, Мартынушко, разузнай!».

Побежал Мартын и вскоре вернулся, запыхавшись.

«На ярмарку, – говорит, – мужик едет».

«Хорошо бы узнать, что везет», – говорит барин.

Мартын побежал снова, разузнать.

«Овес везет продавать», – сказал он, возвратившись.

«А почему?» – спрашивает барин.

Мартын побежал в третий раз.

«Два рубля за четверть», – говорит.

«А не отдаст ли за рубль?» – говорит барин.

Мартын в четвертый раз побежал.

«Отдаст».

«А хороший ли овес у него?» – чешет в затылке барин.

В пятый раз побежал Мартын.

«Хороший, барин, отборный».

«А не привезет ли сюда, во двор? – продолжает барин. – Я бы взял все».

Пришлось Мартыну в шестой раз бежать.

«Привезет, коли еще полтинник накинуть».

«Ладно, беги, скажи, чтобы привозил», – согласился барин.

Мартын побежал в седьмой раз. Барин наконец сторговался, купил овес и говорит:

«Отдохни, Мартынушко, забегался, поди. А мне Бориску покличьте».

Вот приходит Борис. Барин и его к окну подводит:

«Глянь-ка, снова на холме виднеется что-то. Небось на ярмарку или с нее едут.

Сбегай-ка, Бориска, разузнай!»

Побежал Борис, вернулся и говорит:

«Мужик на ярмарку, барин, едет, пшеницу шесть четвертей везет продавать. Четверть по полтора рубля отдать хочет, но пшеница у него плохая, а вот еще везет

он две четверти ячменя, так тот отборный, крупный. Хорошо бы весь взять. За ячмень четыре рубля хочет, я сторговался за три, да еще два гривенника накинуть, чтобы во двор привез. Да вот он уже и во двор въезжает».

Отдал барин Борису три рубля и два гривенника, чтобы тот расплатился, а сам Мартыну говорит:

«Понял теперь, почему Бориска больше тебя получает?! Иди, и впредь ко мне за этим не приходи!»

– Теперь понял, почему ты – Мартын? – победно сверкнул очками учитель.

– Ха-ха-ха! – расхохотался класс.

– Я не Мартын, – наклонив голову, медленно пробурчал Марат, но его слов никто не расслышал. Они потонули в хохоте. Кличка «Мартын» прилипла к нему мгновенно. А потом сменилась на более обидную – «Мартынка».

И хоть бы слово протеста. Хотя бы тень ропота. Нет, смиренной душе будто неведомы были гнев, ярость, возмущение. «Мартынка» так «Мартынка», он не сопротивлялся.

Он вообще не сопротивлялся судьбе. Школу окончил не то, чтобы с трудом, но при вручении аттестатов директор с заметным облегчением вздохнул:

– Ну, Марат, поздравляю. Одолел ты десять классов.

И это было правдой. Он действительно не дошел, не добрался, не доковылял, а одолел.

В армию его не взяли по причине сколиоза и плоскостопия. Марат и тут подвергся насмешкам. Это было то время, когда не служить было позорно. Не взяли в армию, значит – ущербный. За такого и девушку из приличного дома отдать поостереглись бы. Да и сами девушки охотнее выбирали бравых дембелей, щеголявших в форме, чем унылых ботаников. Тем более таких, как Марат. Да что с него взять – Мартынка и есть...

В вуз, на истфак, он феерически проваливался два раза. И оба раза по одной и той же причине – довел до белого каления приемную комиссию. Обиднее всего то, что по любимому предмету – по истории. У Марата была хорошая память на даты, история давалась ему, но ответ на вопрос выглядел примерно так:

– У вас что в билете? Первый вопрос?

– У-м-м-м, э-э-э-э, битва, э-э-э при... (тут Марат погружался в раздумья и застыл с билетом в руке)

– Битва при чем?!

– Э-э-э-э...м-м-м...

– Вы будете отвечать или нет?

– А? Да-да! При, э-э-э, Калке.

– Слава Богу! Мы вас слушаем.

Но слушать было затруднительно. Ответ Марата по сути представлял собой сплошной поток сознания. Он упоминал о дате битвы, а потом его снова накрывала волна раздумий. Бог его знает, сколько монгольских, русских и половецких конниц скакало в данную секунду в его мозгу, но отвечал он невнятно, мялся, краснел, сопел, сутулился еще больше. Потом почему-то поток его сознания перескакивал с Калки к Грюнвальдской битве, затем к ним приплеталась Столетняя война. В общем, это был какой-то чудовищный канкан из исторических дат и событий, абсолютно не связанных друг с другом. Терпению комиссии приходил конец, она единодушно срезала Марата и вздыхала с облегчением.

– Горе ты мое! – ахала мать. – Господи, что же с тобой будет?..

– Ничего, пусть работать идет, как раз в магазине грузчики нужны. Если не получается работать головой, пусть работает руками, – язвил отец.

– Куда ему в грузчики? – плакала мать. – Ты посмотри на него! Это не человек, это студень! Слава Богу, что другие дети умные, тьфу-тьфу!

Старшие брат и сестра Марата действительно учились прекрасно, забот родителей не доставляли.

– Не плачь! – рявкнул отец и отправлялся брать со старших торжественное слово, что они не бросят «этого идиота» после родительской смерти, иначе тот погибнет от голода, а их совесть замучает!

Марат слышал из-за закрытой двери голоса родных, но словно и душа его была за закрытой дверью. И голоса, и волнение, и плач матери, и язвительность отца доносились до него как сквозь толщу воды. И чем больше бурь и тревог было вокруг, тем больше душа его погружалась в безропотность. Чему быть, того не миновать, так чего зря изводить себя?..

Иногда, правда, Марат начинал жалеть себя. Рисовал себе картины собственной смерти: как красиво он лежит в гробу – важный, бледный. Темные волосы оттеняют мраморную гладкость лба. Навсегда закрытые глаза затканы черной тесьмой ресниц. Боже, как все образно, как величественно и печально! Вокруг ходят заплаканные близкие, приходят соседи, знакомые. Все жалеют безвременно угасшую молодую жизнь и клянут себя за то, что были жестоки и грубы с Маратом. Но поздно, поздно... И вот Марата увозят к месту последнего упокоения, вот погружают в рыхлую (сухую, твердую, промерзшую – в зависимости от времени года!) землю, и вот он слышит над собой последние рыдания и удаляющиеся шаги. И... остается один. Тут Марату становилось не по себе. А потом он представлял, как родители и брат с сестрой вернутся домой и будут заплаканные, растерянные бродить по комнатам и некого даже будет отругать: «Где ты, о Господи, опять зазелался на что-то?!» Тут у Марата начинали нестерпимо чесаться глаза и сердце заходило уже от жалости к родным. Поэтому видения смерти откладывались, тем более, что в них врывался визг матери:

– Сколько можно звать?! Я не знаю, что сейчас с тобой сделаю!!! Я с тобой горю или нет?! Иди есть или я сейчас тарелку тебе на голову надену!

Так и жил Марат в полусне-полуяви, пока не выпала ему возможность совершить свой подвиг. Или просто судьба его так направила.

Случилось это когда он, отчаявшись поступить в вуз, подался в педагогический техникум. Или звезды сжалились над ним, или педагоги разомлели от жары и не обращали внимания на его ответы, но он был зачислен. Родители только дружно вздохнули, причем непонятно было, чего больше в их вздохе – облегчения или удивления. Однозначно обрадовались этому только брат и сестра: Мартынка получит какую-нибудь профессию и не будет висеть на них тяжким грузом, и совесть их не замучает!

Возвращался Марат осенним вечером после последней лекции, и дорога его лежала через небольшой парк с озером. Сотни раз он проходил мимо этого озера и никогда особо не глядел на него. Водоем как водоем – летом уточки плавают, зимой – наледь, осенью – свинцовая рябь, весной – зеленоватые волны. Что еще? Камыши вокруг, парочки, жаждущие уединения, культурно отдыхающие на троих граждане, мамы с колясками, бабульки с авоськами. Иногда, впрочем, в озере ловили пескарей и плотвичку. Но Марата мало интересовало окружающее. Он шел медленно, и мысли его были медленными, ленивыми и сонными.

Но в этот вечер одинокая мужская фигура у самой кромки воды привлекла его внимание. Марат, вобрав голову в плечи, прошагал мимо, потом еще больше замедлил шаг, вернулся. Ветер сильно раскачивал фонарь у гаражей, и оттого казалось, что озеро освещает прожектор. Фигура стояла недвижимо, и в свинцовом блеске воды выглядела жутковато.

– Не надо, – вдруг вырвалось у Марата. Он не знал, почему произнес эти слова, но был уверен: сейчас они необходимы. – Не надо, – повторил он.

Фигура обернулась. В сморщенном худом человеке Марат узнал своего учителя, того самого, что когда-то окрестил его Мартыном.

Учитель глядел на него неосмысленно. Он не узнал своего ученика.

– Не надо, Григорий Викторович, – уже громче и увереннее произнес Марат и шагнул вперед. Плечи его расправились. – Дайте руку!

Учитель наконец разлепил серые губы:

– Марты.. Марат?!

– Дайте руку! – властно повторил он.

Старческая рука была ледяной. Видно, старик давно стоял здесь. Из одежды на нем были только потертые джинсы, байковая клетчатая рубашка и разношенные кроссовки.

– Пойдемте, Григорий Викторович. Обойдется все. Вы замерзли, пойдемте, мама вас накормит, чаем напоит. Идемте.

Старик вдруг жалобно скривил губы и уткнулся в ворот Маратовой куртки.

– Ах, Мартын, ты мой Мартынушко, – всхлипнул он и задрожал.

И больше ничего не говорил, кроме судорожного: «Мартынушко!».

Марат накинул на него свою куртку, подхватил на руки сухонькое тело и почти побежал к дому.

Домашние ошеломленно следили за тем, как вечно забытый Марат отдавал распоряжения:

– Григорий Викторович поживет пока у нас, хорошо? Я ему на своей кровати постелю, а сам буду на раскладушке. Мама, ему бы ванну горячую и чай с малиной, чтобы не простудился!

Когда распаренный, накормленный, в чистых Маратовых штанах и рубашке старик сидел на кухне и пил чай с малиной, к нему попытались было подступить с распросами. Но он только глубоко вздыхал и вздрагивал всем телом. Видно было, что за последние дни он впервые поел горячую пищу, да и вообще наелся досыта.

Истина выяснилась через несколько дней и оказалась простой и страшной. Одинокого вдовца старика обманули соседи, пообещав приглядывать за ним, если он отпишет им квартиру. Квартира была отписана, но приглядывать, как оказалось, никто и не собирался, и он вскоре оказался на улице. И дальше – сплошное «нет». Дома – нет, близких – нет, жена – умерла, работы – нет, сбережений – нет: какие могут быть сбережения у школьного учителя географии с мизерной пенсией.

Но главное-то, как оказалось, не в этом! Марата будто подменили! Это был уже не Мартынка – медлительный сутулый тугодум, вечно мялящий, сопящий, витающий в эмпиреях. В нем словно воскрес дед – Марат 1-й, с его энергией и работоспособностью. Воскресал он осторожно; Марат 2-й словно и сам изумлялся этой метаморфозе, но подчинялся ей.

Он так трогательно опекал старика, что родители только руками разводили и благодарили Бога за чудесную перемену в сыне. А отец даже несколько раз поставил его в пример другим детям.

– И вообще, – добавил он глубокомысленно, – с таким братом вы никогда не пропадете!

Но Марат на простой заботе не остановился. Он решил вернуть учителю квартиру и доказать, что сделка с соседями была незаконной. От походов в прокуратуру его отговаривали всем миром, начиная от самого Григория Викторовича и слез матери и заканчивая соседями по дому. Говорили, что ничего из этой затеи не выйдет, и все судьи давным-давно куплены.

Напрасно. Сильного человека можно заставить изменить свое мнение, но если упрется слабый... А Марат был силен в своей слабости!

И случилось невероятное! Но отчего же судьбе иногда не быть щедрой на подарки?! Суд через четыре месяца разбирательств признал незаконность сделки и восстановил старика в его правах. Правда, бывшие «добрые соседи» проклинали учителя и его благодетеля на чем свет стоит, но это были уже такие мелочи...

Летний день, когда в доме Григория Викторовича за обеденным столом собралась семья Марата и несколько соседней, был тихим и нежным. А вот счастливым ли?..
Послушаем-ка самого хозяина дома:

– Дорогие мои! Я был абсолютно счастлив в своей жизни несколько раз. Первый раз, когда мама купила мне сахарное мороженое. Это было очень давно, мне было три года, я шагал и думал, что это самая вкусная вещь на свете. Второй раз – когда женился. Третий раз – это сейчас. Но, оказывается, я стал счастливым по-настоящему, когда встретил Марата. Если бы не его медлительность тогда, то неизвестно, что было бы со мной. Если самый большой подвиг в том, чтобы спасти чью-то жизнь, то Марат совершил его. И я горжусь своим учеником.

***

...Давно это было. Но и сейчас, когда мне говорят о людях, способных на подвиг, я вспоминаю небольшого сутулого человечка, медлительного и робкого до отворачивания. И того, кем он стал потом – уверенного, сильного, целеустремленного. Блестяще окончившего истфак и защитившего диссертацию. Прекрасного педагога, спортсмена и отца семейства.

И не устаю удивляться причудам судьбы, бывающей то жестокой, то нежной, то злобной, то милостивой. Ну так Судьба – как женщина: переменчива...

Музыка осени

Низкорослый полный человек запер за собой дверь в лавку и остановился на пороге. На него дохнуло нежилым духом полуподвального помещения. Кое-где в углах виднелись разводы от сырости. Повсюду были навалены коробки, мешки, пакеты. Свернутые в рулоны ковры валялись, как бревна. От них пахло теплым и душным запахом шерсти и керосина. Но в этом хаосе человек чувствовал себя лучше, чем дома. По сути, он и домой приходил только спать.

Это был очень смуглый и, судя по облику, очень уставший человек. Усталость разлита была в обмякшей фигуре: черная футболка обрисовывала вислый живот и складки жира на спине. Обувь была сильно потерта и стоптана с внешней стороны – при ходьбе он косолапил, и к вечеру ноги наливались свинцом. Но больше всего усталости было в лице – в тонкой складке губ, морщинах на лбу, таких глубоких, что они казались иссиня-черными, и больших, как сливы, черных глазах. Уголки их были опущены вниз, оттого казалось, что человек вот-вот заплачет.

Но вместо плача человек надкусил плитку шоколада и с любовью огляделся вокруг. Все было ему знакомо, каждая вещь имела свою историю. Маленький владелец антикварной лавки, он и сам не помнил, зачем решил еще в 90-е открыть ее.

– Ты прогадаешь, – плакала мать. – Последние сбережения хочешь вложить неизвестно во что? Откуда у людей деньги – покупать всякое старье? И зачем?

– Зачем тебе это нужно? – вторили родственники и знакомые. – Прибыль ничтожная, непостоянная. Только пыли наглотаться среди старого хлама. Если уж так хочешь – открывал бы продуктовый ларек. Больше пользы было бы.

– Он думает, что это будет антикварный магазин. Ха! В лучшем случае – лавка старьевщика. Ветошник! – острили третьи.

Он никого не слушал. Лавка старьевщика – пусть! Люди несли и несли ему отслужившие свое, вышедшие из моды и даже совсем новые, но залежалые вещи – он покупал все. За каждым визитом стояла чужая боль, бедность, страх. Реже – облегчение: как же – со старым хламом расстанутся. Но большей частью – любовь.

За долгие годы он научился распознавать ее под маской равнодушия или робости. Люди появлялись на пороге его лавки, и он мгновенно угадывал их состояние. Оно читалось в едва уловимых нервных движениях, по мольбе в глазах, по манере

распаковывать принесенное.

– Что у вас? – спрашивал он, не глядя на посетителей. Трудно смотреть в глаза людям, расстающимся с дорогой реликвией. Он так и не смог стать безразличным.

Приносили разное. Старинные шали с длинными шелковыми кистями, веера с перьями, лампы, бусы, мониста, золототканые скатерти, часы, вышитые туфли и кистеты, кожаные изделия, сервизы, статуэтки, хрусталь, столовое серебро. Тащили граммофоны, чугунные утюги, сундуки, ширмы и даже стиральные доски. И, конечно, ковры всех мастей, расцветок и узоров – ворсистые, гладкие, вытертые и почти новые. Вещей было много, и воздух от них становился затхлым.

Он оценивал товар мгновенно и почти наверняка мог сказать – залежится он у него или сразу найдется покупатель. Как правило, покупателями были иностранцы. Они заходили со скучающим видом, брезгливо тянули воздух и долго присматривались, прежде чем что-то взять. Он терпеливо отвечал на вопросы (пригодилось знание английского), подробно рассказывал о выделке, времени изготовления вещи или особенностях рисунка. Иностранцы оставались довольны и, выбрав что-то, расплачивались и уходили. Дверь за ними затворялась с мелодичным скрипом, словно вздыхала. Будто она тоже была частью товара и ей было жаль расставаться со своими собратями.

А поставщики его товара?.. Как много он перевидал их...

– Понимаете, очень нужны деньги, – сбивчиво лепетала старушка интеллигентного вида. – Я бы никогда не рассталась с этой сахарницей. Она очень старинная, настоящий веджвуд, но деньги очень нужны.

– Ой, это набор вилок, ножей, ложек. Мне подарили их когда-то. Но это такое старье. Вот и решила сдать их сюда – может, кому-то и пригодятся, – кокетливо улыбалась молодая женщина в оранжевом приталенном жакете.

– Прадедушкин самовар. Только место занимает. Сколько дашь, брат? – доверительно сопел ему в ухо рослый детина. В его руках громадный самовар выглядел детской игрушкой.

– Я его выкуплю. Скоро поправим дела, и я его обязательно выкуплю, – женщина средних лет дотрагивалась до туго свернутого маленького паласа. – Это ручная работа, его моя бабушка ткала. Я его выкуплю, – твердила она как заклинание.

Торговец кивал, уверял, что так и будет. И они уходили, бросив прощальный взгляд на свое добро. Он ждал, пока за ними закроется дверь и молча расставлял купленное по углам и полкам. За все эти годы никто так и не вернулся за своими вещами.

Он полюбил их. Он даже сроднился с ними – с маленьким полуподвальным помещением, полумраком и грудой старья. В душе он даже называл его – «мои сиротки». Железные, кожаные, фарфоровые и тряпичные «сиротки» задумчиво поблескивали со стен и углов, и в тихом блеске их чудилась благодарность.

От яркого света болели глаза. Он и раньше недолюбливал электричество, и сейчас зажигал яркий свет только если кто-то входил в магазин. В электрическом свете вещи утрачивали волшебность, становились просто хламом. В эти минуты он особенно остро жалел своих «сироток». Они напоминали ему сильно пожилых женщин, которые еще хотят нравиться. Но яркий свет безжалостен к их ухищрениям – для уходящей красоты нужны свечи. Только они, с их мягким мерцанием, способны вернуть былую прелесть. Да и то – если расставить их правильно.

В этот осенний день покупателей не было. Они и без того захаживали нечасто, но в последние дни словно вымерли. Обезлюдела городская площадь, многие магазины были заперты, а те, что работали – закрывались рано. Продавцы торопливо и сосредоточенно спешили домой. Вообще торопливость и сосредоточенность стали признаком времени. С такой же торопливой сосредоточенностью ветер гнал по площади палые листья. Они закручивались в воздухе разноцветным комом и, шурша, мчались куда-то. От этого становилось тревожно.

*Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре, –*

вдруг всплыло со дна памяти. Он усмехнулся. Стоило заканчивать филфак, чтобы стать торговцем в антикварной лавке. Хотя 90-е – чем не бесовский вихрь, когда все сметалось, рушилось и переворачивалось с ног на голову. Только кружились не палые листья, а люди.

Он неспешно очистил гранат и стал есть. День угасал. В синих сумерках рубиновые зерна казались черными. «Так и в жизни, – невольно пришло ему на ум, – яркие краски юности постепенно сменяются холодными и строгими, а затем и вовсе чернеют». «Сиротки» важно поблескивали со стен, будто соглашались. Сейчас он доест гранат, закроет дверь и пойдет домой. Еще один день прошел. «Сиротки» будут спать до завтра. И, скорее всего, это завтра будет таким же, как сегодня.

Дверь звякнула с мелодичным скрипом. В лавку вошла молодая пара. Мужчина остановился в дверях, а женщина подошла к прилавку и в нерешительности огляделась.

В воздухе легко повеяло жасмином. На мгновение подумалось: так и должно благоухать молодое счастье – нежно, остро и тонко. В том, что это супруги, торговец не сомневался. Только у любящих молодоженов такие светлые, безмятежные лица.

– Что вы хотели? – он немного испугался своего сиплого голоса – намолчался за день.

– У вас есть, – она замялась, – м-м, что-нибудь такое, с этническими узорами?

– Что именно? Ковры, посуда, лампы?

– Нет, что-нибудь маленькое, как сувенир, но чтобы выглядело как настоящая вещь.

Женщина явно не знала, как выразить свою мысль, и улыбнулась. У нее была хорошая улыбка доброго и открытого жизни человека. Он пришел ей на помощь.

– Можно взять ножи в кожаных футлярах. Это настоящая кожа и старинная вышивка на ней. Адыгейский узор. Рукоятки ножей тоже украшены. Вот небольшие вазы, тарелки, кувшины – тоже с росписью. Есть шали и небольшие скатерти с национальным орнаментом. Подушки, чеканки, кубачинская работа...

– Нет, нет, – она смешно наморщила носик. – Не надо никаких кинжалов. И остального тоже. Вот если бы... Знаете, когда-то моя бабушка продала в таком же магазине узорчатые туфли. Такие восточные, без задников. Они были с острыми носами и все расшитые золотом. У них еще смешное название – бабуши. Их подарили бабушке на свадьбу. Она их не надевала никогда, хранила как сувенир. Я иногда ими играла. Мне тогда было очень смешно: бабушка продала бабуши. Но на самом деле это было грустно. Денег не хватало, вот и продала. Она одна меня растила. Она купила тогда продукты, приготовила много еды...

Глаза женщины чуть затуманились, но она улыбнулась и продолжила:

– Бабушка никогда о них потом не вспоминала. Но я подумала, что обязательно куплю ей такие же туфли, когда вырасту. А сейчас... Уже просто куплю, если повезет... Но я хочу именно старинные, не новодел.

– Есть такие! Три пары. – Торговец достал с верхней полки несколько пар остроносых расшитых туфель и смахнул с них пыль. Они были похожи на задумчивых птиц в ярком оперении. – Вот, как по заказу. Одни золотые, другие серебряные, третьи – бисерные. Все старинные. Новых здесь не бывает. Выбирайте!

Мужчина подошел к прилавку, и они с женой вполголоса стали что-то бурно обсуждать. Торговцу явно нравились эти люди. В них было много искренности, чистоты, и усталость еще не исказила их черты.

– Вот эти! – звонко сказала женщина. – Они похожи на бабушкины. Те тоже были золотые, только узор немного отличается, но это ничего. Сколько с нас?

– Нисколько. – Торговец прищурился и отодвинул в сторону блюдечко с недо-
еденным гранатом.

– Но как это? – растерялись оба.

– Ничего, – повторил он твердо. – Я хочу, чтобы вы знали, не все в мире можно
купить или продать. Я хочу, чтобы у вас осталось на память что-то об этой антик-
варной лавке. Возьмите так.

И, всмотревшись в их онемевшие лица, добавил устало:

– У меня сегодня день рождения. Я хочу вам сделать подарок. Имею я на это
право?!

– Правда?! Спасибо! Ой, поздравляем! Как неудобно получилось! Ой, спасибо.
Здоровья вам, счастья, удачи. Чтобы таких продавцов, как вы, было бы как можно
больше! Спасибо! – тараторили они, пока он заворачивал бабуши в тонкую бумагу.

Дверь с мелодичным звоном затворилась за ними. В воздухе остался запах жас-
мина – тонкий запах молодого счастья. Даже «сиротки» на стенах и в углах блестели
как-то празднично.

Он неспеша доел гранат, подобрал все до последнего зернышка, сполоснул та-
релку и стал собираться. Больше покупателей не ожидалось.

«А вовремя это я сообразил с днем рождения, – думал он. – Может быть, ее ба-
бушка именно мне продала свои бабуши. А их купил у меня какой-то турист. Хорошо,
что у меня нашлись похожие».

Он запер дверь и вышел на улицу. Ветер по-прежнему гнал по улице листья.
Они взлетали, подсакивали, с жестяным треском ударялись об асфальт и бежали, бе-
жали, будто некто невидимый и злой подстегивал их. Было холодно и неудобно. Он по-
крепче запахнул куртку и вдруг почувствовал слабый запах жасмина. Видно, куртка
пропиталась им в лавке.

Легкая улыбка тронула его губы. И лицо впервые за долгое время стало от-
дохнувшим и спокойным. Сегодняшний день не прошел даром. Он был наполнен доб-
ром.

А завтра?..

Завтра будет завтра!

Три тоста

Жили небогато, но не нуждались. Сказывалась крепкая порода трудовой семьи,
где два века царил одна вера: «Бог труды любит». Ей было подчинено все. Вста-
вали утром – Отец и четверо сыновей трудились на своей земле. Ее выцарапал себе
в награду еще прапрадед Отца, батрачивший на какого-то князька. Имение у князька
было небольшое и душонка тоже мелкая, он издевался над прапрадедом, как мог, но
под старость вдруг расщедрился и отвалил ему три десятины земли. Да еще произ-
нес слезливую речь, мол, дарю тебе, верный раб мой, живи и пусть род твой живет и
не переведется! Прапрадед, как водится, пополз через всю залу, чтобы к ручке бла-
годетеля припасть, да по дороге чуть коленом вазу китайскую напольную не задел.
«Дурак, куда прешь!» – заорал князек, но милость на гнев не сменил, землю за вер-
ным рабом оставил, разве что пробурчал беззлобно: «Быдло быдлом и останется!»

Милость княжеская оказалась сухой, каменистой, выжженной и бесплодной
почвой. На ней отродясь ничего не росло, кроме чертополоха и неистребимой руты,
да и тех ветер распластывал ровень с нею. И вот с этой почти библейской пустыней
прапрадед повел борьбу. Годами, десятилетиями мотыжил, перекапывал. Из даль-
них озер привозил в корзинах плодородный ил, удобрял, унавоживал. Создавал, тво-
рил, пестовал, протирал в железных ладонях неподатливый грунт.

И откликнулась земля на его старания, повеселела, стала доброй, легкой, ро-
дущей.

Оставил прапрадед, бывший батрак, своим потомкам прекрасно возделанный сад и дом, завещал, как молитву: «Бог труды любит. Работайте и кормитесь» и отошел в лучший мир на деревянной кровати под любимым яблоневым деревом. Случилось это в месяц цветения яблонь, и застывшее лицо озарилось розовым светом. Так простился сад со своим создателем.

И потомки оставались верны завету – не пропали даром труды прапрадеда. И не перевелся род его – сколько поколений босых ног пробежало, прошло, прошаркало по крепким деревянным половицам. И, как две сотни лет назад, все собирались за большим, крепким столом на кухне. Стол прапрадед скототил тоже сам. На века.

Первым, по обыкновению, за накрытый стол садился Отец. Оглаживал крахмальную скатерть заскорузлыми руками – придирчиво оглядывал снедь. Он любил, чтобы всего было как полагается: зелень, сыр, соленья в большой тарелке, хлеб с румяной корочкой. Чтобы от густого супа исходил ароматный пар, а под полотенцем дожидался бы своего часа пирог. Убедившись, что всего вдоволь, Отец еле заметно поднимал правую руку. Это был знаком для семьи. Второй садилась Мать, а следом и дети. Какими бы уставшими ни были, вперед Матери никто не двигался с места. В этом было уважение к ее труду.

Мать вставала засветло и умела, кажется, все: стряпала, стирала, шила, перелицовывала старую одежду, вязала, прибирала, сушила, солила, доила корову, возилась на огороде, делала целебные настойки, помогала детям с учебой и еще успевала вдалбливать в голову сыновей нехитрые железные истины: «учись!», «не обманывай!», «не сиди без дела!», «будь приветлив с людьми», «под других не прогибайся, но и людей от себя не гони».

И выросли сыновья, разлетелись на все стороны света. Не так, чтобы вообще разлетелись, просто один жил к северу от родительского дома, другой – на юге, третий – на западе. А младший, четвертый сын, как положено, остался при родителях. Все обзавелись семьями, стали уважаемыми людьми. Но собирались в родительском доме часто – манил он теплом, уютom и каким-то крепким покоем, будто за его дверьми оставались все тревоги и волнения. И снова дрожали половицы от топота больших, маленьких и крошечных ног. Семья! Радовалась, верно, на небесах уставшая душа прапрадеда-батрака. Не перевелся его род!

Но в этот тихий осенний день собрались за накрытым столом только пятеро. Отец и четверо сыновей. Ни жен, ни детей не было. Даже младший усрал семью погостить к родителям жены.

Не было и Матери. Это был первый день рождения без именинницы. Все положенные поминки давно справили, но сегодняшней стол не был поминальным.

– Она вас вырастила, вынянчила, вот и приезжайте сами, пусть душа ее на вас полюбуется, словно вы еще маленькие, – отрезал Отец. – Посидим один раз только сами, как раньше.

И сели они за накрытый стол. Сыновья постарались – один привез телятины и кур, другой – коробку масла и вкусный жирный сыр, третий – овощей и фруктов. И младший не ударил в грязь лицом – исходили ароматным духом миски с соленьями, мерцало в старинной бутылке домашнее вино. И над всем этим витал дух Матери, словно и она была рядом с ними – неутомимая хлопотунья-хозяйюшка. Незримая, обнимала она своих поседевших, кряжистых сыновей и им было тепло.

– За дом! – отец обрушил на стол еще крепкий кулак. – Пусть всегда под этой крышей собирается наш род.

– За дом! – грянули четверо мужчин, и духу Матери было радостно.

– Рассказывайте, как и что у вас? – утолив первый голод, спросил Отец. – Когда здесь ваши семьи, я не могу спросить. Говорите сейчас, не таясь. Как живете?

Первым взял слово старший брат. Это был худощавый, высокий мужчина лет 50-ти. Он был таким загорелым, что выгоревшие усы и волосы казались белыми. Он

работал в цеху облицовочного камня – нарезал ровные гладкие плиты, и каменная пыль навеки въелась в складки его лица.

– Живем со своей старухой, – он покатал в темных пальцах хлебный мякиш и задумался. – Нормально живем, все как у всех, дом достроили, аренду за землю выплачиваем. Жаловаться грех. Можно на следующий год и о свадьбе сына подумать. Пора уж. Да и дочка выросла. Так что, отец, Бог даст, на следующий год на свадьбу соберу вас.

– Свадьба – это хорошо, – покачал головой отец. – И работа – это хорошо. И свой дом на своей земле. Плохо, что ты жену называешь старухой. Я мать за всю жизнь старухой не назвал. Ни в глаза, ни за глаза.

– Я в шутку, – поспешил оправдаться старший, но Отец продолжал:

– Ни в шутку, ни всерьез. Оттого она и осталась красавицей. А жизнь у нас была труднее вашей.

Все согласно кивнули. Мать действительно была редкостной красавицей и, несмотря на хозяйственную сутолоку, сохранила свою красоту.

Некоторое время все сидели молча. Над столом пролетел тихий ангел.

– Ну, а ты? – обратился отец ко второму. – По-прежнему пишешь стихи?

Тот улыбнулся снисходительно. Это был респектабельный мужчина 48 лет, полноватый, лысеющий, с детскими конопутками на коротком носу. По всему видно было, что он доволен жизнью – дела его шли неплохо, он открыл собственный магазин восточных сладостей и сувениров, и торговля шла бойко. Когда-то в юности он писал стихи, печатался в местных журналах и даже хотел поступить в Литинститут, но Мать яростно воспротивилась.

– Ты сойдешь с ума! – приговаривала она сердито. – Посмотри на себя – кожа да кости, ночами не спишь, все бубнишь себе под нос что-то, то плачешь, то смеешься. Бумагу марать – не работа это для мужчины! Заболеешь – кто тебя лечить будет? На братьях повиснешь? Займись делом!

Он спорил, доказывал, говорил, что без стихов жить не может – Мать была умолима. Специально шумела и гремела на кухне, едва заметив, что у сына опять «замечательное настроение». Он жаловался, что любое вдохновение бессильно против сковородок матери. Однажды, когда он, отчаявшись, решил сжечь свои опусы и уже подносил спичку к груде бумаг во дворе, Мать бросилась к нему, как тигрица, с криком: «Не смей! Жалко!».

Бумаги он не сжег, Мать стряхнула с них пыль и спрятала где-то у себя. Но стихов он больше не писал, а вскоре и совсем охладел к творчеству. Пошел по торговой части и стал преуспевающим человеком, на радость родне. О юношеском рифмоплетстве он вспоминал со снисходительной улыбкой и старался перевести разговор на другое, будто стыдился чего-то.

– А не жаль? – как-то спросил Отец у Матери. – Может, из него поэт и вышел бы. Печатали ведь.

– Не вышел бы, – отрезала Мать и пригорюнилась. – Стихи – как песня: из сердца должны литься, а он мучился над каждым словом. Вот дерево цветет, потому что не может не цвести, вот так и стихи надо писать. Тогда они нужны и тебе, и людям. А он носился, как безумный, худой, бледный, себя изводил. Не талант это, а баловство одно! Хорошо, что выбросил из головы эту блажь. Живет сейчас – дай Бог каждому! На своем месте. А то, что написал – храню! Мой ребенок трудился, мне это дорого.

«Далеко же ты, Мать, глядела, – подумал Отец, слушая гладкий рассказ сына о торговле в магазине и успехах детей в школе. – Одним рифмоплетом стало меньше, а довольным жизнью человеком – больше».

– Давайте, дети, выпьем за Мать. Ее дух сейчас здесь, с нами. – Отец, не чокаясь, опрокинул стакан вина, закусил тушеным мясом.

Остальные последовали его примеру.

– А ты что же? – повернулся Отец к третьему и улыбнулся любяще. Третий сын больше всего походил на Мать и был самым красивым. Красота его была особенной: в обветренном лице сорокалетнего мужчины вдруг проскальзывало что-то возвышенное и хрупкое. Нос благородной формы, тонкие, но изящного рисунка губы – от всего его облика веяло свежестью. Так иногда море сквозь плотный запах йода, нефти и рыбы доносит аромат бриза и на душе становится легко и весело.

– Как у тебя? Про работу не говори, знаю, тебя любят в школе (сын работал учителем). Как твоя?

Сын промолчал. Потом начал что-то быстро говорить про то, что они с женой души не чают друг в друге, что в семье царит полное взаимопонимание, и чем быстрее он говорил, тем яснее становилось, что все это ложь.

Все давным-давно знали, что жена у него некрасивая и злая – сущая Баба-Яга, что изводит мужа и детей бесконечными придирками. Знали и то, что она давно больна какой-то женской болезнью, и от этого характер ее становится только хуже. Но что-то удерживало нестарого еще мужчину рядом с Бабой-Ягой, а что – дети ли, жалость, привычка или любовь – этого он и сам не знал и только упорно пытался уверить всех, что у него все хорошо.

Отец испытующе посмотрел на него и промолчал. Молчали и братья. Есть минуты, когда даже участливое слово жжет, как расплавленный свинец, и когда самое лучшее утешение – деликатное молчание.

Отец медленно перевел взгляд на младшего. Его жизнь была ему известна лучше других. Он постоянно был на виду. На глазах Отца он из долговязого паренька превратился в солидного отца семейства, располнел, даже стал ниже ростом и, как говорят в народе, заматерел. Был он молчаливым, неулыбчивым, но слово у него не расходилось с делом, и не было случая, когда бы он отказал кому-то в помощи. Правда, бездельников гнал в три шеи, помогал тем, кто действительно трудолюбив. В троих детях своих души не чаял, но воспитывал в строгости, с малолетства приучал к работе.

Они все сейчас сидели перед ним – его мальчики, его сыновья. Все четверо, положив перед собой на стол натруженные руки. «Как в детстве, – усмехнулся Отец, – когда Мать требовала показать чистые руки перед едой».

Четверо взрослых мужчин, а он – пятый – во главе стола, еще крепкий и сильный, а над ними дух Матери, он рядом с ними, он обнимает их за плечи и тревожно заглядывает в глаза: «Все ли в порядке? Обещайте мне, что все будет в порядке!» И Отец знает, что строже всех она спросит с него.

– За нас! – еще раз сказал Отец, и стеклянная посуда в шкафу зазвенела. – За нас. – повторил он уже мягче. – Чтобы каждый из вас пришел бы на помощь другому в трудную минуту и не обидел бы дурным или зряшным словом. Чтобы ни один из вас не посмотрел на другого свысока, и чтобы ни один из вас не унижался перед другим. Чтобы был полон жизни этот дом, и зеленел сад. Обещайте мне и Матери, чей дух сейчас среди нас.

– Аминь! – откликнулись сыновья

Все поднялись и сдвинули стаканы. Пили торжественно, прочувствуя каждый глоток.

Пятеро мужчин и шестая – женщина – Мать, так много любившая, так много трудившаяся на своем веку. Она была рядом со своими родными, она оберегала их и тревожилась за каждого.

Но синие сентябрьские сумерки, такие грустные, что сжималось сердце, вдруг засияли мягким золотым светом. Это взошла луна, озарила дом и мгновенно стало ясно – Дух Матери счастлив сейчас.

Верное решение

Она даже не подозревала, какая печаль может таиться в самых простых вещах. Улицы, по которым они когда-то ходили вместе – каждый камень отзывался теперь в ее теле болью. Афиши спектаклей, которые они смотрели вместе – они так и остались на тумбах, выцветшие, тусклые. Ветер трепал их отклеившиеся уголки. И казалось, что им тоже грустно.

Крохотное уютное кафе со смешным названием «Кибрит», в котором играли вальсы Шопена. Это она впервые привела его туда. И он полюбил это стилизованное под старину кафе с низкими сводчатыми потолками, круглыми столиками, покрытыми вместо скатертей цыганскими шальями и старым пианино в углу. «Наше кафе» – смеялся он особенным, заразительным смехом, растягивая гласные: «на-аше ка-афе-е». Сейчас она даже не могла взглянуть в его сторону ...

И все же ноги сами несли ее туда. Еще раз увидеть маленькие окна в деревянных рамах, низкие широкие подоконники. Хозяин кафе решил соригинальничать: все стены и подоконники были заставлены старыми книгами – видно, притащили макулатуру отовсюду. Любой тематики: от художественной и научной литературы до пособий по чистке ковров и ванн. Книжки, конечно, никто не читал: в кафе приходили отдохнуть, выпить чашку чая и побеседовать о том, о сем. Но сам вид книжных корешков уже настраивал на интеллектуальный лад.

И глаза его – маленькие, черные, яркие – жмурились от удовольствия, цепко впивались взглядом в названия книг. Заказ оставался нетронутым: стыл чай, заветривались пирожные – все это было неважно. Книгам навстречу открывалась его душа, улыбка расцветала на лице. Иногда она ревновала его к ним. Ну, в самом деле – сколько можно читать, когда рядом женщина?! И, вроде, не уродина! Но он взглядывал на нее так легко, так искренне и светло, что духу не хватало сердиться!

– Чай стынет! – она осторожно нарушала его книжную идиллию.

– Нет, ну вот это – настоящее чудо! Какие молодцы – так обставить кафе! Прелесть!

Он произносил это слово, когда ему было хорошо.

«Прелесть». Так он называл ее. Он учил ее слушать музыку слова. «Пре-ле-е-есть» – говорил он нараспев и каждый звук рассыпался в его горле хрустальными колокольчиками.

«Пре-ле-е-есть, пре-ле-е-есть» – сейчас звенело в ней далекое эхо и отзывалось болью.

У него были удивительные руки. Широкие, большие, но невероятно чуткие. Музыкальные. Одно их прикосновение умиротворяло.

Она невольно улыбнулась. Как многому он научил ее. Везде подыскивать верные слова, верные решения. Не просто покой, а мир и благодать разливались в ней, когда он брал ее маленькую руку в свою.

«И ничего этого больше не будет? Никогда?!» К горлу опять подкатил комок. Она с обидой посмотрела на небо. Серое, тихое – таким обычно оно и бывает зимой в этом южном городе.

«И это твое милосердие?!» – обратилась она с безмолвным вопросом к нему. Небо молчало.

Она закусила губу. Обида ширилась, закипала. Небо было бесстрастным, светлым и жестоким. Даже маленький цветок одуванчика, невесть как пробившийся сквозь асфальт, и тот закрыл лицо лепестками, как ладонями. Видно, и ему было холодно и страшно.

– Вы что-то хотели? – светловолосая девушка-официантка выглянула в окно. – Извините, мы не обслуживаем. Карантин. Но вы можете заказать, что хотите.

Она покачала головой. Милая девочка!! Что там заказывать в их кафе?! Тот же чай с печеньками можно и дома попить. Разве объяснишь ей, что век бы так просто-яла, лишь бы вобрать в себя этот волшебный воздух, который они вдыхали вместе. Что половина сердца ушла вместе с ним. Что...

Девушка еще раз взглянул на нее и отошла от окна.

Она продолжала стоять, и взгляд ее был прикован к третьему столику в центре зала. Это был их столик. Она знала каждую щербинку на нем, каждую зацепку на цыганской шали, заменяющей скатерть.

Официантка принялась стирать пыль с крышки пианино, изредка поглядывая в окно. «Наверно, решила, что сумасшедшая, – усмехнулась она. – И ее можно понять. Стоит странная тетка, битый час пялится в окно и не уходит. Ничего! Думай так, милая девочка, ты имеешь на это право. Только ты бы на моем месте тоже не ушла. Хотя не дай тебе Бог оказаться на моем месте».

Стал накрапывать дождь. Мелкий, невесомый. Легкая ледяная морось – замена снегу в этом южном городе. От ее дыхания запотело стекло, и очертания кафе стали расплывчатыми, будто призрачный корабль.

Официантка еще кинула взгляд на окно и вдруг решительным жестом откинула крышку пианино.

Да, это была та самая музыка, которая звучала год назад, когда они в последний раз были в этом кафе. Он рассказывал ей об эстетике Бродского, она перебивала его, декламировала наизусть «Письма римскому другу» и доказывала, что Бродского надо читать именно так. Он не соглашался, мягко парируя, оба смеялись, и оба знали, что это счастье. Неуловимое и прекрасное. И рядом кто-то тихо наигрывал вальс Шопена – трогательный и щемящий. До-диез-минор № 7. Их любимый.

И сейчас он летел над пространством маленького кафе, заполнял собой зимнее беззвучие. И боль не становилась меньше, но отступала, растворялась в слезах, в колючем воздухе, ледяной мороси, сером немилосердном небе. Или все-таки мило-сердном?..

«Пре-ле-е-есть! – вдруг услышала она знакомый голос. Откуда он доносился – с неба ли, или из глубины ее души – она не знала, но готова была расцеловать эту хрупкую светловолосую девочку за единственно верное решение.

Музыка стихла. Она осторожно отошла от окна и медленно зашагала по улице. И даже не подозревала, что ей смотрят вслед. Это были девушка-официантка, легкий солнечный луч, чудом пробившийся сквозь серое небо, и крошечный цветок одуванчика, протянувший свои ладони к свету.

Моя Каролина

Вот уже несколько дней писателя Немчинова не покидало томительное чувство. Все было так, как должно: и «душа стеснялась лирическим волнением, ...пальцы просились к перу, перо к бумаге» (А.С.Пушкин), но проходили минуты, а стихи (или проза) так свободно и не торопились течь. Появлялись какие-то наброски, обрывки, эскизы, и некоторые фразы, образы и сюжеты были очень удачны, но все это было не то. Не было лада, какого-то единого одухотворяющего начала. Куча ярких изречений – еще не печь, и цветистые слова – еще не поэма.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», – вспомнил Немчинов любимую бабкину половицу и усмехнулся. Бабка была хитрая – ко всякой работе подступала осторожно, будто крадучись. Все обминала, обкатывала в сердце и только потом решалась делать. Может, оттого и получались такими вкусными и румяными пирожки – один к одному, как солдатики на параде! – такими пуховыми одеяла и такими нежными песни – словно душа уносилась в небесную даль и возвращалась из нее промытой до хрустального блеска.

Но у Немчинова и сказка скоро сказываться не желала! «*Потосковать надо, помяться вначале, чтобы песня сложилась*», – говорила бабка. И действительно «тосковала» – сидела несколько дней задумчивая, нахохлившаяся, словно вслушивалась внутрь себя, потом судорожно вздыхала и заводила негромко:

Белым снегом, бе-елым снего-о-м

Ночь ме-е-тельная ту стежку заме-ела...

Вытягивала голосом так душевно, будто невидимый узор в воздухе ткала, всю долю женскую вкладывала в песню. А потом аккуратно отирала платком уголки губ и говорила строго:

– Так и любое дело делать надо, чтобы красота была. Чтобы сердце летело и плакало от умиления. А иначе – какой же прок?! Баловство только.

Ах, бабка, бабка!.. Далеко же ты глядела! Вот и сейчас не было прока от немчиновских писаний. Как он ни старался, сердце молчало, и оттого все написанное рассыпалось, как карточный домик.

Вконец разозленный, Немчинов решил уехать на природу. Такие вылазки он устраивал время от времени и называл их почему-то благорастворением воздушных. Вообще он любил иногда щегольнуть изречениями то из Библии, то из латыни, то еще из кого-то или чего-то. Это поднимало его в собственных глазах и глазах окружающих. Но как бы то ни было, удаленность от городского шума и суеты действовала на него благотворно.

Дача его друзей пустовала с осени: хозяева перебирались на нее только в июне, а до этого лишь раз в месяц наведывались проверить, все ли в порядке. Немчинов попросил разрешения пожить там неделю, быстро собрал небольшую сумку с продуктами и одеждой и отправился в путь.

Стояли последние дни зимы, обычно такие неровные в его южном крае. Собственно говоря, большая зима уже давно миновала, а сейчас было перезимье – отчаянная борьба холода с наступающим теплом. Но холод словно почувствовал: перед смертью не надышишься, и обрушивал на землю то снег, то злущий ветер, то колючую ледяную пыль – мельчайшие крупинки тумана. Пыль эта пахла йодом и странствиями – сказывалась близость моря. Но именно она и вселяла радость – значит, не за горами весна, и море, скинув серый туман, снова заблестит всеми цветами радуги.

Дача дохнула на него нежилым духом. В комнатах было сыро, и стены покрылись плесенью. Она расплзалась белыми мохнатыми волнами и напоминала экзотические цветы. Немчинов выбрал самую маленькую комнату, перетащил в нее электрическую печку и стал ждаться, пока она раскалится.

Сад за окном был тоже зябким и неуютным, но весна угадывалась уже повсюду. Она бросала на землю лазурные тени, чуть слышно звенела в тающем снеге, в мокрых и бурых стволах деревьев, в примятой и черной прошлогодней траве. Даже несколько груш, которые позабыли снять с дерева, тоже поблескивали на робком солнце сухими и морщинистыми боками, словно хвастались друг перед другом: «А мы-то еще ничего! Глядишь, может, снова соком нальемся!» Чирикали птицы. И главное! – холодными розовыми цветами уже был покрыт миндаль! Он первым, еще в феврале, открывал бал весны.

Немчинов с наслаждением вдохнул острый, льдистый воздух и тут же протянул руки к печке. Тепло разливалось по телу и что-то неуловимо прекрасное рождалось сейчас в этой еще не протопленной комнате с покрытыми плесенью стенами. Он почувствовал, что работать будет легко – вдохновение вновь накатывало на него.

И вдруг... Тьфу! Как некстати в его жизнь стало вторгаться это «вдруг»! Он услышал негромкие голоса, доносившиеся с соседней дачи. В разреженном предвесеннем воздухе они раздавались особенно отчетливо, видимо, говорили на террасе.

Спорили две женщины. Одна, судя по голосу, постарше, более усталая, другая – молодая, и, как Немчинов мгновенно предположил, – красивая. Только красивые и

самолюбивые женщины могут обладать таким нервным, звенящим и отрывистым тембром. Голос то рассыпался серебряным колокольчиком, то визжал, как стекло.

Голос постарше был бесцветным, миролюбивым, но твердым:

– Дочушка, не кипятись! Давай все обсудим спокойно. За что ты взъелась на Чернова? Что он сделал плохого? Роли твоей не отдал никому, просто предложил еще подумать, поработать. Что здесь страшного?

– Мама! – алой лентой взвивался молодой голос. – Как ты не понимаешь?! Он же издевается! Он пытается выжать из меня все соки! Я ничего не смогу сыграть, если так буду копать в каждом движении, каждое слово анализировать. Тогда от меня самой ничего не останется. Ну как тебе еще объяснить?! Роль получается, когда она мгновенно ложится на сердце! Вот я почувствовала, что Каролину надо играть именно так – безумной от любви, поглощенной любовью, я так ее и играю.

А Чернову не нравится! Хмурится, пальцами хрустит, как еще не доломал их со всем! Спрашиваю, что не так? А он: «Не знаю... Все так, но все равно не так. Что-то надо, а что – не могу понять! Измените рисунок роли!» Как изменить, что?! Если сам режиссер не может понять – так я в чем виновата?! Творческая натура, черт бы его побрал! Что хочет, сам не знает! На три дня репетиции отменил, чтобы думали над ролью. Что тут думать?

– Значит, ценит тебя как актрису, раз предлагает подумать, изменить рисунок роли. А Байрон кто?

– Русинов. Он недавно у нас, ты его не знаешь. Да не в Байроне дело, Чернов всеми доволен, кроме меня. Я тебе точно говорю – это все интриги! Он напрямую не действует, измором берет, чтобы я сама отказалась! Не дождетя!

– Конечно, не дождетя! Да успокойся ты, сейчас чаю поьем, все образуется. Расскажи мне толком, что с Каролиной?

Немчинов весь превратился в слух. Он почувствовал, даже угадал, о чем пойдет речь. Когда-то он увидел фильм «Леди Каролина Лэм», и тот заинтересовал его настолько, что Немчинов несколько месяцев серьезно изучал письма и дневники Байрона и даже собирался написать историческую повесть. Задумка потом была отодвинута, ее перекрыли другие сюжеты, но, как говорится, «мечта увяла, но не разбилась». Немчинов еще думал вернуться к повести. Или хотя бы сделать рассказ. И вот, пожалуйста, чем не новый сюжет: вывести историю Байрона и Лэм через призму разговора двух дачниц? По крайней мере, оригинально!

– Понимаешь, мама, мне надо сыграть женщину, сгорающую от любви, расворенную в ней. Вот Каролина, аристократка, у нее добрый, любящий, очень хороший муж, но сердце ее отдано Байрону. Они встретились на каком-то светском рауте и – все! С первого взгляда ее ослепила любовь. Она не могла есть, пить, дышать без него, она готова была унижаться, вымаливая у него крохи внимания, она готова была ему служить, как собака. Байрону это вначале льстило, он писал ей чудесные письма, а потом быстро наскучило, он попытался разорвать их связь, но она стала одержимой. Ни мужа, ни близких, ни света больше не существовало для нее. Она закатывала ему истерики, сцены ревности, резала себе вены, бежала за его каретой, лишь бы только доказать свою любовь, чтобы он вновь вернул ей свою милость. Потом перестала есть, медленно сходила с ума. Весь мир отвернулся от нее, только муж жалел, терпеливо сносил все ее выходки. Но потом свекровь все же настояла на разводе, потому что поведение Каролины вредило карьере ее сына. И Каролина тихо угасла от разбитого сердца. Мама, ты понимаешь, от разбитого сердца! И я так и играю! А ему все не то, не то!!! Что он от меня хочет?! – и серебряные колокольчики в голосе вновь сменились визгливым стеклом, а затем и плачем.

– Только плакать не хватало! – голос матери звучал умиротворяюще. – Все у тебя получится. И послушай-ка, вот что я тебе скажу. Не любила эта Каролина Байрона! И вообще никого не любила!

– Как? – молодой голос от неожиданности даже перешел в сип.

– Так. И поставь ты чашку, прольешь кипяток на себя! Понимаешь, доча, – мать явно волновалась, но голос ее звучал четко, – она как Анна Каренина – ни себя, ни других не любила. И не жалела. Она даже не себя в любви, она любовь в себе любила, а это совсем другое! Пестовала свою любовь, носилась с ней, как с писаной торбой, холила, лелеяла, вот она и разрослась в ней, как ядовитый гриб, выбрасывающий во все стороны ядовитые споры! И себе жизнь отравила, и другим! Всех измучила. Любовь радость должна приносить, свет, тепло, а не губить. Вот ты говоришь – безумная от любви, поглощенная любовью – а кому от этого хорошо?..

«Но многих, захлебнувшихся любовью, не докричишься, сколько не зови», – всплыли в памяти Немчинова знакомые строки.

«Как часто мы читаем стихи, наслаждаемся их музыкальностью, ритмом, но не понимаем глубинного смысла. А он вдруг открывается нам совсем неожиданно, как на полотнах старых мастеров под слоем красок и лака иногда проступает другая картина», – подумалось ему.

– Как ты сказала? «Угасла от разбитого сердца», – голос матери становился все увереннее, и разреженный воздух доносил каждое слово. – Нет, доча, такое сердце разбить невозможно! Потому что оно – как сиропная жижа, в которой можно увязнуть, и которая утопит всякого, кто в нее вступит. Я Байрона не оправдываю, возможно, он просто поиграть с ней решил, честолюбие свое тешил, но, может, хорошо, что они вместе не остались! Никогда бы тогда никакого Байрона не было! Она бы за каждым шагом его следила, не дай Бог он на кого взглянул или улыбнулся – он ведь поэт, ему впечатления новые нужны, а она сцены бы ему устраивала, истерики закатывала! Или того хуже – рыдала бы постоянно: «Ах, ну конечно, я тебе неинтересна, ты ко мне привык, тебе с другими веселее». Это же с ума сойти можно!

– А что, лучше, когда мужчина по сторонам смотрит, налево и направо со всеми подряд любезничает? – съязвил молодой пылкий голос.

– Не лучше. Но тут уже выбор за женщиной. Хочет яркого и талантливого – должна знать, что на его свет многие будут слетаться. Не она одна медом намазана, есть и другие. И тенью его нельзя быть, чтобы не наскучить.

Хочет спокойствия – пусть выбирает тихого, серенького, звезд с неба хватать не будет, но сама она будет для него звездой. А так, чтобы и то, и другое – так не бывает. Я, доча, Америки не открываю, это все известно давно!

Мать перевела дух. Стало слышно, как зажурчала вода, видно, мыли посуду. В воздухе потянуло жареной картошкой с мясом, и тихонько звякнули вилки.

– Может, Чернов хочет, чтобы я сыграла Каролину именно такой? – неуверенно протянула дочь. – Любящей свою любовь?

– Может... – голос матери звучал устало. – Подумай. Тебе играть... А вот кто любил ее по-настоящему – это муж. ...Жаль... – прибавила она задумчиво.

– Кого? Мужа или ее?

– Просто жаль... – взрослый голос звучал все тише. – Устала я что-то, доча, прилечь хочу. Не сиди здесь долго, простудишься. Надышались мы с тобой сегодня воздухом, на неделю весенним кислородом запаслись! Да не переживай ты, все обрывается, и сыграешь ты отлично.

Послышался звук удаляющихся шагов, и вскоре все стихло. Немчинов так и стоял, прижавшись к окну. Комната уже нагрелась, и на стенах появились мелкие капли, а от отсыревших за зиму хозяйских подушек подымался легкий пар.

Вечерело. Воздух стал совсем синим и прозрачным, и в сапфировом, еще позимнему высоком небе одна за другой зажигались звезды. Они сияли так празднично и ярко, словно тоже принарядились перед весной.

В эту же ночь Немчинов безжалостно уничтожил все наброски, эскизы и отрывки, с которыми он приехал и решительно положил перед собой белый лист бу-

маги. Он так и не научился сразу же писать на компьютере. Вначале писал от руки, и только потом набирал текст на экране.

«Белым снегом, бе-елым снего-о-м», – пропел он про себя бабкину песню и потер руки. Слова ее о том, что любое дело надо делать так, чтобы красота была, вспомнились ему. Сердце гулко и мерно стучало, предчувствуя миг творчества.

Немчинов писал всю ночь. Небо за окном посерело, и на востоке появилась тонкая желтая полоса. Занимался рассвет.

Писатель удовлетворенно посмотрел на небольшую кипу тонко исписанных листов. Перед ним лежал новый, только что рожденный рассказ, и бледно-золотой солнечный луч освещал его, благословляя на жизнь.

Имя рассказу было – «Моя Каролина».

Рапсодия майского дня

Эти строки я пишу ночью в тишине деревенского дома, пропахшего медом и старостью. Хозяин его, прошедший, кажется, на пасеке полжизни, крепко спит. День был трудный, а бывали ли у него легкие дни?.. Труд пчеловода тяжел и кропотлив.

Мои попутчики спят, утомленные долгой дорогой и веселой беседой. Это только кажется, что веселье дается легко и ни к чему не обязывает. Любое общение требует душевной отдачи, настройки на собеседника, и вот – вроде все легко и просто, а силы все равно уходят, потому что трудно слушать, но не слышать. Общаться бездумно, не вникая. Кто бы что ни говорил, это почти невозможно. Ну, если только не обладать потрясающим даром неуважения к собеседнику.

К счастью, мои милые спутники таким даром не обладают. Это друзья, проведенные временем и радостью, ибо чужая радость – это тот оселок, на котором правится искренность дружбы. За долгие годы общения мы вынесли главное – стараться услышать и быть деликатными друг к другу. И сейчас, когда мягкий лунный свет озаряет их обветренные лица, я думаю, что все идет так, как должно. Что именно он, тонкий лунный луч способен выразить сущность нашей дружбы – застенчивую деликатность сквозь внешнюю грубоватость.

Мне не спится. Это бывает всякий раз на новом месте. Нужно привыкнуть к ним, принять его в себя, и тогда, может быть, оно откроет тебе свою душу. Только тогда прилетят самые сладкие, самые добрые сны. Ну, а пока нас двое бодрствующих – я и хозяйская кошка Манька с такими отчаянными зелеными глазами, что сразу видно: оторва и рулевая. Манька удобно устроилась на железной печке – та еще хранит тепло – и пристально поглядывает на меня. На ее серо-рыжей морде читается: «Ходить тут всякие, гостят, не спят, из-за них и глаз не сомкнешь. Не ровен час, что-нибудь сопрут!»

Спирать я ничего не собираюсь. Манька, видно, немного поверила в это и ослабила бдительность. Прикрыла глаза, уютно подобрала под себя лапы и хвост – ни дать, ни взять, бройлерная курочка – и делает вид, что дремлет. Но не дай Бог шелохнуться – зеленое суровое око устремляет свой взор на меня. Ладно, Манька, буду тише воды, ниже травы, даже бумагой не зашуршу, чтобы твой покой не нарушить. Послушаем-ка вместе голоса ночи.

В них много таинственного и доброго. Здесь ночь изменила своему классическому определению и вовсе не кажется зловещей.

Тихо стучат ходики, оставшиеся еще с незапамятных времен. Сейчас точно таких не встретишь. Темно-коричневые, с тусклым циферблатом и темными маленькими гирьками, они важно отсчитывают минуты и часы. В будущее ли?.. А может, в прошлое?.. Уж больно они старинные. И возвещая каждый новый час, они тихонько вздыхают, словно вспоминают молодость. Даже часам хочется повернуть время вспять.

Бьются о маленькие окна, затянутые по деревенскому обычаю сборчатыми занавесками, белые мотыльки. В лунном свете они кажутся кружевным туманом, живым, словно ртуть. Май в разгаре, на землю будто накинута зеленое покрывало, расписанное белым клевером, синей медуницей, желтой сурепкой и алыми маками. Ах, есть еще островки голубой вероники и оранжевых купальниц: радуга в мае не только на небе. Горят на солнце синие, золотистые, зеленые перья нарядных щурков, они летают, суетятся, щебечут, взхлеб рассказывают небесной и земной радуге друг о друге.

Но вернусь к ночи. Сейчас она накрыла землю прохладой, и та спит, набирается сил, чтобы встретить новый день и восславить весну. Все тихо, только бормочет сонный ручей вблизи дома, да изредка залает пес в будке. Но лай слабый, короткий, в один-два такта, видно, снится псине что-то тревожное.

На стене висит топор. Как сказала хозяйка, от блуда. То ли в шутку, то ли всерьез. Хозяева – верующие особого толка, исправно соблюдают все религиозные предписания. Развод у них – смертельный грех, считается, что тем самым потворствуют блуду. «Если женщина в разводе, то она даже в церковь на венчание собственных детей войти не может, считается позором», – говорит хозяйка, и в глазах ее при этом тлеет печаль. Кто знает, у кого на сердце какая боль. В каждой избушке свои погрешности...

Манька, кажется, уснула на железной дровяной печке. Такие неуклюжие сооружения я видела лишь в детстве – они мне напоминали отчего-то пауков с огромным прямоугольным телом и коленчатыми трубами-ногами. Чем не паук?.. Но столько тепла и уюта в его железном чреве, что хочется обнять его как старого знакомого. «Не пожалей своего тепла, железный старичок, глядишь, и в нашем мире прибавится доброты».

Под ногами шуршит что-то. Манька недовольно приоткрывает один глаз. Я наклоняюсь и достаю из-под лавки пучок сухой полыни. Она растет здесь повсюду, покрывая горы серо-зеленым жестким ковром, отчего те кажутся сказочными исполинами в зеленоватых доспехах.

Пучок ветхий, того и гляди рассыплется. От него пахнет пылью и печалью. Полынь используют не только как лекарственное средство, но и от сглаза. Я вспоминаю, как бабушка, разводя огонь в очаге, неизменно бросала в него пучок полыни, приговаривая: «Сгинь, дурной глаз, умолкните злые уста, замри злое слово. Полынь-трава, отведи от нашего очага всякое зло, всякую нечисть, мокрицу и шашель. А добро приваживай к дому. Фу! Ха! Аминь!» И стлался над бабушкиным садом, над ее руками сизоватый горький дым, и не было слаще и роднее этого полынного духа.

Часы нехотя и тихо бьют пять утра. Скоро встанет хозяин, ему ни свет, ни заря на пасеку. Надо проверить рамы, проветрить ульи, собрать цветочную пыльцу, нарезать свежего меда в сотах.

Да вот и он – кормилец семьи, мед – янтарное чудо в хрустальной вазе. А рядом вазочка поменьше с утрамбованной цветочной пыльцой. Кажется, что и стены пропитаны медовым духом. Мед, пыльца, прополис, маточное молочко – все дает пчелатруженица, благосостоянием своим обязана семья меду и благодарна ему за это.

Голоса ночи постепенно стихают. Одна за другой гаснут крупные звезды, на сером востоке появляется бледно-розовая полоса. В кухню входит заспанный хозяин. Манька потягивается недовольно на печке: разбудили царевну, видите ли...

– А вы что же, и не ложились? – удивляется хозяин. – Так вас потом разморит, весь день носом клевать будете.

Я уверяю его, что клевать носом не буду и что отлично выспалась и встала незадолго перед ним.

Врать нехорошо, конечно, но зачем же посвящать человека в причины своей бессонницы?!

– А будете яичницу с помидорами? – заговорщицки подмигивает мне хозяин. – Пока никто не встал, я сейчас ее сварганю по собственному рецепту. Помидоры свои, с огорода, без химии. Пальчики оближете. И чай заварю с горным чабрецом.

Он разжигает печку сосновыми ветками и шишками. Огонь лениво вьется по стенкам, стелется синими струйками и вдруг вспыхивает оранжевым веселым светом. В кухне пахнет смолой, медом, цветами, и запах этот тоже веселит, успокаивает.

Хозяин неспеша ставит на печку чайник и большую черную сковородку. Кидает в нее кусок сливочного масла, оно сразу же тает и мелодично шипит, словно поет.

Так же сосредоточенно хозяин надрезает крест-накрест четыре больших розовых помидора, кладет их на сковородку и накрывает ее крышкой. Сковородка неистовствует и плюется масляными брызгами. Те мгновенно вспыхивают на горячей печке и сразу превращаются в синий пахучий дым. Но вот помидоры достаточно пропеклись, шкурку с них снять легко. Я наблюдаю за отточенными движениями хозяина. Его рабочие руки на удивление легки и изящны, так виртуозно он колдует над яичницей. Очистив помидоры, он нарезает их кружками, посыпает черной солью и красным перцем и снова бросает на сковороду томиться. Те скворчат, пуская сок. Тем временем в чашку разбиваются шесть яиц, одно за другим, легко взбиваются и – вуаля! – отправляются к помидорам. Наблюдать за этим процессом – удовольствие, настолько он зрелищный и музыкальный! Манька немного волнуется, но виду не показывает, часть хозяйской еды ей положена по праву рождения в этом доме, поэтому волнение чисто символическое!

Пока ведутся приготовления, хозяин посвящает меня в тайны своей работы. Пчеловодство – целая наука, увлекательная и серьезная. Как и жизнь самих пчел: словно маленькое государство с собственными законами, правлением и чудом строительного искусства – сотами. Каждая ячейка – совершенство линий! Хозяин воодушевляется, и некрасивое лицо его становится одухотворенным. «*Понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке*»¹ – кажется, сказано про него. Все же как прекрасен может быть человек, когда он увлечен своим делом!

И вот, наконец, альфа и омега сегодняшнего утра – румяная, желто-алая скворчащая яичница на столе. Уже закипел чайник, и хозяин занят новым ритуалом – словно священнодействуя, он ополаскивает фарфоровый заварной чайник, насыпает в него черный чай, щепоть чабреца и еще каких-то сиреневых сухих цветов. «Медуница» – догадываюсь я.

Аромат от чая волшебный. Мы неторопливо, стараясь не обжечься, поглощаем свои порции. Хозяин ставит сковородку на край печки, чтобы яичница не остыла: скоро встанут завтракать и остальные.

Мы пьем чай с медом и пергой – цветочной пылью. У нее специфический терпкий вкус, но вскоре привыкаешь. Перга очень полезна – она улучшает зрение и вообще защищает от инфекций.

Завтрак наш проходит в полном молчании. И я, кажется, только сейчас понимаю смысл поговорки: «Когда я ем, я глух и нем». Верно! В ней отразилось глубокое уважение человека к плодам своего труда. Они действительно достаются потом и кровью.

Ходики нежно возвещают семь утра. Майское утро в самом расцвете. Хозяин улыбается:

– Ну, мне пора. А вы отдохните, мало ведь спали. Понравилась яичница?

Я киваю от всей души! Еще бы! Никогда не любила это блюдо, но тут, кажется, всю сковородку бы съела!

– И чай! Прелесть!

– Так пейте на здоровье. – Хозяин явно рад, но смущается. – Приятного отдыха.

¹Строчка из стихотворения И.Бродского «На смерть друга».

Он скрывается за занавеской, разделяющей вместо двери кухню и прихожую. Манька следует за ним по своим делам.

Я снова остаюсь одна. Но уже ненадолго. Сейчас появятся мои милые заспанные спутники, хозяйка дома и ее дети. День пойдет своим чередом. Очередной майский день, напоенный солнцем, легким дождем и отдыхом. А его, как и счастья, становится все меньше. Но может, оттого он сладок и памятен?..

Рассказ случайного человека

Что-то цепляющее душу?.. Не знаю. Впрочем, может, эта история сгодится.

В ней нет ничего величественного или драматического. Ни подвигов, ни душе-раздирающих страстей. Но есть в ней нечто иное. Легкое изящество печали. И чем больше нежность, разлитая в ней, тем она очаровательней. Впрочем, обо всем по порядку.

Он был старше нас на семь лет и казался очень взрослым. У него было несколько прозвищ: Рыжик, Рыжий, Косой (он чуть-чуть косил), Шомка (что это означало, так и осталось неизвестным), Оскар (звали его Аскарком, но предпочитал он себя называть Оскарком, то ли отождествляя себя с престижной премией, то ли с Оскарком Уайльдом) и, наконец – Циник.

Это подходило ему больше всего. Не было ничего, что он не мог бы высмеять или принизить, причем так филигранно, что оставалось только развести руками. От высмеиваемого предмета ли, человека, события не оставалось и камня на камне, но делалось это так элегантно, что вызывало восхищение. Бывают же люди со злым даром ниспровержения. Именно таким талантом Бог наделил его щедро: Оскар насмеялся над всем, ни с чем и ни с кем не считаясь. Раздаваемые им характеристики были метки, точны и крепко припечатывались к объекту. Так, старики у него именовались не иначе как мешки горя, дети – муравьи, красивые женщины – пчелиные матки, умные – комарихи, мужчины – пауки, скрипачи, коты и павианы (в зависимости от возраста, внешности и финансового состояния).

Если кто-то робко интересовался, отчего такие названия, то объяснения были не менее парадоксальны. И циничны так, что от них отшатывались:

– Что же такое старики, как не мешки горя? Несут в себе груз прожитой жизни, ищут, на кого бы его спихнуть. А кому нужен лишний груз? Сплошное горе!

Изрекая это, он весело поглядывал по сторонам, словно любуясь произведенным эффектом. Надо сказать, что эффект удавался. Такая откровенность ошеломляла.

Выждав положенную паузу, он невозмутимо продолжал:

– Если женщина красива, то она как пчелиная матка, вокруг которой вьются сотни трутней. И мед у нее будет всегда!

– Умная женщина – комариха. Никто не любит, вот и пустила силу в ум. А от злости – одна – пьет кровь!

– Дети как муравьи, мельтешат под ногами, мешают, а наступить нельзя – не по-людски как-то!

– Сразу видно: мужик знает себе цену! Живот вперед выпятил, а ручки и ножки тоненькие, спортом не занимается – настоящий паук!

– Весь такой возвышенный, несчастный, словно сейчас на скрипке играть начнет, чтобы его пожалели!

– А почему именно на скрипке?

– Визжит много!

Ну, и все в таком же духе...

Ему пытались подражать, но тщетно. Дар – есть дар, злой или добрый – неважно, а эпигонство – это всего лишь эпигонство, не более.

В конце концов ко многому привыкаешь. И от этого грустно. Привыкание – как душевное отупение: мысли и чувства становятся вязкими и безразличными.

Привыкли и мы. Ярлыки были давно навешаны: этот – добрый, этот – хитрый, тот – серьезный, а Оскар – циник. Роли в нашем маленьком театре жизни под названием общий двор были распределены.

И ночь сменяла день, и день заступал на место ночи, и текло время, но мало что менялось в нашем дворе. Лишь темнее становились кипарисы, высаженные вдоль белых стен домов, да и сам их белый цвет постепенно выцветал.

Но видно, иногда и Бог устаёт от однообразия и устраивает людям сюрпризы. Может, хочет позабавиться, а может, другая у него цель.

Одним словом, захотел он, чтобы с Оскара как-то слетела маска циника. Совсем ненадолго. Словно на секунду с глухим скрипом приоткрылся неведомый цветок, и сразу же наглухо затворился вновь.

Это случилось ранней осенью, когда воздух еще по-летнему густой и синий, а нагретые солнцем ящики с фруктами исходят душистым паром.

Еще плыла жара вдоль мягкого асфальта, и уличные торговцы с бронзовыми лицами яростно отмахивались от мух и ос. Но небо ночью уже было по-осеннему высоким, и звезды горели тускло. Все звуки и голоса, особенно в предутреннюю пору, гулкие и словно прозрачные, а это верная примета осени.

В такую пору плохо спится. Организм перестраивается на холодное время года. Я вышел пройтись. Было около шести часов утра, и улицы были безлюдны.

Оскар жил на Платановой улице, около старого парка. Сейчас там давно новые здания, но тогда были двухэтажные дома в стиле сталинского ампира, с неизменными звездами, колоннами. Свидетельство эпохи нелегкой и немилосердной, но в них есть своеобразная прелесть. Или это наша память набросила на них золотой флер.

Окно Оскара на втором этаже было полуоткрыто. В прозрачный воздух лилась музыка. Я узнал ее сразу. Проклятие моего детства: мальчик из интеллигентной семьи ходил на уроки музыки, и несчастный вальс Шопена до-диез-минор был заезжен им до последней ноты. Он вызывал дрожь, чесотку, омерзение – прекрасный шопеновский вальс, который вбивали в меня линейкой!

«Какая нота? Какая нота, я тебя спраш-ш-шиваю?! Ля! Ля!! Ля!!! А ты что береш-шь?! – шипела учительница музыки, и парик на ее голове вздрагивал. Я испытывал жгучее желание разлохотить этот безупречно завитый парик, но вместо этого деревянная тридцатисантиметровая линейка с оттяжкой опускалась на мои пальцы.

– Ля!! Ля, дебил! Ля!!!

Я ненавидел и Шопена, и его вальс всеми фибрами души. Отбарабанив его на экзамене, я решительно заявил родителем, что даже под страхом смертной казни и отцовской порки не пойду больше на музыку. Я стоял у пианино, словно у расстрельной стены. Родители пошумели и сдались. Ноты ненавистного Шопена и крышка пианино были захлопнуты, казалось, навсегда.

И вот сейчас я услышал эту музыку. Она звучала в хорошем исполнении, различим был каждый звук, видно, проигрыватель стоял у окна. И этот вальс был волшебным, таким прекрасным, каким никогда не был в моем детстве. И сердце мое впитывало его звуки благодарно, как сухая почва – воду. Но главное – он доносился из дома человека, с которым Шопен сочетался так же, как белый медведь с Африкой. Шопен и Оскар рядом – в это невозможно было поверить.

Он стоял у подъезда, глядя прямо перед собой. Жалкий, маленький, даже рыжие волосы его казались блеклыми.

– Чш-ш-ш-ш! – произнес он, увидев меня, и приложил палец к губам.

Я знал этот вальс по хронометражу. Еще 50 секунд, и он окончится. Улица по-прежнему была пустынна. Раздались последние аккорды.

Оскар поднял голову. Лицо его было старым и сердитым. Словно он досадовал на меня, который застал его в этот миг, и на себя, что допустил это. Он даже не пытался ёрничать по обыкновению.

– Нравится, – коротко и словно в никуда бросил он. И, резко повернувшись, зашагал в дом. Я двинулся за ним.

Он посмотрел на меня и, усмехнувшись, стал рассказывать, что Шопен сочинил этот вальс, когда был влюблен в сестру своего лицейского друга. Именно ей – Марии Водзиньской – красавице с фарфоровым личиком и темными глазами-озерами посвятил он свою бессмертную вещь. И что они были обручены и мечтали о счастье.

А потом красавица с фарфоровым личиком и темными глазами-озерами тихо и твердо решила их судьбу. Расторгла помолвку и вышла замуж за графа.

– Юзефа С-с-к-ккарбека, – подчеркнуто вежливо и ядовито произнес Оскар, словно злосчастный граф был его личным врагом.

Она была талантливой художницей и прожила довольно долгую жизнь. А у него в жизни было потом еще много увлечений. Но всю свою короткую жизнь он берег пакет, перевязанный алой лентой и надписанный кратко: «*Моя жаль*». По русски – «моя печаль». Письма от Марии. От самых первых, влюбленных и чудесных, до последнего, где она разумно объясняла, почему разрывает помолвку. «*Вы талантливы, страстны и молоды. Вам нужно нечто большее, чем могу дать вам я и серые будни семейной жизни*».

*Несчастен, кто, любя, взаимности лишен,
Несчастней те, чью грудь опустошенность гложет,
Но всех несчастней тот, кто полюбить не может
И в памяти хранит любви минувшей сон.
И вере и любви равно далекий ныне,
От смертной он бежит, не подойдет к богине,
Как будто сам себе он приговор изрек.
И сердце у него – как древний храм в пустыне,
Где все разрушил дней неисчислимый бег,
Где жить не хочет бог, не смеет – человек.¹*

Это Мицкевич. Поэт с надменным лицом и горячим сердцем. Он плакал, когда слышал музыку Шопена.

Оскар умолк. Музыка давно стихла.

– А для себя просто так ты пишешь стихи? – вдруг спросил я и сразу понял, какую глупость сморозил.

– Что за глупость?! Конечно, нет, – Оскар посмотрел на меня разочарованно. – У меня хватает ума не делать того, к чему я неспособен. Лирика – это не мое.

– А Мицкевич как же? – пискнул я. Уж больно внезапной была метаморфоза Оскара-Циника в Оскара, любящего Шопена и Мицкевича.

Он смерил меня взглядом и трудно было определить, чего в том больше: презрения или жалости ко мне как к безнадежно тупому. Через несколько секунд лицо его вновь стало непроницаемым и насмешливым.

– Я могу восхищаться тем, что мне недоступно. А говорить предпочитаю о том, что доступно не только мне, но и окружающим.

И помолчав, добавил:

– Общей массе окружающих.

И медленно, чуть вразвалочку пошел прочь от меня Солнце уже вовсю наяривало. Он любил ходить по солнечной стороне улицы.

Я остался стоять в тени его дома, обрадованный и обескураженный. Словно прикоснулся к великой тайне – человеческой душе и сразу же потерял ключи от нее.

¹ Стихотворение А. Мицкевича «Резиньяция».

Больше мы никогда о Шопене не говорили. И не вспоминали то утро. А потом наши пути разошлись.

Но и сейчас, спустя много лет, стоит мне только услышать аккорды шопеновского вальса до-диез минор, в памяти звучит:

*И сердце у него – как древний храм в пустыне,
Где все разрушил дней неисчислимый бег,
Где жить не хочет бог, не смеет – человек.*

И думается иногда: а можно ли отстроить такой храм в пустыне, где было бы легко и хорошо и Богу, и человеку?

Да и кто отстроит такой храм?..

Талисман на удачу

Credo, quia absurdum!
(Верую, ибо это абсурдно.)

Тертуллиан

– Чуки-чуки-шус-с-с! Чуки-чуки-шус-с-с! – такие загадочные звуки вылетали из горла заводной птицы.

И птица эта была подарена светлым июльским днем милой девушке Розе. Роза как нельзя лучше соответствовала своему имени. Кожа нежного розоватого оттенка, волосы светлые и на солнце переливались тоже розово-румяно, розовые ноготочки, розовая родинка на сгибе локтя. Даже в прозрачных голубых глазах вспыхивали розовые огоньки, когда девушка смотрела на огонь.

Именем царицы цветов нарекла ее тетушка почтенных лет. Бездетная незамужняя женщина имела склочный характер и, подобно старой фее из сказки о «Спящей красавице», зорко следила за каждой мелочью в жизни родственников. Не дай Бог было не пригласить ее на какое-то семейное торжество – ворчания, переходящего в змеиный шип и виртуозные проклятия, не оберешься! Да и приглашавшим тоже доставалось: то дверь ей не так открыли, то стол не так накрыли. Одним словом, когда старая карга уходила, все облегченно вздыхали.

Особенно придирчивым было отношение к детям. Почему-то тетушка не любила девочек. Узнав, что у любимого племянника ожидается дочь, она плюнула, пожевала синеватыми губами и изрекла:

– Ничего нынешние не умеют! Родить и то нормально не могут. Конечно, если в одних кружевных трусах ходить – то только девок рожать будешь (это относилось к будущей матери). Мальчикам тепло нужно. Наши матери-бабушки в панталонах с начесом ходили, поэтому и рожали каждый год сыновей, как на подбор, красавцев! А эти, пр-----ки – тьфу!!!

Причинно-следственная связь между рождением сыновей и панталонами с начесом была ясна только самой тетушке, имевшей, видимо, большие эмпирические познания в этих делах.

Тем не менее, воинственно настроенная тетушка была мгновенно покорена, как только узрела в пене розовых кружев крохотный носик-пуговку и сморщенный бутон рта.

– Наша порода! – удовлетворенно хмыкнула она. – У нас в роду некрасивых не бывало! – и бросила победно-снисходительный взгляд на молодую мать.

Та, хрупкая, невзрачная, но полная какой-то неизъяснимой прелести, потупилась и покраснела. На хрящеватом носике выступили капли пота. Испытание тетушкой, хоть и не без подколов, можно было признать зачетным.

Очередная баталия разыгралась за праздничным столом уже по приезде из роддома. Молодые родители отчаянно хотели назвать новорожденную Авророй. То ли в честь римской богини зари, то ли в честь Авроры Дюдеван, больше известной как Жорж Санд.

Остальные родственники не возражали. И только тетушка не менее отчаянно противилась этому. Отчаяние подкреплялось яростным постукиванием по столу, так что подпрыгивали чашки и блюдца, издавая совершенно «федорогоринский» звук: «а за ними блюдца, блюдца – дзынь-ля-ля, дзынь-ля-ля!».

– Какая она вам Аврора?! – кипятилась тетушка. – Еще чего?! Посмотрите на нее! Розовая как куколка. Цветок, а не ребенок! Роза! В общем, так! Не портьте жизнь ребенку! Называйте Розой. А иначе – вы меня знаете! Помогать не буду. Сами будете обходиться!

Декларация была не только ультимативной, но и опасной. У тетушки, помимо прорвы свободного времени и сноровистых рук, было еще одно важное преимущество – квартира! Заветные 27 метров двухкомнатной хрущевки, которые она туманно обещала отписать любимому племяннику. Естественно, когда почувствует, что Бог хочет призвать ее к себе. Чтобы туманность обещания не стала непроницаемой мглой, надо было пойти на уступку. Тем более, что июльская жара к спорам не располагала.

Новоиспеченный отец, пытаясь придать голосу больше мужественности и патетики, провозгласил:

– Ну, за нового человека! За Розу. И пусть жизнь ее всегда благоухает и цветет!

– Аминь! – гаркнули родственники и потянулись к рюмкам и тарелкам. Напуганная могучим родственным криком, малышка запищала.

– А я что говорила! – удовлетворенно сказала тетушка. – Ребенок свое имя чувствует сразу! Ах, ты моя Розочка!

Рубикон был пройден, и окаменелое сердце старой девы растоплено. Она стала рабыней Розочки, причем рабство было добровольное и восторженное. Розочка стала ее кумиром, идолом и божком на последующие годы! Ни одна наследка не вкочует так над своим цыпленком, как тетушка над Розой! Тетушка ревностно следила, чтобы Розочке доставалось все самое лучшее. Она не сдувала – она не допускала, чтобы даже тень гипотетической пылинки коснулась Розочки! Надо сказать, что и воспитанница души не чаяла в своей восторженной рабыне!

На фоне яркой тетушки родители отступили и превратились в бледные тени. Окончательное слово в семейных спорах всегда оставалось за тетушкой, а та безоговорочно поддерживала любимицу.

– А-та-та! А-та-та, вышла кошка за кота! За Кота Котовича, за Иван Петровича! – убаюкивала тетушка Розу.

– А-а-а-а! – вопила та, не желая убаюкиваться.

– Лапушка, Розочка – пугалась тетушка! – А-та-а-та-та! За Иван Петровича вышла кошка! Ты представляешь? За целого Иван Петровича!!!

Окончательно убедившись в том, что неведомая кошка вышла замуж не за половинку, а за целого Иван Петровича, Розочка умиротворенно засыпала. Тетушка еще часа полтора носила ее на руках, блаженно улыбаясь и оповещая мир о кошкном бракосочетании.

Песенка повторялась так часто, что стоило подивиться брачной неутомимости кошки и свежим поставкам Иванов Петровичей.

– Не хочет купаться – правильно и делает! – ворчала тетушка, видя, как родители тащат упирающуюся Розочку в ванную. – Здоровее будет! Вон цыгане месяцами своих детей не купают, а посмотрите, какие здоровые!

При этом тетушка махала рукой куда-то в неопределенную даль, очевидно, прозревая в ней пыльные кибитки, пестрые юбки, табачные трубки, скрипки, гитары,

медведей и чумазных ребяташек – словом, полный набор стереотипов о цыганской жизни. Родители начинали вяло препираться с тетушкой, а довольная Розочка удирала под шумок.

Через некоторое время картина повторялась диаметрально противоположно и относилась к тому, что Розочка надолго занимала ванную.

– Что вы хотите от ребенка? Она растет, ей не хочется с прыщами ходить. Долго умывается – значит, ей так нужно! И вообще, занимайтесь своими делами! На кухне тоже можно умыться! Можно подумать, у вас крана там нет!

Слава Богу, у Розы подрастал брат, и родители полностью переключились на него. Младший ребенок в семье не особо интересовал тетушку. В ее сердце цвела Роза.

Больше всего памятливы были вечера, когда Роза, засыпая, прислонялась к тетушке, а та, замирая от счастья, мурлыкала любимую песню:

*Как соловей о розе
Поет в ночном саду...
Вам песня посвящается,
И вы смелей ответьте,
Ведь песнею кончается
Все лучшее на свете.*

При таком обожании Розочке ничего не оставалось делать, как вырасти «топни-ножкой». Так в старину называли хорошеньких, но очень избалованных девиц, которые привыкли всего добиваться методом «топни-ножкой». Надо сказать, что топали они так изящно и мило, что отказать им было просто невозможно.

Первое недоумение со стороны тетушки было замечено, когда Розочка объявила, что хочет поступать в театральный. Она сказала это, поигрывая подарком тетушки на 16-летие – серебряным соловьем с глазами из настоящих изумрудов. Розовое июльское солнце ударило в окна, отразилось от глаз соловья и легло на волосы девушки.

За столом повисла тишина. Родители переглянулись и посмотрели на тетушку. Девятилетний брат крутился за столом и вдруг выдал нечто невообразимое:

*Красотки, красотки, красотки кабаре,
Вы созданы лишь для наслажденья!*

Каким образом и почему ему пришло это на ум, было непонятно и совсем неожиданно. Фривольная опереточная песенка не разрядила обстановку, а наоборот сгустила ее.

Тетушка, вопреки всем ожиданиям, растерянно посмотрела на свою любимицу.

– Розочка, ты ведь так хорошо успеваешь по химии. Может, лучше на химфак?

– Театральный! – Розочкино лицо приняло выражение «топни-ножкой».

Далее последовала молниеносная смена картин на лице тетушки. От озадаченности до обескураженности и мгновенно – каменной решимости поддержать своего божка.

– А, молодец! Я всегда говорила – ты очень артистичная и талантливая. В нашей породе всегда были яркие таланты! Как пела моя бабушка! А дядя был душой компании, как танцевал!

И бросила взгляд на отца Розочки, мол, поддержи. Тот неопределенно мотнул головой.

– Ты уроки сделал? – обратилась мама к сыну. Она была спокойна, только побледнела очень.

– Нет, нет, нет еще! – завертелся-запрыгал на одной ноге мальчик.

– Так идем! – она взяла его за руку и увела из комнаты. Отец ретировался тоже.

И Розочка поступила. Особых талантов она не проявляла, но каменная уверенность тетушки в том, что любое Розочкино желание должно исполняться, сыграла свою роль. Тетушка направила всю энергию жарких молитв на осуществление Розочкиного «топни-ножкинства».

Честно сказать, артистка из Розочки вышла никакая. Да и училась ни шатко ни валко. Но тетушка была уверена, что в розовом теле ее кумира живет Сара Бернар, и готова была выцарапать глаза всякому, кто посмел бы в этом усомниться. Тетя восторженно хлопала Розочке, стоило ей только отыграть свой эпизод, а после спектаклей подносила ей самые роскошные букеты.

Невдомек было тетушке, что в театре Розочку сразу окрестили Тетя-Роза. И Бог его знает, что таилось за этим многозначительным прозвищем...

Квартира же, конечно, была отписана не любимому племяннику, а Розочке. Таково было условие тетушки, чтобы Розочка стала квартиросъемщицей. Родители, давно махнувшие рукой на тетушкины причуды, не возражали. В конце концов, для их ведь ребенка старалась женщина. Старалась – не то слово. Пласталась, всю себя бивала в Розочку.

Главных и серьезных ролей Розочке не давали после провальной Гретхен в «Фаусте». Розочка почему-то решила, что если она будет таращить глаза и сюсюкать, то приблизится к образу гетевской героини. После премьеры режиссер почесал в затылке и сказал что-то вроде того, что голубые глаза и светлые волосы – это, конечно, хорошо, но вот бы к ним еще что-то. Что именно, он не сказал, но все, кроме Розочки, поняли, что главных ролей ей больше не видать. Дамы-актрисы вздохнули с облегчением и наперебой бросились поздравлять Розочку с премьерой!

Потом Розочку занимали только в эпизодах и в детских сказках. Она негодовала; тетушка возмущалась и винила во всем злостных интриганов, безбожно губящих молодое дарование. Впрочем, неизменно добавляла:

– Взойдет еще твоя звезда, Розочка! Засияет так, что глазам будет больно от света! Все ахнут!

Глаза тетушки светились такой фанатической верой, что Розочка поневоле соглашалась и улыбалась.

Как-то зимой тетушка заболела, долго и надсадно кашляла, сказывалась застарелая астма. В один из дней она позвала к себе Розочку.

– Соловейчик у тебя? – прокашляв, спросила она. – Ну, тот, что я подарила тебе на 16 лет?

– Да, – недоуменно протянула девушка. – А что?

– Береги его. И бери с собой всякий раз, когда будешь играть серьезную роль.

Он будет твоим талисманом на удачу.

– Да кто ее даст? – Розочка скорчила плаксивую мину. – Второй сезон пустой.

– Дадут, – тетушка лежала крошечная, высохшая, но говорила тихо и твердо.

– Дадут! Скоро. Взойдет твоя звезда, Розочка моя.

Тетушки вскоре не стало. Розочке было 22 года, и она легко перенесла утрату. В молодости все переносится легче. Но тетушка оставила после себя нишу, которую ничем нельзя было заполнить. Родители давно смирились с ролью только близких родственников на фоне всепоглощающей тетушкиной любви.

Розочка похудела, и розовость стала облетать с нее как яблонь. Немного заострились черты лица, глаза стали строже и выразительней.

– Что-то в тебе новое появилось, дорогая, – сказал режиссер, случайно встретив ее в коридоре. – Встань к свету. Розочка повиновалась. – Нет, определенно, что-то новое. И глаза такие прозрачные стали, глубокие. Да уж...

И, неопределенно хмыкнув, прошествовал дальше.

Через неделю он вызвал Розочку к себе в кабинет.

– Вот что, дорогая, – тяжелый голос перекатывался валами. – Будем ставить «Маленькие трагедии». Я хочу попробовать тебя на Донну Анну. Это ответственность, ты понимаешь?

Розочка вздохнула так глубоко, что у нее заболела грудь. После нескончаемых Аленушек, кикимор и Мальвин – Донна Анна стала чудом, в которое было страшно поверить.

– Можешь не благодарить. Иди, освежи в памяти Пушкина. Послезавтра читка. Не опаздывай.

Читки, репетиции, прогоны – простые и в костюмах, репетиции со звуком, со светом, генеральная, наконец, сдача спектакля – все прошло как упоительный красочный сон. Розочка летала от счастья и боялась спугнуть это волшебное чувство. У нее замирало сердце, когда Дон Хуан обращался к ней с вопросом:

– Так ненависти нет в душе твоей небесной, Донна Анна? – и казалось, что душа ее, душа самой Розочки, и вправду соткана из небесной лазури и в ней нет и не может быть места ненависти, злобе, страданию.

И она отвечала, вложив всю силу слов в прозрачный молящий взгляд:

– Ах, если б вас могла я ненавидеть! Однако ж надобно расстаться нам.

– Откуда что взялось у Тети-Розы? – шушукались за ее спиной. – Ты смотри, как раскрылась! Глаза, голос, повадки!

– Пушка! – скептически отмахивались другие. – Случайное попадание. Легла роль на ее натуру, вот и играет. А настоящее мастерство, это когда актер все может сыграть.

Дамы-актрисы примолкли. Успехи Розочки их немного беспокоили.

Премьера прошла с оглушительным триумфом. Розочку вызывали на бис 14 раз! Когда она в черном платье, с огромными прозрачными глазами на бледном лице подходила к краю рампы, ноги ее тонули в букетах, таких же роскошных, как те, что когда-то дарила тетушка.

– Ну, за новую звезду и розу сцены! – режиссер улыбнулся собственному камбуру и поднял бокал шампанского на банкете после премьеры – Я верил в то, что из тебя выйдет толк!

Розочка смущенно улыбалась, благодарила. По всему было видно, что ей еще непривычно находиться в центре внимания.

– Чуки-чуки-шус-с-с! Чуки-чуки-шус-с-с! – вдруг раздались странные звуки, но на них в шуме и смехе никто не обратил внимания. А Розочка сжимала в холодных пальцах маленького серебряного соловейчика с изумрудными глазами – подарок тетушки.

Ночью после премьеры очень уставшая и очень счастливая Розочка укладывалась спать. Мама вошла пожелать ей спокойной ночи.

– Я так рада, что у тебя все получается, – голос матери был, как всегда, ровный и спокойный. – Жаль, что тетушка не дождала. Она бы радовалась очень.

– Да, – мечтательно проговорила Розочка, засыпая. – Она всегда верила в мой талант.

Мама усмехнулась. И продолжила так же спокойно и ровно, но очень тихо:

– Тетушка очень тревожилась за тебя. И очень хотела верить в твой талант. И нас заставила поверить. И, как видно, не зря. Чудеса иногда случаются.

Но Розочка ее уже не слышала. Она крепко спала и чему-то улыбалась во сне. Около ее кровати стоял талисман на удачу – маленький серебряный соловейчик с изумрудными глазами и загадочно поблескивал в темноту ночи.

СВЕТЛАНА ХАЛЫКОВА

ЭПИЗОДЫ С ... ПРОДОЛЖЕНИЯМИ

Что такое эпизод? В словаре иностранных слов эпизод (греч.) epeidion –

1). Случай, происшествие; 2). Часть художественного произведения, имеющая относительную законченность и представляющая отдельный момент развития темы. Эпизодический – случайный, являющийся эпизодом, бывающий не постоянно. Итак, эпизоды ... с продолжением.

Молодому человеку 22 года. Каждый раз во время очередного призыва на действительную военную службу медицинская врачебная комиссия по состоянию здоровья считает его больным и даёт отсрочку до следующего призыва. А в приписном свидетельстве призывника появляется запись: «не годен в мирное время, годен к нестроевой службе в военное время».

1940 год. Весна. Идёт очередной призыв на действительную военную службу. Самендара врачи опять считают больным, т.к. он часто кашляет, и он получает очередную отсрочку. А кашель у него от папирос, которые он курит тайно от окружающих. Во время призыва он действительно простудился и заболел, и его направили в больницу на лечение. Через неделю его вылечили и собирались выписать домой. Самендар в зеркале увидел своё бледное лицо и бритую голову. Это его навело на мысль, что он похож на призывника, т.е. новобранца. Выписавшись из больницы, он пошёл не домой, а на автовокзал, который тогда назывался «Союзтрансом». Не сказав родным ни слова, тайком от домашних, купил билет и в тот же день уехал в Баку. На базаре он купил у старика с рук поношенную солдатскую военную форму. Затем на железнодорожном вокзале он переоделся и хотел приобрести билет в Белоруссию, куда были определены на службу его товарищи. В кассе ему сказали, что прямого маршрута в г. Минск нет, надо ехать через Москву. Денег у него было очень мало и на билет до Москвы не хватило. Тогда он решил попросить машиниста позволить ему поехать бесплатно, на ходу сочинив, будто он призывник – новобранец, потерял документы, деньги и отстал от поезда. Машинист, пожилой мужчина, стоял около паровоза и беседовал с кочегаром. Самендар смотрел на них таким умоляющим взглядом, что они ему не могли отказать. Кочегар предложил ему помочь кидать лопатой топливо (мазут) в топку паровоза. Тот с радостью согласился. Через несколько часов состав отправился в путь. Самендар не верил, что он сидит в поезде и едет навстречу своей мечте. Только теперь он пришёл в себя, но на душе было очень тяжело, т.к. он сказал неправду. На свете он больше всего не терпел ложь. Но желание служить взяло вверх. Молодого человека долго ещё мучала совесть. Это была первая и последняя ложь в его долгой, нелёгкой, но очень интересной жизни. Подбрасывая топливо в топку паровоза, он думал о том, какие он беспокойства доставил родителям, братьям, сестре, жене. Несколько месяцев назад была их свадьба. Они любили и очень доверяли друг другу. Самендар верил, что со временем Зулейха поймёт его и простит. Это было так невыносимо тяжело, что он старался сейчас не думать об этом и решил написать домой письмо, как только всё устроится. Через несколько дней поезд прибыл в Москву. Машинист и кочегар отнеслись к нему, как к сыну, делились с ним едой. Они были добрыми и отзывчивыми людьми, и это его немного успокаивало. Самендар поинтересовался у них, где находится военкомат. В одном из военкоматов города Москвы он прочитал объявление о том, что набирают добровольцев на фронт: шла русско-финская война. Он вспомнил запись в своём приписном свидетельстве о том, что он годен к нестроевой службе в военное время.

Недолго думая, он тут же сам написал заявление и стал призывником-новобранцем. Только после этого он написал письмо домой. Служил честно, ему нравилась военная дисциплина. Принимал участие в боях. На фронте он был больше года. Однажды его внезапно схватил приступ аппендицита, и врачи оперировали его в военном госпитале, который был развёрнут тут же, в лесу. Через несколько дней его выписали из госпиталя и дали отпуск на несколько дней домой, в г. Шемаху. Вернувшись из отпуска, Самендар узнал, что его направляют на учёбу на курсы политруков в Киев. В Шемахе раньше он работал в редакции и типографии районной газеты «Ени Ширван» («Новый Ширван») заместителем редактора и наборщиком. Газета выходила на русском и азербайджанском языках. Поэтому учиться ему в Киеве на русском языке было нетрудно. Утром 22 июня 1941 года Самендар собирался идти, как обычно, на курсы. Но ...

Сохранились его дневники, которые он начал вести с первого дня Великой Отечественной войны. Первый дневник – в тоненькой ученической тетрадке в клеточку. Тетрадка согнута, как словарь, пополам. На обложке простым карандашом сделана надпись «Дневник младшего политрука С. Халькова». Записи делал простым карандашом на каждой строчке мелким чётким почерком, так что их можно свободно прочитать через... 79 лет! Дневники вёл, словно отчитывался за каждый прожитый день войны. Привожу первые записи в первом дневнике.

«22 июня 1941 г. Киев.

Проснулись около 6 часов. В городе тревога. Около 7 часов. У окна наблюдал за самолётами. Думал, наши. Вдруг зенитки стали бить по ним. Разрывы были вокруг самолётов. Батальонный комиссар сообщил, что немецкие самолёты бомбили аэродром за Киевом. Ангар с инструментами сгорел. Среди гражданского населения есть жертвы. 12 часов 15 минут. По радио выступил В. М. Молотов. В 2 часа – митинг на курсах. Все, как один, были сплочены вокруг партии и правительства, чтобы дать сокрушительный отпор бандитам. Вечером в 19 ч. в учебном зале – подъём по тревоге.

23 июня 1941 г. Подъём в 2 часа. В 3 часа отправляемся на станцию. В 7 часов 45 минут выехали на Запад. Около Проскурова появился бомбардировщик на расстоянии от эшелона в 500 метров, но был отогнан зениткой. В Проскурове он был посажен. Новостей с фронта тоже не слышно».

В тот же день Самендар пишет письмо домой. «23 июня 1941 г. Здравствуйте, мои родные. Шлю Вам свой Красноармейский привет. Очевидно, вы слышали речь тов. В. М. Молотова и распоряжения Советского Правительства. Прошу обо мне не беспокоиться. Жив, здоров, себя чувствую бодро. Направляемся на Запад, разобьём фашистских варваров. Живите дружно. Мы уверены, что весь советский народ в нужную минуту встанет на помощь Советской Красной Армии, и нет сомнения, что победа за нами. Целую Вас. Привет всем, кто меня знает, и кого я знаю. Крепко жму ваши руки. О дальнейших событиях я сообщу. Не беспокойтесь. С. Хальков. 23 июня 1941 г. Утро. 6 часов». Письмо Самендар написал на русском языке, а на азербайджанском языке приписал: «Зулейха, не скучай, если останусь жив, то приеду. Не скучай, целую. Письмо прочитай ребятам».

Самендар при первой возможности писал с фронта домой письма. Их было много. Его жена Зулейха аккуратно их сохранила, но не показывала ему долгие годы после войны. Он не любил говорить о войне, и поэтому Зулейха боялась причинить ему боль.

Только когда Самендару исполнилось 60 лет, по настоянию их дочери она с большим трудом согласилась показать ему письма. Трудно описать словами тот момент, когда дочь принесла к нему в комнату его кожаный военный планшет со словами: «Мама передала...». Самендар удивлённо смотрел то на дочь, то на свой планшет. Затем осторожно, дрожащими руками взял его, посмотрел прослезившимися глазами и медленно, ничего не сказав, отошёл к письменному столу, сел и углу-

бился в чтение своих писем с фронта... Самендару никто не мешал: домашние с балкона смотрели на праздничный салют – это было 23 февраля, День Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Самендар на фронте вёл дневник, но никто об этом не знал, даже Зулейха. Эти дневники обнаружил в ящике его письменного стола сын Виктор через много лет после того, как родители ушли из жизни...

Очень сожалело, что прочитала письма и дневники через несколько десятилетий после войны. Словно вновь увидела отца и мать, но не только как родных мне людей, но и обобщённый образ сильных духом и волей людей, терпеливых и смелых патриотов, требовательных к себе и к другим, целенаправленных, честных и справедливых. Увы, я не могу уже сказать им об этом. Мы всегда в неоплатном долгу перед ними. Ведь родителей не выбирают. Хотя бы то, что они дали нам жизнь... Читая записи писем и дневников, я погружаюсь в тогдашнюю атмосферу, и словно сама переживаю описываемое отцом бытие тех дней, так подробно он описывал события на фронте. Отец был не один. Таких было очень много. Это были простые советские люди с Большой буквы. Именно из таких людей был соткан советский народ, который дал отпор фашизму и показал силу сплочённости всех миролюбивых людей, которые не хотели воевать, но должны были защищать свою Родину. Это о них Г. Рублёв написал стихотворение «Солдаты мира».

*Это было в мае на рассвете. Нарастал у стен Рейхстага бой.
Девочку немецкую заметил наш солдат на пыльной мостовой.
У столба, дрожа, она стояла, в голубых глазах застыл испуг.
А куски свистящего металла смерть и муку сеяли вокруг.
Тут он вспомнил, как, прощаясь летом, он свою дочурку целовал.
Может быть, отец девчонки этой дочь его родную расстрелял.
Но сейчас, в Берлине, под обстрелом, полз боец и, телом заслоня,
Девочку в коротком платье белом осторожно вынес из огня.
Скольким детям возвратили детство, подарили детство и весну
Рядовые Армии Советской, люди, победившие войну!
И в Берлине, в праздничную дату был воздвигнут, чтоб стоять в веках,
Памятник советскому солдату с девочкой спасённой на руках.
Он стоит как символ вечной славы, как маяк, светящийся во мгле.
Это он – солдат моей державы охраняет мир на всей земле.*

Самендар был несколько раз ранен, но об этом никогда не сообщал Зулейхе в письмах. Получить рану на войне – это неудивительно. Но один эпизод из своей фронтовой жизни он, как ни старался, скрыть не смог. Однажды перед боем Самендар с одним из бойцов обменялись адресами и дали друг другу слово, что если кто погибнет, то другой сообщит об этом письмом его семье. Первые числа октября 1941 года. Шли тяжёлые бои. Наши бойцы стояли с противником почти лицом к лицу. У Самендара кончились патроны. Тогда он кинулся на немца, направив на него штык винтовки. Тот упал, но другой немец кинулся на Самендара и вонзил штык винтовки в бедро правой ноги. Он упал на землю, потерял сознание и много крови. Долго он не приходил в сознание и не дышал, поэтому решили, что он умер. Согласно слову, данному другу, солдат написал Зулейхе, что Самендар погиб в бою. После боя собирались хоронить погибших, но немцы начали бомбить. Похороны пришлось отложить. Через несколько дней, когда пришли в сарай, где были погибшие, услышали стон. Выяснилось, что среди погибших четверо ещё живы, но без сознания, а один, придя в себя, стонал. Их отправили в госпиталь. Когда Самендар пришёл в себя после переливания крови, он увидел склонившуюся у его изголовья молодую медицинскую сестру, которая, заметив, что раненый открыл глаза, радостно сообщила: «Доктор, он

пришёл в себя!» Самендара лечили в госпитале, а о том, что письмо о его гибели было отправлено домой, Зулейхе, он не знал.

29 октября 1941 г. Шемаха. Клуб. Идёт торжественное собрание, посвящённое Дню рождения Комсомола. Зулейха работает главным редактором газеты «Ени Ширван» («Новый Ширван»). Она же – корреспондент (все мужчины-корреспонденты, работающие с ней, ушли на фронт), она – педагог в средней школе и является диктором на радио (сообщала населению вести с фронта и выступления главного диктора СССР Ю. Левитана на азербайджанском языке). Зулейха сидела за столом в президиуме, когда ей передали письмо (треугольник с незнакомым ей почерком). Она быстро вышла из зала, чтобы прочесть письмо. Стоя у дверей около лестницы на втором этаже, она увидела, что и письмо написано незнакомым почерком. Узнав, что муж погиб, она потеряла сознания и упала с лестницы. Получила травму, в результате родилась недоношенная восьмимесячная слабенькая девочка, за жизнь которой врачи не ручались. Благодаря врачам и хорошему уходу бабушки Бикия, матери Зулейхи, в такое тяжёлое время девочку выносили и называли Светланой. А когда мне исполнилось семь месяцев, отец получил кратковременный отпуск домой. Тогда же сделали первую в моей жизни фотографию с папой и мамой, которую отец всю войну носил в кармане своей гимнастёрки.

Прошло три года. Самендар пишет Зулейхе с фронта письмо.

«29 октября 1944 г. Сегодня для нас исторический день. Три года назад, в опасные для нашей Родины дни, когда смертельная угроза нависла над Родиной, когда мировой палач Гитлер и его шайки детоубийц преждевременно торжествовали свою «дешёвую победу», когда в ответ бандитам всколыхнулась Советская страна и народ наш под руководством партии большевиков встал на защиту Родины, родилась наша любимая Светлана. В те дни я испытывал тяжесть отступлений 1941 года. Тогда мы – большевики, уверенные в нашей конечной победе, прямо смотрели опасности в глаза. Однако мы пока отступали в глубь страны с тем, чтобы собраться с силами и отбросить врага. Теперь 1944 год! Красная Армия не только остановила врага, но и отбросила его за пределы Советской земли. Сейчас Красная Армия совместно с армиями наших союзников всё туже стягивают кольцо окружения вокруг логова врага. Мы теперь полны решимости, преследуя раненого немецкого зверя по пятам, добить его в его собственной берлоге. Такова теперь обстановка. Вот в этой обстановке я с удовольствием поднимаю бокал по случаю дня рождения Светланы. Ей сегодня исполнилось 3 года. Я радуюсь, желаю долгих годы для неё. Правда, тяжело мне отмечать день рождения любимой дочки в разлуке. Однако в самый момент, вечером, к 22 часам, передали мне твоё письмо. Мне показалось, что это не письмо, а ты сама приехала, чтобы вместе отметить день рождения Светланы. Но, увы...! Ничего, в жизни всё бывает. Осталось немного. Надо потерпеть. Война подходит к концу. Всё человечество избавится навсегда от ненавистного гитлеризма, и мы возвратим наши былые дни».

В этот же день отец послал открытку мне. На открытке была изображена одна большая красная роза, а на обратной стороне сделана надпись: *«Поздравляю тебя с днём рождения. Сегодня тебе 3 года. Ты выросла без отцовской заботы и ласки. Но это не беда, настанет время, и я вернусь. А пока желаю тебе и твоей маме здоровья и счастья. Жди меня, дочка, обязательно приеду к тебе. Твой отец С.Халыков. 29 октября 1944 г. Польша. 1 Б.Ф.».*

Это письмо Самендара жене и открытку дочери можно считать кратковременным военным эпизодом с продолжением в мирной жизни. Дочка выросла. Окончила среднюю школу, хотела быть учительницей, как мама, поэтому поступила в педагогическое училище. Но по семейным обстоятельствам решила стать врачом. Окончила Азгосмединститут им. Н. Нариманова и работает врачом. Работу свою все годы совмещала с педагогической деятельностью. Преподавала, но не в начальных классах

в школе, как мечтала с детства, а в медучилище, на кафедре ГО АПИ им. М. Ф. Ахундова и врачам интернам в Азгосмедуниверситете им. Н.Нариманова.

Не могу не вспомнить ещё одно событие, которое было действительно редчайшим эпизодом в жизни Самендара и его братьев: старшего, Гурбана, и младшего, Халыга. Все трое с первых дней были на фронте. Причём младший пошёл добровольцем, т.к. по возрасту он тогда не подлежал призыву. Они воевали на разных фронтах и ни разу не виделись с начала войны. Они даже не могли друг с другом переписываться, а информацию друг о друге получали через письма из дома. Гурбан был тяжело ранен в боях за Кавказ. Он получил ранение в правую ногу, была раздроблена пяточная кость. Лечился в одном из госпиталей г. Моздок. Его долго лечили, но раздробленную кость пришлось удалить. Гурбан сообщил в письме своей жене Закийе о ранении. А Зулейха написала об этом Самендару, который был в это время командирован на Урал для сопровождения самолётов с авиазавода на Белорусский фронт. По пути следования у Самендара была возможность навестить Гурбана в госпитале. У него было около часа времени. В это время в госпиталь привезли раненых и обожжённых с Запада. Санитарный поезд сопровождал военный служащий, который, сдав раненых, расписался в журнале приёма и сдачи больных. Приёмный врач, прочитав подпись, спросил: «Ваша фамилия – Халыков? У нас лечится раненый с такой же фамилией по имени Гурбан». Халыг не поверил услышанному. А когда он заглянул в палату, то увидел двух своих старших братьев: Гурбана и Самендара, которые мирно беседовали. Встреча была коротка (около одного часа), но они успели сфотографироваться. Братья Халыковы: Гурбан, Самендар и Халыг за все годы войны случайно встретились всего один раз и вновь расстались, чтобы встретиться только после войны. Все три брата были в разное время неоднократно ранены, и все по одному разу были ранены в правую ногу. Они вернулись домой после окончания Великой Отечественной войны. Гурбан ходил, прихрамывая, с тростью, он был признан инвалидом войны. Халыг получил многооскольчатое ранение в ногу и с хроническим остеомиелитом и с осколками в ноге прожил всю жизнь. Его болезнь временами давала обострения и тогда его лечили в домашних условиях. Он не мог сидеть без дела. Болела нога, а здоровые руки делали деревянные сундуки и раскрашивали их, а потом красиво разрисовывали яркими цветами и национальными орнаментами. Халыг ещё сочинял стихи, любил читать. А как его любили дети (не только свои)! Дети очень любили беседовать и советоваться с ним. Болезнь не мешала ему преподавать – вести занятия по гражданской обороне в средней школе. У Самендара остались только рубцы и шрамы после ранений, которые его не беспокоили, и о которых он забыл. Но он болел хроническим эндартериитом (это сужение и воспаление мелких капилляров) обеих ног. Врачи считали, что это следы войны, следы прошедших гроз. Это продолжение военных эпизодов в мирное время. Но братья жили, работали, воспитывали детей и внуков, преподавали, писали, рисовали, участвовали в восстановлении разрушенного сельского хозяйства и промышленности.

Единственный эпизод из жизни Самендара, о котором он иногда рассказывал сам, а можно ли считать этот эпизод военным эпизодом с мирным продолжением, пусть решит читатель.

1942 год. Украина. Самендар политрук, комиссар полка. Их полк проходил через деревню, которую сожгли фашисты. У одного обгоревшего дома сидел парнишка 15-16 лет, а на коленях держал кошку. Увидев красноармейцев, он встал и неуверенно пошёл за ними, а кошку не выпускал из рук. Он рассказал, что его отец погиб на фронте, а мама заболела и умерла. Он жил с бабушкой, но и она скончалась во время пожара. А у него осталась одна только кошка. Парнишку звали Виктором. Он стал сыном полка. Его все любили. Будучи не по годам взрослым, он во всём хотел участвовать, всем помогал. Был очень трудолюбивым. Он жил среди людей, которые заменили ему родных. Они дарили ему душевное тепло. Виктор не хотел с ними ни-

когда расставаться. В свободные от походов и боёв минуты он слушал рассказы бойцов, пел с ними песни. Он вспоминал свою школу, учителей, друзей, отца, маму, бабушку, которая до последнего своего дня заботилась о нём. Иногда горло сжималось, слёзы текли по щекам, сердце щемило; он тут же отходил в сторонку, чтобы никто не видел его слёз. Как-то Самендар увидел, что юноша тайком вытирает слёзы, подошёл к нему и, положив ему на плечо руку, сказал: «Вот кончится война, поедем с тобою в Азербайджан и будем вместе жить. Нас дома очень ждут». Виктор поднял голову, посмотрел на комиссара, и они обменялись долгими взглядами. Парень понял, что у него уже есть новая семья. Он ничего не сказал, а приблизился к комиссару, обнял его и спрятал лицо у него на груди. Шли дни, месяцы и годы войны. Виктор подрос и был призван на действительную службу в армию. Стал служить в своём родном полку. Он был дисциплинированным и смелым бойцом. Участвовал в боях. Был награждён медалью. Эту медаль вручил Виктору комиссар Самендар, и сам же прикрепил ему на грудь гимнастёрки. Война продолжалась, наши войска быстро наступали и освобождали наши земли от немецких захватчиков. Начало 1945 года. В одном из боёв комиссар и его адъютант Виктор рядом вели стрельбу по врагу. Оглянувшись назад, Виктор заметил, что один немец целится в Самендара. Недолго думая, адъютант сильно толкнул отца со словами: «Прости комиссар!» и сбил его с ног. Комиссар упал на землю, но тут же хотел встать. Виктор не дал ему подняться и заслонил его собою, упав на него. Пуля попала в спину и, пронзив сердце парня, застряла в его медали. Виктор погиб на руках у комиссара. Таким образом, совсем молодой адъютант спас своего комиссара. Стоя у братской могилы, отец поклялся, что он обязательно останется живым и вернётся домой, у него непременно родится сын, которого он назовёт Виктором. Самендар – комиссар, стойкий солдат, стоя у братской могилы, горько плакал. Впоследствии он рассказывал, что это был единственный раз за всю войну, когда он горько и, не стесняясь, плакал.

5 февраля 1945 года Самендар пишет письмо Зулейхе.

«Пишу тебе на польско-германской границе. До тебя отсюда очень далеко, а до смерти 4 шага. В этой обстановке я отмечаю свой день рождения. Сегодня мне исполнилось 27 лет. Сейчас мне особенно скучно без тебя. 5 лет я живу без тебя и ты без меня. За эти годы у нас родилась дочка, растёт. Сейчас я только что проводил друзей и решил тебе написать. Вот уже 1 час на фронте тишина. Только отдельные оружейные выстрелы и периодическая трескотня пулемётов нарушают её. Но эта тишина необычная, только на несколько часов. С рассвета опять появляются привычная музыка. Ничего, от этого нам только весело на душе, а фрицам тяжело на шее. Так и быть, будем бить, пока не поднимут руки вверх и не капитулируют. До Берлина уже недалеко. Передай от меня привет всем родным и друзьям. Светку поцелуй за меня. Крепко целую тебя. С Халыков».

Победа! Это короткое, радостное слово ночью облетело города и сёла нашей Родины, праздничным гимном прозвучало в заводских цехах, квартирах, на полях. В 2 часа 10 минут в тишине раздался спокойный, торжественный голос диктора Ю. Левитана, возвестившего о победоносном завершении Великой Отечественной войны... Германия капитулировала... Военные действия прекращены... 9 мая объявлено праздником Победы... Долгожданный День Победы. Праздник с сединою на висках и со слезами на глазах. Военная служба для отца продолжалась до 1946 года. Он был награждён двумя орденами Великой Отечественной Войны, двадцатью медалями и шестью благодарностями приказом Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина. Благодарности Самендар сохранил в военном планшете вместе с дневниками. Отмечено, что объявлены благодарности всему личному составу соединения, в том числе и ему, капитану Халыкову Самендару Азизовичу: за прорыв обороны немцев южнее Варшавы, за прорыв обороны немцев восточнее города Штаргард и овладение важными узлами коммуникаций и сильными

опорными пунктами обороны немцев в Померании, овладение городами Голлнов, Штепениц и Массов – опорными пунктами обороны немцев на подступах к Штеттину, овладении городом Альтдармм и ликвидации сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер, за прорыв обороны немцев на реке Одер и овладение городом Франкфурт на Одере, за окружение и ликвидацию группы немецких войск юго-восточнее Берлина.

В 1949 году у Самендара родился сын Виктор. Он рос и учился. Он знал, в честь кого его назвали, и всегда старался быть достойным своего имени. Окончил институт нефти и химии (АЗИНХ). Служил в Советской Армии. Работал по специальности в разных учреждениях. Последние двадцать пять с лишним лет работал в Госплане Азербайджана. Женился на своей однокурснице, Имеет дочь и сына. Дочь – художник, дизайнер, модельер. Сын – врач. Растут двое внучек.

Вернувшись с фронта, Самендар всю свою жизнь работал на партийной работе. Долгие годы он работал в аппарате ЦК КП Азербайджана. По направлению ЦК КП работал первым секретарём Районного Комитета Партии Саатлинского района. Неоднократно избирался и был депутатом Бакинского городского Совета депутатов трудящихся. Окончил Высшую партийную школу в Москве. Окончил юридический факультет Бакинского Государственного Университета. Работал зам.министра МВД, как начальник отдела кадров. В чине полковника вышел на пенсию. После выхода на пенсию продолжал работать на ответственных должностях в ЦК КП Азербайджана и в Бакинском Исполнительном Комитете.

Самендар Азиз оглу Халыков прожил трудную, но интересную, долгую жизнь. Он никогда не падал духом, был стойким, как гранит. Ушёл он от нас в возрасте 83 лет в день своего рождения.

Жизнь продолжается. Ушедшим из жизни – вечная память, а живым – жить на земле.

Мы очень благодарны маме, которая с такой любовью сумела сохранить папины письма с фронта. Мы очень благодарны отцу за его письма и дневники, которые дали возможность ещё раз показать, как простые советские люди разных возрастов и национальностей жертвовали всем, вплоть до собственной жизни, во имя светлого будущего человечества.

ИЛЬХАМ ГАХРАМАН

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

Увы...

(Посвящение собственному 60-летию)

Именем своим я дорожил,
Жил, как жил,
на ближних не грешил.
Сад свой холил, не жалел часов –
Сорняки взошли, миндаль засох.

Как я жил –
поверишь ты едва ли:
Радости я обретал в печалях,
Запретив себе по жизни нить,
Чтоб уста о горестях молчали.

В путь пускался без возврата я,
Опьянялся лишь стихами я.
Огорчался скотскими делами
Тех, кого причислил к людям я...

Молитва

Ветви – плодами,
горы – снегами,
птицами – высь
ты украсил, Всевышний.
Не оставляй нас в бесплодьи томиться –
что без любви наша жизнь и душа?..
Стержень пера,
где гудит пустота...

Дождь

Не различая труб, арыков мимо,
С небес сегодня
Хлещет этот дождь.
Оплакивая жаркие денёчки,
Поет нам этот августовский дождь.

Учительница

Солмаз ханым,
учительница наша –
на тонких каблучках,
с короткой стрижкой,
ступавшая решительно-легко
по улице центральной в нашем детстве...
Ты помнишь молодую «историчку»?
А нас, птенцов,
галдевших громко в классе?
Но ты входила – сразу все стихало...
А помнишь, как цвели в ту пору липы?
Мы за руку здоровались со всеми –
точней, за ветки...

Учительница, помнишь,
как, шагая
по тротуару, некий паренек,
тебя завидев, сдергивал в любую
погоду шапку с головы?..
Но ты, спеша, его не замечала...
Клянусь тем чувством,
что сбивало шапку
с пацаньей головы:
я – тот ребенок,
вьюнок, приникший к стеблю своему...
И до сих пор я, как и он, стою,
прижавшись тесно
к городу родному...

Ты знаешь, не забыл доныне город
те брови и ресницы,
и взгляд,
что полон был и жизни, и любви...
Все еще помнят камни старых улиц
ту дробь решительную каблучков...
Поверь, что и сегодня
в старой школе
всё так же голоса ученики,
всё те же липы вновь цветут вдоль улиц
и так же ждут
рукопожатий детских...

...Ах, что же и когда случилось с нами,
учительница?..
Кто и в чем ошибся,
все спутав – и события, и даты?
Учительница, милая, ответь,
что с нами сделала
история твоя?..

Тоска

Словно корабль, что томится в порту,
Лодкой, разошедшей на берегу –
Так я скучаю!

Как экспонаты в музее безлюдном:
Пыльный башмак, утварь, старое блюдо...
Так я скучаю!

Руки Мушфига вот так тосковали
В час, когда путы писать не давали –
Так же томлюсь я!

Как монумент одинокий томится
На пьедестале среди шумной столицы –
Так я скучаю!

Как изнывают по детским ручонкам
Женщин бездетных подола бессчётные –
Так я скучаю!

Жертвой, в прицеле застывшей в тоске,
Пальцем, что нервно дрожит на курке,
Нынче томлюсь я!

Словно фонарь в ожидании ночи,
Пёс, что хозяином брошен на даче –
Так я тоскую!

Словно очаг, что кочевник покинул,
Словно покойник в удобной могиле –
Так я тоскую...

Marina

Как птицы,
жадно ищущие корма,
слетаются на зов мой
эти волны –
спешат-бегут на берег,
шелестя.

Вонзился в море
месяц-ятаган.
А эта вот купальщица ночная
в своем прозрачном белом одеянье
парит в волнах как ангел
этих мест

Любовь в осеннем Шеки

За шагом шаг мы обошли дворец
старинный ханский
в городе старинном,
разглядывая дивные узоры –
хвала и слава древним мастерам!..
Помолимся за души наших предков!

Нас каменные улочки вели
в закат..
И мы с балкончика склонялись
над караван-сараям,
чтоб расслышать
мелодию, что напевал нам он –
в той песне старой
фыркали ослы,
вздыхали, встряхивая бубенцами,
навьюченные до ушей верблюды,
уздечками звенели всюду кони,
хвостами поводя,
жуя зерно...

У местной лавочки окликнул я тебя,
шепнул: «Замри!..»
Пусть исполины-горы
нас разглядят с небесной высоты
как следует –
двух крохотных влюбленных,
пусть нас навек запомнят эта осень,
и горы, и Шеки...

Цепь гор – как строй янтарных пирамид,
осенняя заря на них дрожит.
Осенняя печаль нам сердце жжет,
как будто бы расстанемся вот-вот,
и отравляет кровь
в потемках жил.

Мы видели, как осень лист пятнает,
пурпуром лес расшив.
И келагаем с дальних гор сползает
на голову Шеки.

Вновь нёмы мы
перед осенней сказкой –
ах, где берет природа эти краски?..
И осень накрывает вновь Шеки,
отгородив от мира нас двоих.

Одиночка

Охотился на рифмы и слова –
кипела кровь, кружилась голова.
Везде и всюду одинок поэт,
весь мир его – любовь,
которой нет.

***

День февральский в Баку.
Город тонет в снегу.
Ни зерна и ни крошки
в тот день не найдя,
воробьишки слетелись
к окну моему.
Хлеб свой ржавый,
крутого замеса
я им
раскрошу,
поделившись последним куском.
Пусть клюют на здоровье –
порадуюсь я,
что пернатым по нраву
пришелся мой хлеб,
хлеб поэта –
тяжелый, земной...
И пичугам понятно:
горбушку кроша,
я не к выгоде скорой стремлюсь –
на чужой каравай
не раскрывши роток,
хлебом черным,
но честным
я с миром делюсь.

Без тебя

Пришла
моя любимая ко мне.
И – вспыхнул город
сотнями огней,
в душе заговорило сто желаний!..

Ушла.
И наступила в мире тьма –
как будто интереснейший роман
так и не смог я дочитать
в тот вечер...

Так хочу умереть

**Я умереть хотел бы –
от любви.
Прошу, услышь молитву эту, Боже:
пусть, как ребенок,
в миг последний мой
улыбка обежит мое лицо
и губы тронет мне ручонкой...
Боже,
пускай я рассмеюсь на смертном ложе!..**

**Во всем я узнавал черты Твои.
И вот прошу –
Тебе оно по силам –
уговори любовь, приблизь ко мне.
Как некогда случилось с Ибрагимом¹,
занёсшим нож
над милым существом –
любовь восстанет над небытием!**

**Я умереть хотел бы –
от любви.
В душе бушуют смешанные чувства,
в ней радость вечно с горем сплетена.
Пусть горько плачут знавшие меня –
я к ним лицо с улыбкой обращаю...
Такой кончины,
Боже, я ищу!..**

---

¹ Пророк Ибрагим (в христианской традиции – Авраам) готов был принести в жертву Господу собственного сына, но Бог не принял этой жертвы, вовремя остановив его.

ГЮЛЬШЕН ТОФИГГЫЗЫ

РАССКАЗЫ

Выбор

Сара-ханым вышла из дома, осторожно прикрыв за собой дверь. На ключ запереть не стала. На тот случай, если бабушке понадобится помощь соседей: что ни говори, а девяносто восемь лет – это вам не пахлава миндальная. Сара, хоть и бранила старушку за частое упоминание о смерти, но и сама понимала, что ее жизненный ресурс практически исчерпан. Сара старалась проводить с ней как можно больше времени. Думая о том дне, когда бабушки не станет (даже мысленно Сара не могла сказать «умрет»), она с трудом сдерживала слезы. Старушка слишком много для неё значила. Бабушка не могла пользоваться сотовым телефоном, поэтому Сара и не запирала дверь, уходя из дому. Если задерживалась на работе или у учеников, просила соседку приглядывать за ней. Уже у ворот Сара-ханым почувствовала вибрацию мобильного. Это была Айсель, одна из ее студенток. С двумя своими сокурсниками Айсель готовилась к участию в очередном шоу-конкурсе. Несмотря на все возражения Сары, девушке удалось сломить ее упорство и уговорить принять участие в подготовке всех троих к конкурсу. Чего греха таить – тут и возможность заработка сыграла свою роль. Но самое главное – личная симпатия к трем неразлучным юным очаровашкам. С одним из ребят, Закиром, Айсель была помолвлена. Не за горами и свадьба, ее решили сыграть в середине августа.

– Сара Алиевна, здравствуйте, – услышался в сотовом голос Айсель. – Можно перенести сегодняшнее занятие на вторую половину дня? Или на завтра?

– Можно. А что произошло? – обеспокоено спросила Сара. Ее ученики чаще просили о дополнительных уроках, чем о переносе.

– Ничего особенного. Хотели с мамой съездить на ярмарку. У нее не всегда есть время.

– Ясно, к свадьбе готовимся, – засмеялась Сара. Её радовали счастливые хлопоты молодых. – Хорошо, что ты сейчас позвонила. А то я уже выходила из дому.

– А хотите с нами, Сара Алиевна?

– Нет, спасибо. Займусь своим хозяйством. Удачных вам покупок, – Сара опустила мобильник в сумку и посмотрела на часы. Было десять. Сара мысленно корректировала дневной план. Она решила не откладывать на субботу «поход» на почту, чтоб оплатить счета за телефонные переговоры и электричество. После зайдет все-таки на работу забрать забытый вчера в кабинете купленный для бабушки фланелевый халатик. А на обратном пути заглянет на рынок. Зато субботу, освобожденную от базара и почты, можно будет посвятить «ревизии» шкафов и антресолей, а в воскресенье навестить родителей. «Может быть, и до поликлиники доберусь наконец», – думала Сара-ханым. В последнее время участились боли в правом боку. Надо сделать УЗИ. И кардиограмму сделать не помешает. Она давно обещает себе зайти в поликлинику «в эту субботу». Вот и подвернулся удобный случай сдержать обещание. От почты до консерватории решила пройти пешком. Почему бы и нет? Сейчас только одиннадцать, времени на посещение поликлиники и рынка предостаточно. А денек выдался такой свежий! Не жарко, не прохладно – в самый раз прогуляться по умытым ночным ливнем улицам. Через пару часов от этой свежести не останется и следа, стада автомобилей, сбивающихся в нервно фырчащие пробки, осушат асфальт резиной колес и сметут на нет все усилия апрельского дождя. К удивлению Сары, ключа от кабинета в кабинке охранника не оказалось.

– Ваши студенты опередили вас, – приветливо улыбнулся мужчина в униформе.
– Они сказали, что вы вот-вот подойдете. Та девушка, Айсель, и парнишка с ней.

– Закир? – Сара была озадачена. Не знала, что и думать. Ответ охранника еще более спутал ее мысли.

– Нет, другой. Забыл, как его зовут. Они все время вместе ходят, втроем.

– А-а, Эмин, – Сара достала из сумки сотовый, начала набирать номер Айсель, но передумала и снова убрала телефон в сумочку. Она решила, что поездка Айсель на ярмарку не состоялась, и ребята просто пришли позаниматься сами, без нее. Такое случилось. Но зачем было обманывать охранника, ссылаясь на Сару? Врушка маленькая! Дети, одно слово. Что с них взять? Не сегодня-завтра семьями обзаведутся, а все равно дети.

Дверь в кабинет была не заперта. Сара-ханым вошла и... остолбенела: Эмин, друг Айсель и ее жениха, нависал над изнывающей от страсти похотливой девицей. Джинсы на нем были приспущены, ремень расстегнут, одной рукой он сжимал колено девушки, другой сдавил ей плечо, прижимая к стене. Даже почувствовав, что их кто-то обнаружил, они не находили в себе сил остановиться или хотя бы оглянуться. Сара-ханым захлопнула дверь, не входя в комнату. Она стояла за дверью, словно опустошенная, униженная, оплеванная... Женщина была бледна, на лбу выступила испарина. Сама удивлялась, как устояла на ногах. Сердце стучало уже не в груди, а в горле, давило изнутри на барабанные перепонки. Через минуту дверь распахнулась. Перед Сарой стояла игриво-смущенная Айсель, совершенно невинно, по-детски хлопая пушистыми ресницами.

– Простите, Сара Алиевна, я не думала, что вы придете, – притворно-стыдливо пролепетала она. Но, моментально сориентировавшись и поняв, что преподаватель на грани обморока, абсолютно спокойно и цинично добавила: – У вас такое выражение лица, будто увидели стриптизера-инопланетянина.

– Шлюха, лицемерка, дрянь! А ты предатель и подонок! – хотела крикнуть Сара-ханым, но горло словно сдавило. Одними губами она едва слышно произнесла: – Уходите отсюда, немедленно уходите!

– Уходим, уходим, успокойтесь, – кривя губки, маленькая нахалка подняла с пола пакет с фланелевым халатиком, упавший со стола, на котором только что украшала лентами и колокольчиками рога своего жениха. Она бросила пакет на крышку пианино и потянула за собой раскрасневшегося юношу. – Подумаешь! Что тут такого? Можно подумать, конец света настал!

– Скоро настанет... – прошептала Сара.

– Тем более!

– До свидания, Сара Алиевна, извините, – скороговоркой распрощался лучший друг жениха и, как ни в чем не бывало, чмокнул любимую учительницу в щеку.

Хлопнула дверь. Сара опустилась на стул. Ей хотелось плакать. Она ведь их так любила! Всех троих... Но как же теперь заниматься с ними? Делать вид, что ничего не произошло и быть соучастником маленьких поганцев? Отказаться от занятий? Но чем объяснить отказ Закиру? Саре казалось, что пол под ногами ходит ходунгом. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота.

– Какой цинизм! Так убедительно врала, даже предлагала съездить с ней на ярмарку... – мысль о том, что подобное происходило тут не однажды, вызывала чувство брезгливости и стыда. – Бедный Закир, бедная его мама. Она так радуется успехам сына. Собирается отдать молодым свою квартиру и перебраться жить к сестре после их свадьбы. Теперь, выходит, я покрываю эту маленькую мерзавку. Хорошее положение, ничего не скажешь... Надо поговорить с ее матерью! Пусть образумит дочь, пока не поздно. Она женщина интеллигентная. Очень приятная женщина. В кого эта лицемерка? Да что там! – поганый гриб и без земли вырастет. Нет, не смогу... Что же делать?..

Сара уложила в сумку пакет со злосчастливым халатиком (не зайди она за ним, жила бы в счастливом неведении!), открыла на несколько мгновений окно, словно желая изгнать из комнаты дух коварства и блуда. Голова просто раскалывалась. Поскорей бы до дома добраться!

О рынке уже и речи быть не может. Сара брела на автобусную остановку, еле волооча отяжелевшие ноги. Утреннее желание «сделать» оздоровительную пешую прогулку пропало вместе с хорошим настроением. Она села в полупустой автобус, не особенно приглядевшись к номеру, и спохватилась лишь тогда, когда он свернул на другую улицу. Сара не стала суетиться, махнула рукой и решила развеять душевное смятение, прокатившись по городским улицам.

– Давненько же я тут не бывала! – изумилась Сара, когда автобус вдруг нырнул в ярко освещенный туннель. Видела по «Новостям» открытие новых городских трасс, но в действительности все было более впечатляющим. Как много перемен! Будто в другой город попала. Да-а, похоже, сегодня у неё день открытий.

Две женщины, сидевшие позади Сары и очень эмоционально, хотя и вполголоса, обсуждавшие родоплеменные отношения своих дагестанских кунаков, отвлекли ее от созерцания стремительно меняющихся облик улиц. Эта парочка поначалу раздражала ее. Но прислушавшись к беседе женщин, Сара чуть было не рассмеялась. То, что пожилые лезгинки (судя по всему, дело обстоит именно так) считали скандальной ситуацией, человеку со стороны показалось бы обыкновенным анекдотом.

– Ловко обвела меня вокруг пальца дочь лудильщика Магомедали!

– Уж не того ли, из села Казмача?

– Того самого. Откуда, спрашивается, у Магомедали Амбуча, который и спал в бараньей папахе, потому что в сакле гвоздя не было, чтоб ее на ночь повесить, деньги на «Порше» или «Бумер»?

– Раньше надо было себе этот вопрос задать.

– Так ведь святыми клятвами клялась, что отец купил белый «Порше» и черный «Бумер». И отдаст их в приданое внучкам! Могилами предков клялась! Душами детей клялась! Как не поверить?! Сосватали мы с кумой ее носатых выхухолей своим сыновьям.

– Что за твари такие «хухоли»?

– Выхухоли. Крысы водяные. То ли кроты. Мерзкие с виду. Носы длинные. По телевизору недавно показывали. Да не в них дело! Вот, говорю, как провела меня Хасият! Жаба казмачинская!

– Обманул, что ли, старик?

– Про белый «Порше» и черный «Бумер» не обманул. Только оказалось, так ослов его звали! Белого – Порше. А черного – Бумер.

– Ах, старый пройдоха! Удивляюсь тебе – ты же умная женщина! Какое у казмачинки может быть приданое? Мешок капусты разве что.

– Вот и я говорю: без ворожбы не обошлось!

Слушая женщин, Сара с трудом сдерживала себя, чтоб не рассмеяться. Пассажирка автобуса, которая опростоволосилась, погнавшись за богатым приданым, не могла смириться с тем, что стала жертвой собственного корыстолюбия. Куда проще списать все на колдуйбабство. Впрочем, Саре удалось на какое-то время отвлечься от пережитого потрясения, и она была благодарна своим попутчицам. Ситуация не нова: кто-то наказан за излишнюю доверчивость, кто-то за жадность. Может быть, не стоит принимать все так близко к сердцу? Черное и белое в этой жизни так тесно переплетаются, что часто затрудняешься дать происходящему верную оценку. Должно пройти время. Когда возмущенные «жюльничеством» родственников горянки покинули автобус, Сара даже заскучала. В их «архиве» наверняка имелось множество подтверждений ушлости старого казмачинца, так ловко и без особых усилий пристроившего своих непривлекательных внуков.

День ватрушки

Зeya не верила своим глазам: за ночь сугробов намело по окнам первых этажей! И это те самые «временами осадки в виде снега», которые обещал на сегодня «прогноз погоды»? Никто и не рассчитывал на майское утро 31 января, но такой метели и в самые холодные зимы давненько не бывало.

– Дети расстроятся, – думала Зeya, вынимая из холодильника молоко и яйца, чтобы успеть замесить сдобу до того, как дети проснутся. Сегодня они планировали поход в кино и обед в кафешке около кинотеатра. Сосиски там вкусные, в «кишочках». Хорошая кафешка, из разных концов города сюда приходят посетители. Чисто, уютно, вкусно и сытно. Хозяйин умница, марку держит. Зeya вздохнула, представив, как огорчатся дети из-за перемены планов на воскресный день.

В последний год прогулки вчетвером стали редкими. Приходилось подрабатывать дополнительно. Родители деток, больных ДЦП, в один голос говорят: у Зейнаб-ханым рука легкая. Опытная и ответственная массажистка, она не может отказать даже самым безнадежным своим пациентам.

Каждый раз, провожая их взглядом, полным сочувствия и ласки, она благодарит Бога за то, что сия чаша минула ее собственных детей. Что может быть ценнее для матери, чем их здоровье и благополучие! Любую усталость и уныние как рукой снимает, когда видишь своих здоровеньких деток, сосредоточенно собирающих конструктор или улыбающихся во сне. Вчера, проверяя дневник старшего сына, Зeya заметила затертую двойку. Сделала вид, что не заметила. Вспомнила мальчика, его ровесника, которого привозят в диспансер несчастные родители, готовые целовать ей руки после каждого сеанса массажа. Сколько двоек и шалостей простили бы они своему сыночку, случись чудо выздоровления!

Да, жаль, очень жаль, что поход в кино сегодня отменяется...

Зeya замесила тесто, накрыла миску полотенцем, поставила на огонь чайник и бесшумно вышла из кухни. Время раннее, спят еще ее котятка.

Тихонечко, чтоб не разбудить детей скрипом, приоткрыла дверь в комнату, заглянула и удивилась: старшие прильнули к окну, не давая возможности трехлетнему братишке протиснуться к подоконнику. Он пытался дотянуться до подоконника то с одной стороны, то с другой, то стараясь растолкать старших – безуспешно! Но более всего удивила Зeyю тишина, сопровождающая эту сцену.

Обычно пробуждение по выходным было шумным и веселым.

– Доброе утро, киски мои! – Зeya взяла на руки малыша, чтоб и ему стало видно происходящее за окном, занесенный снегом двор и сорванные ветром качели.

– Какое же оно доброе? – уныло ответил старший сын. – Все планы наперекосяк...

– И даже во дворе не погулять, – вторила ему 10-летняя дочка, почёсывая плечо. – Накрылось снежочком кино, сосиски метель унесла...

– Стучатся снежинки в окно, а мама пирог испекла, – продолжила рифму Зейнаб. У нее это всегда хорошо получалось. Дети засмеялись, обняли маму. – А что нам метель, мы назло ей такой пир закатим!

– Вчетвером?..

– Пока вчетвером, – хитро улыбнулась Зeya. У нее неожиданно родилась такая интересная затея, что стоило попробовать. – Разрешаю сегодня весь день не снимать пижам, не убирать постелей, не повторять домашнего задания! Будем до вечера смотреть на метель, рассказывать разные истории и придумывать традиции.

– Как это? – поинтересовался старший сын.

– Скоро узнаешь, – Зейнаб ушла на кухню, оставив детей наблюдать за шалостями снежной королевы, беспощадно выдувающей все воскресные планы на про-

гулки и встречи. Через час Зейнаб вошла в комнату к детям с большим блюдом, на котором сверкали золотистыми кольцами горячие ватрушки. Она поставила блюдо на подоконник.

– Разрешаю сегодня и зубы не чистить! Налетай, братцы! Отныне 31 января объявляется праздничным днем, Днем ватрушки. Мы будем отмечать его каждый год вместе с вами, вашими детьми и внуками. Независимо от погоды и настроения. Будем собираться вместе, есть ватрушки и болтать всякую всячину.

– Красный день календаря?

– Прекрасный день календаря! – утвердительно кивнула Зейнаб.

До позднего вечера затевали разные игры, смотрели и обсуждали воскресные передачи по телеку, сочиняли дурацкие стишки, подбирая рифмы к случайным словам. А по мере поглощения невероятно вкусных ватрушек в духовке подрумянивалась новая партия. Дети были в восторге. Зее удалось-таки скрасить огорчение от несостоявшегося похода в кино. Более того – родилась прекрасная и, как показало время, устойчивая семейная традиция – отмечать 31 января День ватрушки.

***

Пока Зейнаб-ханым хлопотала в кухне, замешивая сдобу, поджаривая мясо и нарезаая овощи для салатиков, ножи и ложки то и дело падали из рук. Ясное дело – к гостям! Сейчас, когда семья разрослась невестками, зятем, внуками, День ватрушки обрел особую ценность. Новый год, Новруз, 8 марта, дни рождения – все это замечательно. Но такие праздники есть у всех. А День Ватрушки, рожденный искренней любовью, душевным теплом, благословенным уютом домашнего очага есть только у них.

Сегодня он особенный: ровно 30 лет назад возник он, вроде, как сам по себе, но с годами стал своего рода семейной скрепой. Ни метели, ни снега, как тогда, 30 лет назад, нет. Наоборот, не по-январски тепло, +17! Все придут обязательно. Разве что старшего внука не будет за столом, заваленным всякой вкуснятиной и стоящим в центре огромным блюдом с горой тающих во рту ватрушек. Старший внук – любимец всей семьи, студент-медик. Он далеко сейчас, в Праге.

Хлопоча у плиты, Зейнаб улыбалась своим мыслям. Она знала, что младшие внуки обязательно подарят ей свои рисунки с изображением ватрушек и родственников. А невестки сначала выпендриваются по поводу своих диет, но позже и с собой по дюжине унесут. Зейнаб-ханым предусмотрительно подготовила пакеты и контейнеры. Затренькавший телефон прервал ее мысли. Звонила младшая невестка.

– Здравствуйте, Зейнаб-ханым. Представляю, какие ароматы заполняют вашу кухню. Но у нас Туська приболела. Ничего серьезного, надеюсь. Кашляет с вечера. Вы не волнуйтесь, похоже, обычная простуда.

– Температура есть? – забеспокоилась Зейнаб.

– Невысокая, 37,2. Буду вашей солодкой отпаивать.

– Это правильно. Варенье кизилковое есть у вас?

– Закончилось. Я водителя пришлю вечером за гостинцами. Не возражаете? Заодно и кизилковое варенье передадите. Насчет булочек и сказать боюсь. Попрошу парочку, пришлете сотню. Вы не огорчайтесь, зайдем, как только Туська поправиться.

Зейнаб-ханым отложила телефон в сторону, подняла с пола упавшую ложечку, пожалала плечами – ничего не поделаешь. Выкладывая на противень ватрушки, она попыталась испривить пением подпорченное настроение и приглушить тревогу за приболевшую внучку. Тесто не любит «грустных» рук, чего доброго, не удастся.

Но через пару часов позвонила дочка и сообщила, что отсутствующие соседи сверху заливают нижние этажи, и аварийная служба безуспешно пытается устранить причину бедствия. Дочь говорила отрывисто, со слезами в голосе. Зейнаб-ханым поняла, что дело худо, попыталась успокоить дочку.

– Ты возьми себя в руки, коврики убери, сушить негде будет.

– Если б только коврики! – задыхалась от негодования дочка. – Они спальню умудрились затопить, все подушки мокрые. Мы платяной шкаф едва успели пленкой покрыть. Я побежала, мам, извини, не до ватрушек.

Зейнаб-ханым медленно вытирала руки полотенцем, глядя на подмигивающий сотовый, затем неспеша ответила. Звонил старший сын. Что-то подсказывало ей, что и у них случился некий форс-мажор.

– Боюсь тебя огорчить... – начал было сын, но мать перебила его.

– Не бойся, огорчай, сынок. Твои брат и сестра опередили тебя, – она рассказала, отчего те не придут. – Причины более, чем уважительные, но все равно грустно. А у тебя что?

– Нас Октай попросил присутствовать, – упавшим голосом ответил сын. – Дочку его сватать придут. Волнуется, испереживался весь. Ноги, говорит, едва держат. Я, говорит, ей до сих пор в день рождения кукол дарил. А она, оказывается, уже выросла... Очень просил нас с Тamarой быть в качестве группы поддержки. Но если ты так огорчилась, то мы не пойдем. Постараемся им как-то объяснить...

– Не надо, идите. Тут дело серьезное. Представляю, какой у Октая душевный паркинсон.

– Мы завтра после работы обязательно зайдем! – оживился сын. – Ты наш пай не отдавай никому. Целую, золотая ты наша!

Зейнаб-ханым налила себе чаю, положила на поднос розетки с вареньем, теплую ватрушку и понесла в комнату, к другу-телевизору. Она, конечно, все понимала и причины отсутствия детей в тридцатый День ватрушки вполне себе оправдывала. Но все же унять огорчение было сложно.

– Жаль, – говорила Зейнаб сама с собой, сидя в кресле перед телевизором и надкусывая ватрушку. – Вкусно. В этот раз особенно вкусно получилось. И творожок такой нежный.

Сердце Зейнаб радостно забилось, когда из Праги позвонил старший внук.

– Привет, бабушка Зейнабушка! Представляю, как все соберутся сегодня и облопаются твоими вкусняшками. Завидую вам! Но и твой внук не так прост. Знаешь, что я сейчас делаю? Ватрушки пеку! Я друзьям рассказал про нашу семейную традицию. Они просто в восторге. День ватрушки – это, говорят, вызов оборзевшему от бездушия человечеству. Нашел в интернете рецепт, пеку вот, надеюсь, получится. Хотя как у тебя – вред ли.

– Получится, родной мой, обязательно получится! – Зейнаб прослезилась. – Даже лучше получится. Спасибо, душа моя. Принимай эстафету, дорогой!

День как день...

– Ты что... ты спятила... а-а-а, больно! – почти по-детски всхлипывал грозный муж, более десяти лет в одностороннем порядке еженедельно лупцевавший безропотную супругу. Неужели он действительно плачет от боли? Вот так дела! Всего-то разок приложилась женушка допотопной мясорубкой до мужнего плеча, он и замахнуть толком не успел. Может, и не собирался бить ее – просто хотел муху отогнать от ее лица. Что, уж и муху нельзя смахнуть с ее щеки?

– Больно тебе, изверг? Больно?! – кричала в ответ мятежная женщина, размазывая мясорубкой, как булавой, и теряя голос от ярости. – А мне не больно десять лет терпеть твое рукоприкладство? Только и ласки, что тумачи! Только и украшения, что синяки! Все. Кончилось мое терпение! Тронь еще раз – так двину, что неделю собственными зубами срать будешь!

Бунт смиренных и терпеливых – явление не новое. Будь то событие историческое или внутрисемейное. И хотя итог второго менее драматичен и обществу карди-

нальными переменами и потрясениями не грозит, он не менее зрелищен и поучителен в локальном масштабе. Жильцы тесного дворика с интересом вслушивались в происходящее, предусмотрительно не высовываясь в окна: пусть бранятся (а хоть и дерутся!), не стесняясь посторонних глаз, дело житейское. Мясорубкой огрела мужа? И поделом. А соседи при встрече будут улыбаться, здороваться и делать вид, что их не было дома и они ничего не слышали. Тетя Эльмира, разбуженная соседской семейной баталией, спустив ноги с кровати, нащупывала ступнями тапочки. Старушка мелкими шажочками добралась до приоткрытого оконца, но тут же отпрянула, встретившись взглядом с Мадатом, соседом напротив. Он тоже, не желая смущать старую женщину в ночной сорочке, задвинул занавеску, подцепив кольцо поварешкой, которой предварительно захлопнул форточку. После ею же почесал спину. Затем все тем же многофункциональным предметом зачерпнул и попробовал только что сваренный любимый компот из сухофруктов, подвесил поварешку на ручку входной двери и растворился в полумраке комнаты – алюминиевый черпачок предупредительно ударит по двери, если кто-то решит войти без стука. Соседи так и прозвали его: «Чемча Мадат» (азерб. *чемча* – поварешка). Шутили, что он может своей третьей рукой и галстук завязывать. Соседа, побитого мясорубкой, Мадат недолюбливал. Его бы воля, добавил бы тому по башке поварешкой.

– Кажется, тут. Да-да, – двое мужчин в сине-малиновой униформе стали вносить во двор новую входную дверь. Третий давал распоряжения. – Квартира восемнадцатая. Неужели ошиблись? Нет, все правильно, восемнадцатая... Мы тут ставили двери. Совсем недавно. Месяца три назад, если не ошибаюсь.

Представитель фирмы не ошибался, дверь восемнадцатой квартиры заменяли полгода назад. Совсем свежая, ни царапины. Мужчина был заинтригован, но вопросов хозяйке восемнадцатой квартиры задавать не стал. В конце концов, желания клиентов не обсуждаются. И выгода налицо: чем чаще у граждан станет возникать желание заменять двери, тем наваристей будут, как говорится, щи. Добросовестный работник фирмы не знал одного – в восемнадцатой квартире дверь заменяется в пятый раз за последние три года. И этому имеется серьезная с точки зрения хозяйки, Фиры, причина. Дело в том, что три года назад умер дед ее покойного мужа, и на поминках какая-то чрезмерно подверженная фобиям деревенская родственница посоветовала ей заменить входную дверь, дабы запутать духа покойного и посланников Азраила, если те пожалуют за другими членами семейства. Фира-ханым так отчаянно уверовала в оригинальную примету, что, похоронив вслед за дедом его сына, то есть своего свекра, затем свекровь, мужа и его сына от первого брака, скормившего собственную печень «зеленому змию», каждый раз после сороковин заменяла входную дверь. Но самое удивительное и еще больше напугавшее Фиру случилось тогда, когда один из жильцов соседнего двора, заменивший красивой полированной дверью Фиры свою старую и скрипучую, вскоре помер. После этого «фирменные» двери восемнадцатой квартиры аккуратно складывались в дальнем углу двора и на всякий случай завешивались разным хламовым тряпьем. Если бы представитель «Дверей в рай», как называлась фирма, знал об этом – не реклама, а дар божий!

– Э-э-э, Фира, – качала головой тетя Эльмира, глядя на рабочих из-за чуть сдвинутой занавески. – Совсем помешалась на своих дверях. Все меняет и меняет. Кого обмануть хочет? Судьбу? Азраил адреса не перепутает. От него за новой дверью не спрячешься. Деньги зря изводит. Ну, переkrась, облицовку смени на худой конец. Столько добра пропадает. И денег. Глупая женщина, глупая. Ох, и глупая!

Будто соглашаясь с ней, проносимая мимо крыльца бордово-коричневая дверь сверкнула золотистой, изогнутой в иронической полуулыбке ручкой. В отличие от сложенных в дальнем углу предшественниц, ее некому будет заменять, в восемнадцатой квартире, кроме самой Фиры, жильцов не осталось. Вошла соседка Махур. Обычно она входила бесшумно, стараясь не потревожить старушку, если та вдруг

спит или дремлет перед телевизором. По распухшим глазам и покрасневшему носу было видно, что день начался для нее неважнецки.

– Вы уже встали, тетя Эльмира? – Махур положила на столик пакет со свежим хлебом. – Вот, хлеб принесла. Завтракали уже? Задержалась я, извините. С утра бегаю по адвокатским конторам. Кругом грабители!

– Что стряслось-то? – изумленно смотрела на Махур тетя Эльмира. Все соседи с недавних пор только и говорили о наследстве, которое нежданно-негаданно нарисовалось «из-за бугра». Кто радовался, кто завидовал, кто дивился: у Махур родственник одинокий скончался в Италии, двоюродный брат деда, которого считали пропавшим без вести в Отечественную войну. А он, как недавно выяснилось, из немецкого плена сбежал, в Триесте попартизанил да и осел после на «Итальянском сапоге». Побоялся на родину вернуться. Теперь вот нашелся, но помер вскоре. Однако успел сообщить Махур, что имущество свое (то ли дом с садом, то ли домишко с огородом) ей отписал. Радовалась как! От волнения неделю места себе не находила, есть и спать перестала. Что же такое произошло, что ее так расстроило?

– Ты плакала, что ли? – участливо спросила тетя Эльмира и снова вздрогнула, напуганная буквально брызнувшими из глаз Махур слезами. Она вмиг забыла побитого женой соседа и глупую Фиру, пытающуюся водить смерть за нос. – С наследством, что ли, ошибка?

– Какая ошибка? Это я, дура, одна сплошная ошибка! Какое наследство? Камень на мою голову! Что делать, что делать! С утра бегаю по адвокатам. Все в один голос говорят, что не надо было сразу бумагу о вступлении в права наследования подписывать. Откуда же мне знать? Как теперь из этой трясины выкарабкиваться, как?!

– Не пойму я тебя. Говори толком. Воскрес, что ли, итальянский дед?

– Не дурак же он, чтоб воскресать! Этот макаронник долгов оставил после себя вдвое больше, чем вся его помидорная фазенда стоит! Вынь да положь, Махур, сто тысяч евро! – женщина схватила со стола стакан с водой, которой тетя Эльмира собиралась запивать лекарство, выпила залпом, закрыла глаза и замолкла на несколько секунд. – Вот они, дары данайцев! Вот они, последствия халявы!

– Ты себя в руки возьми, Махур, – старалась успокоить женщину тетя Эльмира. – Наверняка какой-то выход есть. Остуди голову и адвокатам особо не доверяй. Они своего не упустят, чтоб на чужой беде рук не согреть. Начнут тебя пугать-запугивать, деньги вытягивать. На-ка, накапай себе валерьянки.

– Мне сейчас валерьянка – что мертвому припарки...Пойду я, тетя Эльмира. Мне адресочек один дали. Цепляюсь за любую соломинку... Какой-то кризисный центр. Или антикризисный. Женщинам, говорят, советами помогают. Авось, дадут дельный совет.

Старая женщина устало опустилась на стул и потянулась к стаканчику с валерьянкой, которую только что предлагала Махур. Веселенько день начался, ничего не скажешь! Тетя Эльмира глянула на телевизор, призывно рдеющий кнопкой включения, и отрицательно покачала головой: Нет, не будет усугублять своего волнения тем, что хлынет из его квадратного кратера!

Не грусти, хозяйка!

Легкий ветерок приподнял короткую занавесочку, влетая в прихожую, прошелся по краю скатерти, перебрав бахрому, и сбросил на пол открытку, на которой румяный Дед Мороз поздравлял лесных зверюшек с Новым, 1958 годом. Хева-ханым подняла с пола поблекшую, пожелтевшую по краям новогоднюю открытку. События полувековой давности вызвали грустную улыбку. Зайчонок, Бельчонок, Дед Мороз с кучей подарков, сказочные часы с застывшим в фантастической идиллии временем... Коробка с фотоальбомами, школьными тетрадками и «табелями», грамотами «за ак-

тивное участие в общественной жизни школы», поощрениями пионерского и комсомольского активиста и прочими напоминаниями о безжалостно превращенном в исторический хлам времени пылилась в стенном шкафу более двадцати лет. С тех пор, как Хеве пришлось забрать тетю Эльмиру и перебраться в ее крошечную квартиру в старом дворе, никак руки не доходили провести «ревизию» среди кучи коробок, ящиков и жестянок, заполняющих антресольную полку. Сейчас вот дошли наконец. Но, извлекая из коробок старые фотоснимки и дневники, а вместе с ними и воспоминания, Хева-ханым так и не решилась вынести их на мусорку. Обрывки детства и юности смотрели на нее глазами дошколят с утренняя в детском саду, гордых отличников в первом ряду на фото, рядом с классным руководителем, счастливых выпускников-десятиклассников, встречающих рассвет на Приморском бульваре. На дне коробки лежала жестянка с проржавевшими краями. Внутри что-то гремело. Хеве с трудом удалось открыть склеенную годами крышку. Она стала вынимать и складывать на столе содержимое жестянки: белую матерчатую сумку с красным крестом (очень важный атрибут классной санитарки), пионерский галстук с обгрызанными кончиками, сатиновая пилотка с номером звена, связка разошедшихся химических карандашей, отделанная деревом губная гармошка, от которой исходил едва уловимый запах папиного одеколона и табака. Хева поднесла гармошку к губам. Послышался просевший от ржавчины хриплый звук.

Хева включила электрический чайник и достала чашку из шкафа. Ее внимание привлек шум во дворе. Она посмотрела в окно. Трое соседских ребятишек, окружив нечто темное, спорили. Один из мальчиков пнул предмет ногой. Темный комочек пискнул.

– Не бей его! – закричала пятилетняя Зарифа и вцепилась в брата. – Он же маленький!

Хева-ханым вышла на крыльцо и увидела черного котенка, дрожащего от голода и страха.

– Что здесь происходит? Почему вы деретесь? – строго спросила она.

– Они котенка обижают! – со слезами в голосе ответила Зарифа. – Я скажу маме, она ему задаст. Разве можно котят обижать?

– Откуда он взялся?

– Сам пришел, – брат Зарифы стукнул девочку кулаком по спине. – Кто его обижает? Мы хотели его прогнать. Черные коты приносят несчастье.

– Кто тебе это сказал? Когда я была маленькой, как вы, у меня тоже был черный кот. И жили мы счастливо. Давайте его сюда! – Хева подняла дрожащего котенка, внимательно осмотрела его и занесла в дом.

Дети недоуменно переглядывались:

– Столько котят побывало в их дворе, но тетя Хева ни разу ни одного из них в дом не заносила. А этого – черного! – сразу взяла, ни с того, ни с сего.

Готовый к худшему котенок не сопротивлялся. Хева мыла его водой из-под крана и намыливала хозяйственным мылом. Обессиленный, он даже не пискнул. И сразу же уснул, просушенный мягким полотенцем и уложенный на подстилку из старого мохерового шарфика.

– Смотри, тетя Эльмира, какой красавец! – через час Хева внесла в комнату пушистого черного котенка, слизывающего остатки молока с мордочки. – Никого не напоминает?

– Хорошенький, – тетя Эльмира улыбнулась. Хева передала ей котенка.

– Оставить?

– Да-да, детка. Назовем его Мика.

– Конечно, Мика, – согласилась Хева. Она подумала, что далекое прошлое с самого утра странным образом напоминает о себе. Словно дитя, дергающее за подол, желая обратить на себя внимание. – Во двор не выпускай пока. Пусть к дому привы-

кает. Хватит с него подоконника. Я куплю ему завтра антиблошиный ошейник и корзину.

– И «виски-миски» купи.

– Не надо. Рано еще. Пусть молоко пьет.

– Твоя бабушка так же вот принесла домой черного котенка. Выхаживала его.

Помнишь Мику?

– Как не помнить! Сосиски за меня доедал. Умный был.

– Ольга тоже говорила, что у него лицо мудреца. Помнишь Ольгу Панкратовну?

– Очень смутно. У нее муж был безногий, кажется.

– Да, Гриша. Хорошие были люди, земля пухом. Когда они Мику забрали, у меня гора с плеч упала. Теперь у нас снова Мика есть, чернушечка, – старушка гладила кота, больше доставляя удовольствие себе, чем ему. – Ты вырасти его, а когда в новый дом переедешь, с собой возьми. Не отдавай никому. Ладно?

– Что за напутствия? Далеко собралась?

– Сама знаешь...

– Тетя Эльмира, – Хева старалась подавить раздражение. Ей не хотелось думать о том, что неизбежно, – ты только что говорила, что очень любишь меня. Это правда?

– Конечно, детка. Еще как правда!

– Так вот, если правда, не затевай больше при мне таких разговоров. Я не хочу, чтобы ты умирала!

– Но...

– Никаких «но»! Договорились?

– Договорились...

***

Угольно-чёрный Мика с интересом разглядывал парочку горлиц, запорхнувших на балкон безрассудно близко от распахнутого окна. Но им повезло – кот вполне осознавал реальные шансы десятилетнего толстяка на удачную охоту. Ему было просто любопытно, как долго эти безмозглые крыломашки намерены испытывать судьбу, находясь в поле зрения притворно-безразличной вороны с дерева напротив. Однако громкий голос хозяйки спугнул птиц, и они улетели.

– Ты что удумал? Птиц ловить? – строго выговаривала Хева своему любимцу, предусмотрительно закрывая окно. – Куда тебе, свалишься, не дай бог. Пойдём, я тебе телевизор включу.

Кот лениво потянулся, спрыгнул с подоконника, благодарно потёрся об ногу хозяйки и уселся на излюбленное местечко уютного дивана в предвкушении обещанного телевизора. Зря хозяйка волнуется, не разбудили в нём глупые птицы охотничьего инстинкта. Но забота о нём приятна, кот её ценит и всеми силами старается продлить свой короткий кошачий век, чтоб не огорчать женщину. Она и без того грустит, никак не привыкнет к переменам последних пяти месяцев. За очень приличную компенсацию она купила прекрасную просторную двушку на пятом этаже новой высотки. Их старый двор и несколько других прилегающих дворов снесли. Сейчас там всю работу делают дорожные строители, превращая узенькие старые улочки в новый проспект и парковую полосу. Хозяйка по старому дому скучает. А Мике, наоборот, новый дом нравится всё больше. Спокойней стало из-за отсутствия постоянно забредающих во двор котов-чужаков. Да и вообще, благодать тут! Но ничего, скоро и хозяйке грустить некогда будет – внучка к ней приедет, в университет собирается поступать, жить станет с бабушкой и Микушкой, как она его называет. И жизнь побежит по новому кругу.

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ СОЧИНЕНИЙ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Одним из важных вопросов в изучении Низами Гянджеви является проблема относительно языка его сочинений. В связи с этим А.Крымский писал: *«Когда затем речь переходит уже к Низами, позволительно поспорить только против чрезмерного увлечения в истолковании «тюркизма» Низами, возразить против стремления читать в исторических указаниях много больше, чем буквально говорит их текст (однако и этот вопрос также требует некоторые уточнения). Из свидетельства Лютфали-бека Азера о том, что огромный диван лирических стихотворений Низами затерялся, нельзя сделать уверенного заключения, что Низами не отказывался от своего национального народного языка, так как среди исчезнувших стихов могли, дескать, быть писанные на азербайджанском языке»*. А.Крымский здесь ссылается на «Антологию азербайджанской поэзии» (М.: Гослитиздат, 1939. под ред. В.А. Луговского и Самеда Вургуня.). И действительно, в «Антологии» читаем: *«Лютфали-бек Азер в «Атешгаде» передаёт старинное предание об утерянных произведениях великого азербайджанского поэта: «Говорят, – читаем в «Атешгаде», – что у Низами, кроме его «Хамсэ» («Пятерицы») было до двадцати тысяч бейтов, касидэ, газелл (правописание слов в «Антологии...» сохранено – **Н.Т.**), кыте и рубаи, которые были утеряны. Ряд других авторов, в том числе и Шамседдин Сами, также указывает на эти утерянные двадцать тысяч бейтов»*. А.Крымский с таким утверждением не соглашается.

Заметим, что всякого рода небылицы вокруг предполагаемых тюркских – азербайджанских стихов Низами продолжают создаваться и в наши дни. Не так давно выходящая в Тегеране газета «Этталаат» сенсационно возвестила на весь Иран о найденном в Реште рукописном сборнике тюркских стихов Низами. Однако обследование списка тюркских стихов показало, что мы имеем дело с очередной фальшивкой. Все же редакция бакинской литературной газеты «Адабият ве индженесет» (от 8 марта 1969 г.), не проконсультировавшись со специалистами, поместила эту «сенсацию» на первой странице.

В то же время в «Антологии...» Крымскому импонирует такая формулировка неопровержимой мысли, что, несмотря на персидский язык своих произведений, Низами всецело остаётся поэтом своего родного Азербайджана и что историю развития азербайджанской литературы надо начинать не с того момента, когда азербайджанцы стали писать по-тюркски, а с более ранних литературных явлений, привлекая сюда и Низами, и других местных авторов, хотя они писали на «фарси», равно как надо привлекать и более старых, ещё арабоязычных авторов.

Кроме этого в «Антологии...» обращается внимание на то, что в произведениях Низами раскрываются живые страницы истории. Фантастика, сказочные вымыслы переплетаются у него с подлинными картинами жизни и быта азербайджанского народа. Все описанное в поэмах Низами как исторически, так и географически связано с азербайджанским миром. Нам кажется, удостоверившись в этом, ни в коей мере нет смысла еще раз доказывать право азербайджанского народа считать творчество Низами продуктом азербайджанской действительности.

В «Антологии...» коснулись и того вопроса, почему одну из лучших своих поэм «Лейли и Меджнун» Низами намеревался писать не на фарси, а на азербайджанском (тюркском) языке. В начале своей поэмы Низами объясняет причину создания «Лейли

и Меджнуна». И отмечает, как его желанию помешало появление посланца шаха с письмом, где правитель требовал от поэта создания новой поэмы, поставив условием – писать её только на фарсидском языке.

«О, мой верный раб, – писал шах в своём послании поэту, – о Низами, волшебник мира слов. Дуновением утреннего ветерка покажи свои чары, своё волшебство слов. Выяви всё, что можешь, в чудесном искусстве речи. Я хочу, чтобы ты воспел в словах, как жемчуг, любовь Меджнуна. Если можешь, и ты скажи несколько девственных слов, чистых, как невинность Лейли, чтобы я прочёл и подтвердил их сладость и, кивая головой, указал бы на них, как на корону... Укрась ты невесту юную фарсидскими и арабскими украшениями. Ты знаешь, я смыслю в речи, я различаю новые от старых бейтов, но знай, что если жемчуг, нанизанный тобой на нить с кольца дум, будет носить образы тюркские, это для нас не годится, ибо тюркообразность недостойна нас. Для лиц, стоящих высоко, достойна высокая речь».

От этого послания все надежды Низами обрушились. «Волнение охватило мое сердце и мое сознание. У меня не было сил отвергнуть это слово, и не было у меня также глаз, чтобы найти путь к сокровищнице. Огорчение охватило меня. Не было у меня друга, чтобы поведать о тайне своей, рассказать эту повесть».

А.Крымский в то же время полагает, что эту ясную историческую мысль (*он называет её аксиомой – Н.Т.*) ни к чему было омрачать выпадами против «реакционно-традиционного причисления Низами буржуазными востоковедами к иранской литературе. Упрекая «буржуазных востоковедов» в «реакционности», придётся называть реакционной и всю иранскую нацию, которая никогда ведь не откажется от Низами, писавшего на её языке и давшего огромный толчок развитию иранской литературы».

Далее А.Крымский пишет: *«Надо твердо сознать и признать: азербайджанец Низами, конечно, есть родной азербайджанский поэт, которым Азербайджан может по праву гордиться, но он же есть гордость и украшение также иранской литературы, которая ни в коем случае не может исключить его из своих рядов, ... несмотря на его «азербайджанизм» и «тюркообразность».*

А что касается того, что Низами свои произведения писал не на азербайджанском, а на персидском, для этого А.Крымский приводит пример из русской литературы относительно языка произведений Н.В.Гоголя, который был украинцем. Н.В.Гоголь любил свою Украину, и её природу, и её людей, и её народное творчество. В то же время при пользовании русским языком широко брал сюжеты из украинской жизни, свои произведения пересыпал украинизмами.

Когда речь заходит о средневековых азербайджанских писателях, оппоненты возражают, что они писали свои произведения не на тюркском, а на арабском и персидском языках. Однако оппоненты не принимают во внимание то обстоятельство, что до исламизации Азербайджана арабы распространили мусульманскую религию по всей Персии, как в близлежащих географических регионах, так и на огромном пространстве. После принятия ислама на этих территориях образовалось единое религиозно-культурно-эстетическое пространство, куда входили Азербайджан, Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, Средняя Азия, Казахстан, Татарстан, Башкортостан. Сперва арабский, а затем персидский языки стали доминировать на этих территориях, стали языками поэзии, а в дальнейшем персидский язык вытеснил арабский.

Можно сказать, что почти то же самое происходило в Российской империи. Если с конца XVIII – начала XIX в. французский язык и особенности французской культуры преобладали в высших слоях общества, то постепенно доминирующими здесь стали немецкий язык и элементы немецкой культуры. Поэтому при чтении произведений многих русских писателей, таких, как А.Пушкин, М.Лермонтов, В.Жуковский, К.Батюшков, И.Гончаров, И.Тургенев и многие другие, мы видим обилие использованных на этих языках слов, выражений и фраз.

Необходимо заметить, что тюркские писатели еще в средние века возражали против такой гегемонии персидского языка. Так, например, узбекский писатель и мыслитель Алишер Навои в фундаментальной работе «Мухакамат-уль-лугатейн» («Суждение о двух языках»), написанной в 1499 году, за два года до смерти, сравнивал выразительные возможности языка «тюрки» перед персидским. Навои удалось тогда показать огромные возможности, богатство и разнообразие, тонкость и поэтичность выражений в тюркском языке, который, наряду с поэзией, может служить необходимым средством выражения любой научно-художественной мысли. Однако средневековые каноны и традиции на протяжении многих веков не нарушались. В то же время, начиная с XIII в., язык «тюрки» (азербайджанский) постепенно стал языком классической литературы. В XIV в. в Азербайджане началось активное создание двуязычных словарей. Были составлены персидско-тюркский и арабско-тюркский словари. Словарь Гиндушаха Нахчивани прославился не только в Азербайджане, но и в других регионах и государствах. В XIII в. Алим ибн Муханна составил словарь азербайджанского языка. Поэт (Гул)Али написал на родном языке своё сочинение «Гиссейи-Юсиф». Начали распространяться первые классические образцы стихотворений Иззаддина Гасаноглу (конец XIII в. – начало XIV в.), Зульфикара Ширвани, Кази Бурханедина (конец XV – начало XVI в.), Шах Исмаила Хатаи (конец XV – I половина XVI в.), несколько позднее Мохаммеда Физули и мн. др., писавших свои произведения на «тюрки», т.е. на азербайджанском языке. Необходимо подчеркнуть и то, что в условиях средневекового Востока писать на тюркском языке, когда, вне всякого сомнения, доминировали арабский и персидский языки, было нелегко. Да и самим поэтам тоже это было невыгодно.

Кто такой Низами, какому этносу он принадлежит, поэт сам объясняет в текстах своих поэм, ответ на все эти вопросы даёт своими сочинениями. Вот как поэт говорит о тюрках: «Хвала тебе, о Тюрк! Ты семь планет возглавил», или «Тюрки с древности управляли Кавказом», или «Азербайджан – это тюркская земля», «Тюрки верят в Единого Тенгри», «Тюрки – красивый народ». «Города тюркские прославлены красивыми женщинами и мужчинами», «Хатайская тюрчанка».

Низами влюблён в нравственную культуру тюрков. Сочиняя свои произведения на персидском, в то же время объектом своего изображения он делает не персидскую действительность, а тюркскую. Поэт на всё смотрит глазами тюрка. Поэтому, отталкиваясь от языка произведений, считать Низами нетюркским поэтом не имеет под собой сколько-нибудь веских оснований. Здесь следует принимать во внимание и то обстоятельство, что азербайджанские поэты до Низами, в основном, сочиняли стихи на арабском языке (Муса Шахават, Исмаил ибн Яссар, Абубакр Ахмед Бардиджи, Абусаид Ахмед Бардаи, Абулгасан Бахманияр ал-Азербайджани, Эйналгузат Миянаджи, Хатиб Тебризи и другие). В эпоху Низами (Гатран Табризи, Хагани Ширвани, Мехсети Гянджеви, Фелеки Ширвани, Муджираддин Бейлакани и др.), после него (С.Ширвани, М.Шабустари, М.Авхади, А.Ардебили, А.Табризи, К.Бурханеддин, Ф.Наими, И.Насими, М.Дж.Хакики, Н.Кишвери, Хабиби, Ш.И.Хатаи, М.Физули и др.) писали свои сочинения на персидском языке. Как сообщают многочисленные средневековые источники, фарси на протяжении длительного исторического этапа для народов, принявших ислам, был языком изящности, культуры, поэзии. Низами, как и другие тюркские поэты, будучи в этом географическом и языковом пространстве, писал свои произведения на фарси.

В истории мировой литературы можно найти много подобных примеров.

Так, армянские ашуги Саят Нова и Етим Эмин подавляющую часть своих ашугских стихов исполняли и писали на азербайджанском языке. Однако никто не берёт под сомнение то, что Саят Нова и Етим Эмин не представители армянской культуры.

Или в Африке в португалоговорящих странах поэты и писатели создавали свои произведения на португальском, во французоговорящих странах – на французском.

Или в Индии и Пакистане во многих штатах на протяжении более чем 200 лет господствовали Британская империя и английский язык.

Сегодня довольно хорошо известна индийская английская литература, также называемая индийским письмом на английском языке, представляющая совокупность произведений индийских писателей, которые пишут на английском языке, и чей родной язык может быть одним из многочисленных языков Индии. Её часто называют индоанглийской литературой. На протяжении более чем двух веков индийская литература создавалась на английском языке. Авторы, пишущие свои произведения на английском, все больше завоёвывали и поныне завоёвывают признание не только в Индии, но и далеко за её пределами, ещё начиная с колониального времени. Нам известны имена таких индийских прозаиков, как Салман Рушди, Амитав Гхosh, Рохинтон Мистри, Аравинд Адига, Викрам Сетх и другие авторы, создававшие свои лучшие шедевры на английском языке. Это случилось в результате длительного взаимодействия английского языка с хинди и другими региональными языками, что впоследствии получило название «индийский английский». Он имеет определённые отличия от британского английского языка, касающиеся главным образом фонетики и лексики. Или же обратим внимание на пакистанскую англоязычную литературу, которая в годы британского колониального правления развивалась в этой стране. Пакистанский английский язык сегодня составляет важную и неотъемлемую ветвь пакистанской литературы. Поэт и педагог, доктор Аламгир Хашми даже ввёл в оборот термин «пакистанская литература на английском языке». В мировой литературе широко известны образцы поэзии на английском языке, созданные такими яркими творцами пакистанского происхождения, как Шахид Сухраварди, Ахмед Али, Аламгир Хашми, Тауфик Рафат, Дауд Камал, Маки Курейши, Зулфикар Гхosh и многие другие.

Писатель может говорить на иностранных языках, но свои произведения, как показывает история литературы, создаёт на одном языке, родном или на каком-то другом, для его души благоприятном. В средние века на Востоке это было обыденным явлением.

И хотя для Европы это не совсем обыденное явление, в то же время и здесь можно найти подобные примеры. Так, например, такие писатели, как Дж.Конрад, Д.Джойс, С.Беккет, В.Набоков, П.Целан, А.Кристоф и др., получившие всемирную и европейскую известность, свои произведения также писали не на родном языке. Почему так происходит? Некоторые учёные называют это явление билингвизмом, что представляет исключительный интерес не только с точки зрения лингвистики, но и с других позиций – философии, психологии, этнопсихологии, социологии и даже физиологии.

М.Хайдеггер так выражается о языке: «Язык есть дом бытия».

В связи с этим возникает вопрос: может ли человек (*т.е. писатель – Н.Т.*) чувствовать себя в чужом «доме» совершенно свободно, «как у себя дома». На такой вопрос Хайдеггер отвечает: «Диалог между домами оказывается почти невозможным».

Однако мы не совсем согласны с таким утверждением. В нашем случае язык произведений Низами этому яркое доказательство. Заметим, что у Низами язык не просто средство для взаимопонимания, но и подлинный мир. Низами с большим воодушевлением вошёл в этот «великий и могучий» дом и мир, овладел всем его богатством, *т.е.* не только понял, но и прочувствовал значение и смысл, нередко скрытый, десятков и даже сотен тысяч слов, пословиц, поговорок, легенд, мифов, преданий, былей, рассказов.

Учеными было установлено, что в результате межкультурных контактов формируется четыре индивидуальных типа: 1) «перебежчик» (отказ от собственной культуры ради чужой), 2) «шовинист» (противоположный вариант), 3) «маргинал» (колебание между двумя культурами), 4) «посредник», синтезирующий две культуры, являясь их связующим звеном. Низами выступал именно посредником между двумя

– азербайджанской (тюркской) и персидской – культурами.

В наши дни одной из состоявшихся работ, проливающих свет на некоторые вопросы языка произведений Низами, является диссертация доктора философии по филологии Мирфиридуна Сейидрустам оглу Риязи, защищённая в Азербайджане в 2017 году. Весомость этой работы, в первую очередь, в том, что здесь темой является «Низами Гянджеви в современном иранском литературоведении».

Важной стороной этого исследования является то, что её автор – гражданин Ирана, свободно работающий с первоисточниками. Привлекая в своё исследование изыскания целой плеяды иранских литературоведов, изучавших отдельные вопросы низамиведения, и анализируя их критические работы, Мирфиридун Риязи приходит к выводу о том, что, несмотря на то, что Низами писал свои произведения на фарси, однако манера и стиль письма произведений, язык и стилистика, использованные им фразы, слова и словосочетания, выражения и т.д. однозначно доказывают, что, будучи персоязычным, Низами является поэтом тюркским. При этом автор ссылается на монографический труд Шафака Резазаде «История литературы» («Tarixə ədəbiyyat»), где отмечается следующее: «Низами Гянджеви привнёс в персидский язык совершенно новый стиль, что называется азербайджанским стилем».

Крупный иранский учёный Мохаммед Моин в своей статье «Кто такой Низами?» пишет: «Среди пяти крупных поэтов, создающих свои произведения на фарси, начиная с X в., с точки зрения уровня после Фирдоуси, Сади, Мовлеви и Хафиза, Низами занимает высокую позицию».

На протяжении длительного времени учёные Ирана, принимая во внимание то обстоятельство, что поэт писал свои сочинения на фарси, называли его персидским автором. Они говорили о том, что он родился не в Гяндже, а в иранском городе Кум.

Как подчеркивает Мирфиридун Риязи, в современном иранском литературоведении учёными окончательно установлено, что несмотря на то, что язык Низами персидский, но сам он тюрк и родом из Гянджи. Эти исследователи, как правило, в своих работах имя Низами называют «Низами Гянджеви», т.е. «Низами из Гянджи».

Проведя скрупулёзные исследования, на основе разработок иранских литературоведов М. Риязи доказал, что Низами является персоязычным тюркским поэтом.

Свои суждения относительно того, что Низами персоязычный тюркский поэт автор проводит в трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных главах своей диссертации таких, как «Основные направления нового периода в низамиведении» (где представлены разделы из истории исследования низамиведения, жизнь и среда Низами Гянджеви в современных иранских исследованиях, иранские исследователи о творчестве Низами Гянджеви), «Проблема Низами в иранских исследованиях» (где имеются спорные вопросы, связанные с Низами Гянджеви в иранских исследованиях, критическое отношение к иранским исследователям, оценка проблемы Низами мировых и азербайджанских низамиведов), «Хамсе» в иранских исследованиях», включающая в себя искания иранских учёных относительно пяти поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендернаме» Низами Гянджеви.

Нам кажется, что данное исследование может считаться одной из наиболее важных разработок относительно споров и разногласий как о принадлежности Низами к азербайджанской литературе, так и для решения некоторых важных проблем по идейно-художественной сути «Хамсе».

В работе М.Риязи привлекает внимание тот факт, что автор достаточно компетентно останавливается и на многих просчётах иранских учёных, в числе которых утверждение, что он выходец из Кума. В данном случае М.Риязи принимает во внимание весьма солидное мнение Вахида Дастгерди, писавшего: «Такое утверждение в подавляющем большинстве случаев опровергается как иранскими, так и зарубежными низамиведами».

Одной из важных страниц исследования М.Риязи, посвящённого Низами, является то, что здесь обращается внимание как на отдельные вопросы относительно жизни и творчества Низами Гянджеви, так и на другие моменты. Действительно, в этой части достаточно много разночтений.

Как мы отмечали, в исследованиях иранских литературоведов ведутся споры относительно родины, имени, года рождения и смерти, трудностях языка, разночтений при изучении рукописей и т.д. Мирфиридун Риязи считает, что перечисление всей совокупности этих спорных проблем, могло бы послужить созданию целой книги.

Исходя из этого, нам представляется необходимым продолжать тему.

Так, например, относительно места рождения Низами исследователь Зерринкуб пишет: «Низами родился в Арране, в очаге Гянджа, отнесение и принадлежность его Гохестанскому региону в Куме – это фальсификация тезкиреистов». Почти аналогичную мысль высказывает Мохаммед Моин в книге «Исследование «Семи красавиц». А Баркат Зенджани, опираясь на три бейта, представленные в «Лейли и Меджнуне», отца Низами называет Юсифом, деда – Зеки, дядю – Хаджи Омаром, а мать происходящей из курдского племени «Раисе». Однако эта мысль напрочь опровергается Вахидом Дастгерди. А Саид Нафиси считает, что употреблённое имя Раисе в поэме «Лейли и Меджнун» не есть имя матери Низами.

Споры и уточнения вокруг имени Низами продолжаются и в работах иранского литературоведа Бахруза Сарватиана, где он указывает на то, что Низами в «Лейли и Меджнуне» в начале каждого абзаца себя называет Увейсом, а свою религию – исламом. Однако до сих пор определено неизвестно, было ли у него два имени.

С какого бы ракурса мы не подходили к изучению творчества Низами, во все времена одним из актуальных вопросов являлась проблема принадлежности Низами азербайджанской или персидской литературе. Если в XVIII – XIX а также до 30-ых годов XX в. иранские, западно-европейские, армянские и им подобные исследователи литературы называли Низами персидским поэтом, в то же время такие крупные учёные, как Ю.Марр, М.Рафили, Г.Араслы, А.Султанлы, А.Крымский, Е.Бертельс, Х.Юсифли, А.Агаев и мн. другие однозначно установили, что Низами – великий азербайджанский поэт, живший в Гяндже и писавший свои произведения на персидском языке. В этом можно убедиться, ссылаясь на мысли лучшего советского ираниста, большого знатока творчества Низами Ю.Н.Марра, который со всей определённой связывает Низами с Кавказом и в первую очередь с Азербайджаном. Ю.Н.Марр писал: «...Низами является своим для Кавказа, в частности, для той этнической группировки, которая до последнего времени сохраняла персидскую традицию в своей литературе, т.е. для Азербайджана, где гянджинский поэт всё-таки более в почёте, чем в Персии».

Если даже и нет других мнений, исходя из этой однозначной оценки, Низами следует считать родным поэтом для азербайджанского народа. Поэтому полагаем, что инсинуации относительно непринадлежности Низами азербайджанской поэзии не имеют под собой каких-либо веских оснований. В то же время утверждаем, что творчество Низами Гянджеви положило начало развитию культурно-литературных, нравственно-этических и философско-эстетических связей двух – азербайджанской и персидской – культур. Заслуга Низами ещё и в том, что он способствовал взаимному обмену идеями и общению азербайджанской и персидской литературной общественности.

Поэтический цикл «Самаркандский диван» Фариды Гусейна – обладающего своеобразным стилем и талантом молодого представителя современного азербайджанского свободного стиха – интересен с нескольких точек зрения: в нашу эпоху, когда мало, а то и вовсе не пишутся поэмы, длинные стихи и поэтические циклы, Фарид Гусейн своим циклом «Самаркандский диван», прежде всего, возрождает традицию. В то же время, в поэтическом произведении, переносно названном автором «диван», он стилизует метафоры и сравнения, характерные для классической восточной и общетюркской поэзии, а некоторые из них предлагает в новом толковании, инаково. И тем самым старается оправдать название цикла – «диван».

«Самаркандский диван» – монолог поэта, прогуливающегося по памятным местам «Восточного Рима» и делящегося по ходу своими личными, общественными, философскими мыслями и чувствами, размышлениями о вечности, бренности и мимолетности. Этот монолог удачно переплетается с историей города Самарканда и порой создает у читателя впечатление историко-поэтического эссе. «Самаркандский диван» ценен и как современная и яркая страница в литературных взаимоотношениях между Азербайджаном и Узбекистаном.

Я поздравляю автора и желаю этому интересному поэтическому произведению долгих, как у истинных диванов, лет жизни.

АНАР

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Время и Пространство – главные герои этой поэмы талантливого азербайджанского поэта Фариды Гусейна. И если Пространство поэмы однозначно – Самарканд, то Время представлено тут сразу в трех своих ипостасях: прошлое, настоящее и неизбежное будущее («бренность», «прах» и «смерть», открывающие и закрывающие текст). В жанровом отношении читатель имеет дело с травелогом, закрепленным в русскоязычной поэзии «путевыми стихами» Бродского («Колыбельная Трескового мыса», «Темза в Челси», «Римские элегии», «Сан-Пьетро», «Пьяцца Маттеи», «На виа Джулия», «На виа Фунари», «Пристань Фагердала», «Декабрь во Флоренции», «Мексиканский дивертисмент»), а в поэзии азербайджанской впервые осознанно представленным оригинальным творчеством замечательного переводчика Бродского на азербайджанский язык поэта Салима Бабуллаоглу. В числе предшественников Фариды Гусейна, уже обращавшихся к узбекскому топусу, стоит особо подчеркнуть имя Сигизмунда Кржижановского с его «Записками странника» (1933) – *узбекскими импрессиями*. В одном из писем Кржижановского того времени и того места можно прочесть следующие замечания: «Я уже пятый день в Самарканде. Очень любопытно. Первый день я метался, стараясь сразу охватить всё, а затем понял, что лучше не форсировать неизвестное и брать его постепенно». В поэме Фариды Гусейна мы сталкиваемся именно с таким бережным и чутким приближением к неизвестному. И это бережное отношение к неизвестному лежит в основе всей настоящей поэзии. В отличие от аналитической прозы (если уж пользоваться неизбежными бинарными оппозициями), стремящейся во что бы то ни стало выявить X, сделать неизвестное известным, мудрая поэзия понимает, что приближение бесконечно и потому позволяет вещам, населяющим Пространство, событиям, населяющим Время, пребывать такими, какие они есть – поэт берет на себя роль свидетеля. Беря на себя роль свидетеля, Фарид Гусейн отстаивает удел человеческий перед рекой времени, которая *«в своем стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей»* (Державин).

Сопротивляться этому бурному потоку Фариду Гусейну помогает сама атмосфера, сам воздух Самарканда – Восточного Рима. Как писала А. Ахматова в записных книжках: «Кто видел Рим, тому больше нечего видеть». И, перефразировав последние строки «Римских элегий» главного из «ахматовских сирот» Иосифа Бродского, мы можем уверенно сказать: Поэт был в Самарканде; Был залит светом; И этого света ему хватит на всю длину потемок.

Ниджат МАМЕДОВ

ФАРИД ГУСЕЙН

САМАРКАНДСКИЙ «ДИВАН»

(Поэтический цикл)

Посвящается чувству бренности...

*Представь ту пору, взглядишь попристальней в нее,
Собрание всё то же, и место – то же место.*

*Звучит там: ступай ты твердо, спокойно слезы проливай,
Мы стали прахом, и ты есть прах живой.*

Хагани Ширвани, «Развалины Медаина»

**Сейчас я дышу в городе,
Пропахшем историей,
Живущем в окружении теней,
Городе, где утонули в шуме
Перезвон клинков и копыт,
Дышу воздухом, пропитанным стоном.
Как ни крути, в один из прекрасных дней
Судьба склоняет наше чело на грудь¹,
И человек в доме сердца своего
Не отходит от исповеди – вот так он
Поклоняется покаянию и душе.**

**Истории не привыкать жить безмолвно,
Нам не привыкать
Внимать звукам удалившихся шагов:
В кровавых дворцах,
Незаживающих ранах.
Смотрю на мир
Не различающим взглядом,
Так как многое не таково,
Как нам рассказывают...**

**Изучаю историю сына человеческого:
Настает время и человек,
Уйдя из-под пристальных взглядов,
Жаждет ощутить свою насыщенность,
Вот тогда он бежит от постов,
От дарованного имени,
Будущего,
Рая,
Отныне он не боится быть
Прикованным к скалам с пустыми руками.**

**Смотрю на имена на стене,
На крепости, обмазанные**

¹ В Восточной литературе этот символ больше применяется к бутону и используется в переносном смысле (здесь и далее: прим. авт.)

**Глиной вперемешку с золотом, –
На жажду человека
Запечатлеться в бессмертии
Во что бы то ни стало,
На жажду прожить долго,
На жажду бренности о вечном,
К воротам людей, которых забудут,
Пристают руки
От стертых людских следов.**

**О, Каллиграф,
Ни сульсем¹,
Ни насталигом²,
Ни куфи³
Не пиши мое имя на коже,
Я зарыл свое имя повсюду,
Где буду предан забвению.
Увидят, если глянут внимательно:
С каждой таблички могут прочесть мое имя
Те, кто меня не простил.**

**Теперь во дворцах, украшенных золотом,
Совесьь века нынешнего пьянеет
От сладости колыбельных прошлых веков.
О, Каллиграф, не переписывай
Песни прошлого –
Может, лишь преданное забвению
Проживает свою истинную судьбу.**

**Настает день, когда
Людей, которых по праздникам
Ты обходил дом за домом,
Обходишь могилу за могилой,
О, Каллиграф, ты не сможешь ни «нарисовать»,
Ни написать
Сульсем,
Куфи,
Насталигом
Стрелку, указывающую путь
От люльки до могилы.**

**По мере того, как больше брожу по миру,
Всё больше вижу –
Сильнее стыжусь опыта на лице истории.
Понимаю, что человек своей мощью,
Мечом**

¹ Сульс – одна из разновидностей классической каллиграфии, применяемая в арабском языке, создана в Х веке знаменитым арабским каллиграфом Абу Али Мухаммедом ибн Мугля.

² Почерк насталиг создан в конце XIV века в результате синтеза почерков насх и талиг и впоследствии стал одним из видов художественного письма арабского алфавита. Насталиг создан знаменитым каллиграфом Мир Али Табризи.

³ Древний почерк куфи появился в VII веке. Арабская графика была создана Имамом Али на основе древнейшего почерка куфи. Первые экземпляры Корана были написаны именно этим почерком.

И так называемой победой
Поит уксусом справедливость своего сердца.

История днем и ночью
Скребет рану на лице прошлого,
Царства, гордящиеся
Морями крови,
Холмами из отрубленных голов,
Живут, точно пятна
На рубахе карты,
Которую надевает история.

История изнывает от скуки,
Я вижу это по правителям,
Которых она плодит,
По судьбам, которыми
Она вертит, точно безумец
Своей головой.

Оказывается, ложь и правда,
Быль и небыль – сиамские близнецы:
Когда умирает один, не выживает и другой.
Потому каждая эпоха
Поливает наши пустыни сердец,
Дома,
Дворы,
Треснувшую могилу судьбы,
Руины жизни
Своею ложью, каждое время – своею правдой.

Я стою там, где
Еле дышит душа,
Падает тень на лица,
Рыдают руки,
Переполняется чаша терпения.
Мгновения, которые я сейчас проживаю,
Даже краем глаза не глядят на причины,
Темный лик времени
Умер в глазах нетопыря,
Удача сегодняшнего дня
Ушла восвояси в будущем нашем.

Пирамиды, воздвигнутые из человеческих голов,
Поделенные гаремы,
Дворцы с именем Аллаха на стенах,
Правитель, говоривший «Пусть те, кто не верит в наши силы,
Поверит в то, что мы воздвигли»¹,
Спи спокойно в своей могиле,
Отбери там, где находишься,
У будущего
Волю времени – предавать забвению.

---

¹ Эта мысль принадлежит Эмиру Теймуру.

Теперь словесная эквилибристика поэтов,
Цепи сомнения ученых,
Небесный алфавит звездочетов,
Соловьи похвалы придворных
Набились в необъятное блюдо
На оборотной стороне
Зеркала истории, –
Приютились в неприютности
Судного дня.
Миражи побед,
Выстроенные как бусинки на нитке,
Выкатились из рук судьи времени,
Люди совершают паломничество к могилам
Правителя, праведника, ученого
И падают ниц в поклоне бренности.

Смотрю на эту немую могилу –
На этот безмолвный, черный камень¹.
Пусть вечное небо принесет мне свидетельство
На языке дождя, под которым он² мок,
Солнца, которое его жгло,
Тумана, в котором он пропадал,
Скажите: ты пришел на земли,
Пустыни,
Дворцы, над которыми мы царили,
Скажите: дворцы из красного кирпича,
Мечи, покрытые сусальным золотом,
Яркие шелка –
Заалевшая от смущения щека
Истины, стоящей
Перед этими черными камнями,
Скажите: эта немая могила –
Указательный палец
Поперек губ героизма.

Смерть прячет, точно пчела, свое жало
Наш последний шаг
В одном из дней, полном жизни.
Жизнь приютила наши дни
На родине бренности.

Как вода, остужающая страсть,
История убивает победы
На грубом лице жизни.
И внуки поражения
Рождаются, один чуднее другого.

Однажды в нашей жизни рождается потеря,
Чтобы встряхнуть нас,
Порастрясти,
Чтоб напомнить:

¹ Гробница Эмира Теймура, погребенного в самаркандском мавзолее «Гюр-Эмир».
² Имеется в виду Эмир Теймур.

**Есть нежданные вами смерти¹,
Непривычная боль,
Страдания, которых вы еще не вкусили.
Время, увидев горе и неудачу в обнимку,
Увидев в обнимку мечты и недостижимое,
Закрывает перед человеком свои двери
Со скрежетом городских ворот,
И в сердце мира настает тишина,
Схожая с безмолвием Шахи-зинде².**

**Оглядываюсь на небеса,
Что учат любви к недостижимому,
На звезды, что могу разглядеть,
На безграничную ширь,
Как молчалива,
Как безмолвна,
Как стойка
Эта громада свидетельства.
Люди, изучившие по единственной ошибке³
Путешествие звезд,
Любовь вышины,
Дни года,
Те, кто впитали в кельях науку⁴,
Сшитые вами рубахи назиданий
Малы смельчакам невежества,
Люди сейчас не находят времени посмотреть на небо –
Больше никто не учится у неба молчанию.**

**Покуда за дверьми, где склоняются головы⁵,
Не будут сидеть люди, негибающие шею другим,
Никогда не выпрямятся согбенные станы,
Не будут слышны прерванные голоса...
Слова в сердце поэта ждут судного дня,
Слова, которые мы не смогли высказать,
Слова, которые мы задушили в люльке,
Слова, которые мы промолчали,**

¹Теймур, вся жизнь которого прошла в сражениях и который воспринимал смерть как обыденное явление, был ошеломлен смертью Джahanгира – своего первого ребенка, и не мог примириться с этой потерей.

²Шахи-зинде – один из основных архитектурных комплексов в Самарканде. Здесь находятся многочисленные гробницы, где погребены члены рода Теймура, а также святые личности. Это место считается также кладбищем.

³В этой строке имеется в виду обсерватория и мавзолей Улугбека, деятельность тамошних людей науки. Улугбек (Султан Аль ауддөвлеУлуг бек Гюркан, Тургай Мирза) возглавлял династию тимуридов с 1447-го года, построил медресе и обсерваторию, годы его правления занимают важнейшее место в истории науки и искусства средних веков как эпоха стремительного развития науки.

⁴Постройка келий внутри зданий характерный для суфийской философии и нравственности архитектурный стиль. В Самарканде в большинстве построек есть кельи. Кельи символизируют размышление о смерти, понятие «умирания до наступления смерти», брэнность, мимолетность, сиюминутность. В то же время подобные кельи пропагандируют возможность жизни в тесноте, в небольшом пространстве, нестяжательство.

⁵В трех медресе – медресе Улугбека (XVвек), медресе Шир-Дор (XVIIвек) и медресе Тилла-Кары (XVIIвек) – на знаменитой площади «Регистан» («песочная площадь; страна песка») в Самарканде двери низкие. Этот строительный стиль внушает мысль о том, что при входе в дверь науки, познания надо склонять голову, быть скромным и почтительным.

**Однажды эти малютки
Поднимутся из люлек,
Разорвут свои узы
И обовьют ими нам шею,
И потащат нас вдоль всей нашей лживой жизни.**

**В темнице времени
Цепями интриг
Скованы наши ноги, руки,
Наши бессчетные, словно песчинки, грехи
Иссушили моря мечтаний
И приучили нас к пустыням.**

**Ни раздумьями,
Ни рассуждениями,
Ни оттачиванием ума
Не найти смысла жизни,
Цели этого мира,
Точно живую воду.
И не утешить в этой жизни,
Напоминающей тимурские шахматы¹,
Свою совесть,
Чьи не заживают раны,
Чья боль не проходит.**

**Мы чудные полководцы,
Живущие под пятой звезд,
Под затрещинами солнца:
Вроде, сражаемся,
Проливаем кровь,
Пишем историю,
Считаем себя героями,
А на самом деле, мы – повар,
Готовящий отраву своему времени,
Неудавшиеся художники,
Красящие даты в красное и черное.**

**Прошлое отдает отзвуком
Воды, капающей в переполненную чашу,
Вчерашний день зарекся жить
И стариться днем сегодняшним,
Он ушел в затворничество – в келью истории.
А будущее, не зная предков своих, ожидает дня,
Когда отсчет поведется с него,
Вкус непрожитых дней кажется сладким ему...**

**О город², ты – как женщина,
Не устающая наводить красоту,
Не жалеющая румян, сурьмы,**

---

¹Эмир Теймур любил играть в шахматы на большой доске. Он добавил к уже имеющимся фигурам двух верблюдов, двух жирафов, двух стражей, двух мантилей, визирей и еще несколько фигур, в результате чего игра и ходы значительно усложнились. Эта очень трудная, сложная, требующая острого ума игра называется «Тимурскими шахматами».

²Имеется в виду город Самарканд.

**Ты призывала прошлое к греху¹,
Надела лучшие краденые платья,
А теперь созвала всех глядеть на себя,
Хочешь, чтоб все своими глазами
Увидели, как красота обратилась в камень,
Увидели немоту чуда,
Конец кокетства,
Хочешь, чтоб всё больше лиц
Отражалось в зеркалах бренности.**

**Мир – «гостиница» Ханегях²,
Украшает наш стол
Лучшими блюдами,
Сладостями,
Тут и парвардасы³, и нахаби⁴, и тахиби⁵.
Вкус свадебного наны⁶ у нас на устах,
Устиляет нам место
Мягчайшими матрацами,
Легчайшими подушками,
А затем делает побратимом с такими страданиями,
Оставляет в нужде в таких лишениях,
Что всё начинает говорить от имени боли,
И вот так наша память лижет бывшее счастье
С образа женщины, чья впядинка на щеке –
Колодец преданности смеха.**

**Жила бесплодная женщина⁷,
Сердце свое обратившая в чрево,
Она считала себе попутчиком горе свое,
Что отправило на небеса «бари-хэмли»⁸,
Ее ноги заплутали в легендах,
Ее честь обсуждалась народом,
Оказывается, те, кому оказалось мало красоты ее любви,
Сшили ей платье измены⁹,
А время сыграло роль проныры портного,
Подгоняющего по размеру ложь и обман.**

¹ О подстрекательстве красоты, обворожительности, величии Самарканда разные ученые пишут в переносном смысле, что сам город нашептывал на ухо Эмиру Теймуру: «не прекращай сражаться, грабь города и украшай меня награбленным». Будто бы Эмир Теймур днем и ночью сражался и брал трофеи, чтобы украсить Самарканд.

² Это место относится к зданиям, входящим в комплекс медресе Улугбека и представляет собой постройку типа гостиницы, где принимали очень уважаемых личностей.

³ Употребляемые в Самарканде жареные орехоплодные.

⁴ Сладость, в Самарканде с чаем зачастую едят это кондитерское изделие.

⁵ Разновидность халвы, которую готовят в Самарканде.

⁶ Особый хлеб, который пекут в Самарканде. Этот хлеб под названием «той наны» не черствеет даже на протяжении недели. Его украшают рисом, сахарным песком, а его вес больше, чем у обычного хлеба.

⁷ Имеется в виду Биби-ханым. Супруга Эмира Теймура Биби-Ханым не произвела на свет детей, но совершила много добрых дел. Теперь ее гробница считается одним из святых мест Самарканда, семьи, у которых не рождаются дети, совершают к ней паломничество и надеются, что у них будет ребенок.

⁸ Это выражение означает «младенец в чреве». Одно из выражений, использованных в Коране, в суре «Аль-талак» - «Развод».

⁹ Бытует ничем неподтвержденная история о том, что архитектор, строивший мечеть «Биби-ханым», выдвинул условие, чтоб та поцеловала его. Говорят, что архитектор выдвинул такое условие, чтоб сдать здание в срок.

**Эпоха – кладбище Даньял¹,
Справедливость не на каждом шагу,
А в разных местах.
Я спросил у пьющих воду птиц
О том, где живет благодать,
И увидел, что наш удел на небесах.**

**Мир – шумный базар,
Каждый продает то, что купил.
Сийоп² прекрасен, как женщина,
Каждое утро он красится в краски труда,
Днем носит корзины усилий,
А по вечерам наслаждается тем,
Что остался с пустыми руками.**

**Смотрю на дворцы поклонения³,
Чьи стены впитали чтение Корана
И украшены аятами, хадисами,
Узорами наставлений,
Внезапно передо мной проходит женщина,
Женщина, голоса которой мне никогда не услышать,
Удаляется шагом, не причиняющим боль земле,
И в моей памяти расходится шов грехов,
Мой дух мешается с плотью.**

**Поднимаю голову, смотрю на небо,
На мир, который не наш,
Но который есть вместе с нами,
Мои часы спешат к будущему,
И некто, трясуший меня за ворот,
Показывает мне дни, что вороватые годы
Тайком ото всех выкрали из жизни моей.**

**Прошлое смешалось со словами,
Что не вспомнит проказник,
Учивший попугая ругаться.
Город жаждет жить,
Точно старик, любящий молодую девушку⁴,
Грезы остужают боль прошлого,
Первая любовь не забывается⁵,
Первая любовь вечна,
Чувство счастья, живущее в памяти города –
Это храбрость павших в пути коней⁶
Гонцов, несущих весть о победе.**

¹ Могила пророка Даньяла в Самарканде длиной 18 метров. Причина этого в том, что мощи святого закоданы на расстоянии друг от друга.

² «Сийоп» большой, исторический базар в Самарканде. Здесь многое напоминает средние века – трудящиеся, носильщики, торговцы, яства.

³ Имеется в виду мечеть Бибиханым.

⁴ Гарольд Лемб пишет, что «Теймур любил Самарканд как старик молодую девушку».

⁵ Самарканд был «первой любовью» Эмира Теймура, он завоевал первую победу в этом краю, и взял этот город. Самарканд даровал Эмиру Теймуру веру в себя, потому он любил этот город как виновника своих успехов.

⁶ По указу Эмира Теймура гонцы загоняли лошадей до смерти. И только благодаря этому могли в срок донести письма и важные новости. Потому во всей империи на протяжении дорог можно было увидеть трупы лошадей.

**О, Восточный Рим¹,
О, Ева победы, рожденная
Из ребра кровавых сражений,
Ты растеряла всё нажитое
В спешке фаэтонщика,
Дожидающегося своего хозяина,
Ты упала с лыж сокровищ
И сломала то, что никогда тебе не принадлежало...**

**Мир превратили в райский сад,
А затем в сущий ад,
Поседели черные волосы города,
Точно внезапно наставшие тяжкие дни богача,
Утюг, нагретый угольями
От деревянных столбов сожженных домов счастья,
Спрямил складки мощи и в землю вдавил.**

**Не приводите мне примеры из сборников наставлений:
Камышовые перья обмакнули в чернила
Потной лжи тщетных усилий,
Со свистом резчика впитались в стены
Назидания победителей,
В садах, где теряются кони²,
Давно погас свет триумфального факела.**

**На базаре времени
Каждый продает собственную жизнь за сколько умеет,
Жизнь, словно правитель, подстегивающий торговлю³,
Хочет, чтоб на рынке было больше товаров,
И вот так те, кому не наступить на свою тень
Даже проворными шагами,
Вплетают повозку в тенета смерти.**

**У каждого за пазухой письмо,
Гонец скачет, что есть мочи,
Выбивая коней из сил,
Оставляя позади ветер жалости,
Укачивая солнце «песней ночи и дня»,
И оставляет в прошлом от себя
Трупы коней,
Пыльный вихрь,
Усталую жизнь.
Он спешит доставить весть,
Нисколько себя не жалеет,
И в письме, что он передает из рук в руки,
Азраил оповещает его о дне смерти.**

---

¹Самарканд, обычно именуемый «Жемчужиной Востока», порой называют и «Восточным Римом».

²Имеется в виду сад «Тахти-Гереш» в Самарканде. Говорят, что этот сад (парк) в Самарканде был настолько велик, что некто, потеряв там коня, нашел его после 6 месяцев неустанного поиска.

³Эмир Теймур развивал самаркандские рынки. Он, побуждая людей к торговле, приказал заполнить рынки всевозможным товаром. Причиной столь широкого развития торговли являлось то, что город был совершенно безопасен. Историки пишут, что гуляя по Самарканду днем и ночью с мешком золота в руках, никто не причинил бы тебе вреда.

ЗЕМЛЯКИ

КАМРАН ШАХМАРДАН

(Финляндия)

РАССКАЗЫ

Камран Шахмардан не нуждается в представлении, он известный театральный режиссер, талантливый драматург и сценарист. Но, тем не менее, я хочу сказать о нем несколько слов, потому что с Камраном-прозаиком я познакомился впервые, и это было радостное знакомство.

Проза Камрана поэтична и в то же время рациональна, парадоксальна и лирична, порой, как поэзия, интеллектуальна и чувственна, завлекает с первых строк и не отпускает читателя до последней точки, после которой начинается для умного, тонкого читателя великолепное послевкусие, захватывающее продолжение судеб персонажей. Автор словно приглашает читателя поработать вместе с ним... но только после рассказанного им, там, где его фантазия не кончается.

Камран живет в прекрасной стране Финляндии, однако в его прозе есть откровенная ностальгия по жаркому солнцу Абшерона, по горячему, обжигающему ноги дачному песку, по которому в детстве он бегал и, как по-настоящему творческий человек, впитал в себя все краски, запахи, давние воспоминания, окружавшие его с малых лет, и он с особой теплотой и любовью пишет о своей родине, об Азербайджане. В прозе, как и во всем творчестве Камрана, есть главное – живые люди, он умеет создавать живые образы, с которыми интересно общаться, он, как автор, знает главное – все в произведении вертится вокруг человека, героя; если это удалось, значит, удалось и многое другое, значит, твоё творение будет жить долго.

Кстати, о «долго». Уже чувствую, что злоупотребляю вниманием читателя, уже слышу, как он кричит: хватит, покажи товар лицом. И он прав. Хотя многое еще можно было бы сказать о прозе Камрана Шахмардана.

Итак: хорошая, отличная, великолепная, блестящая проза Камрана Шахмардана. Читайте и перечитывайте.

*Натиг Расулзаде
Народный писатель Азербайджана*

Большое сердце

Адам родился с большим сердцем. Да-да, с большим в прямом смысле слова. Оно занимало почти половину его детской груди. Родители, узнав об этой странной аномалии, были в отчаянии – лечению болезнь не поддавалась, и Адаму эта ноша была дана на всю оставшуюся жизнь, а по прогнозам врачей жить ему оставалось недолго. Родители понимали это и старались максимально защитить горячо любимого сына, ограждая его от всех возможных потрясений мира. Адам рос как в раю: в тепличных условиях, под наблюдением врачей, сиделок и бесконечных любящих тушек. Особенность болезни Адама заключалась в том, что сердце его постоянно увеличивалось в размерах при малейшем переживании, впитывая чувства, как губка. Каждая слезинка, каждый эмоциональный вздох или переживание давались Адаму нелегко, так как сердце его всякий раз увеличивалось на долю миллиметра. Поэтому жизнь его протекала в стерильно спокойной атмосфере – люди, окружающие его, носили на лицах дежурные улыбки и – никаких потрясений и детских душевных пере-

живаний! В то время, как остальные «нормальные» сверстники Адама носились сломя голову, орали и играли на улице в футбол, Адам сидел у окна, с ревностью и печалью наблюдая за ними. Мечты и желания Адама были просты: сбежать из рая, туда, где кипит настоящая жизнь. Уже к трем годам у него пробудилось сильное желание слушать музыку. Днями напролет он слушал классиков, в особенности Баха, Моцарта и Вивальди. Но странное дело – музыка, наполняя сердце Адама всевозможными чувствами, не причиняла ему вреда – слушая музыку, Адам, наслаждаясь определенными музыкальными частотами, входил в экстаз, щеки наливались здоровым розовым цветом, а на лице появлялась нежная детская улыбка. Эта улыбка не покидала его даже тогда, когда Адам от умиления плакал. Слезы текли по розовым щекам, и ближе к финалу произведения вся рубашка его была порой насквозь промокшей от слез. Адам выпивал стакан воды и менял свою майку на сухую и свежую, затем выключал свет и в тишине слушал биение и журчание своего сердца. Это было необходимо, потому что музыка и те эмоциональные переживания, которые он испытывал, забирали у него последние силы.

К пяти годам в его сознании сложился некий эмоционально-световой спектр, по которому Адам, слушая музыку, представлял ее себе визуально и различал звуки по свету, цвету и запаху. Да-да, у каждой ноты был свой запах! Такой интерес и глубокое познание музыки, конечно же, не остались без последствий. Адам начал познавать инструмент – пианино.

Клавиши давались ему очень легко, они словно слушались биения его сердца. Инструмент – старый немецкий рояль Schimmel – ему достался еще от прабабушки, на нем давно уже никто не играл. Регулярно, раз в году, с него вытирали пыль в память о бывшей владелице, инструмент настраивали и приводили в порядок. Порой рояль напоминал о себе сам, издавая странный скрежет.

Однажды ночью, укладывая Адама спать, мать поцеловала его в мягкую розовую щеку – так нежно, как целуют только любящие мамы, и, не справившись со своими чувствами, обронила горькую слезу. Адам услышал эту слезу и впустил ее в свое сердце. Сердце его увеличилось, и Адам впал в горячку. «Что я натворила, как я могла! – причитала мать, сидя на кухне, – он все понял о себе!»

Супруг, то и дело подавая ей валерианку и успокаивая себя рюмкой старого коньяка, сдержанно приговаривал: «Это любовь...и с этим ничего не поделать! Может быть ему осталось не так много, но ради любви твоей и душевного покоя я не буду лишать Адама нормальной жизни. Ребенок имеет на это право». Мать заплакала еще сильнее, умоляя пожалеть их единственного сына. На что отец, встав из-за стола, тихо и решительно произнес: «Я уже все решил. Мы не имеем права лишать его детства!»

И уже через месяц ранним утром Адам стоял у порога школы, находящейся неподалеку от их дома в старом районе. В этой школе учились отец и мать мальчика, говорили, что основателем этой школы была прабабушка Адама. Однако об этом уже давно никто не вспоминал, потому что менялись времена, и отношение к их семье тоже менялось.

Перед входом в школу отец пожал Адаму руку и пристально посмотрел ему в глаза. В этом взгляде была уверенность и гордость за выбор сына. Первый раз за многие годы Адам расплылся в счастливой улыбке. В этой улыбке было все!

Войдя в класс, Адам почувствовал на себе пристальный взгляд учащихся и тут же смутился – ему вдруг послышались звуки музыки, исходящей из этих многочисленных глаз. Не то, чтобы он испугался, но он никогда прежде не ощущал такого потока энергии. И это привело его в экстаз. Он закрыл глаза, его щеки зарозовели, и он воскликнул в блаженстве: «Боже!» Ученики, услышав это, засмеялись. Но этот смех привел Адама в еще больший восторг, и он тоже начал громко смеяться над собой.

И вдруг посреди этого гогота Адам заметил ее – Еву. Она сидела за первой партой и с любопытством в больших черных глазах вглядывалась в него. Адам сразу услышал этот взгляд. Вся остальная энергия отошла на второй план. Лицо Адама вытянулось, глаза его округлились, что придало ему еще более нелепый вид. Учительница долго не могла успокоить класс, урок был сорван. Адама усадили позади Евы. Все остальное время Адам неотрывно смотрел на затылок и косички Евы и с удовольствием, самозабвенно, слушал ее музыку. Так и прошел первый школьный день.

Придя домой, он с сияющей улыбкой начал озорничать, бегая по квартире и напевая какую-то новую мелодию. Она заполнила собой гостиную, детскую и кухню. Родители были в восторге. Отец, подойдя к матери, тихо и чувственно прошептал ей в ухо: «Ну вот, он уже влюблен!»

Ночью разыгралась непогода, капли неприкаянно стучали по стеклу окна, но Адам слышал в этих звуках симфонию дождя. Первый раз за всю свою короткую жизнь Адам нарушил правила и открыл окно. Струи дождя били его по лицу, смешиваясь со слезами. Там, вдалеке, где-то ударил гром, и раскатисто доносились его отзвуки в сверкании молний.

Никогда прежде Адам не испытывал такой силы энергии света и звука. Словно в полифонии перед ним ожила вся природа. Настоящая! Та, которой он был лишен прежде.

И сердце у Адама начало увеличиваться еще сильнее.

Уже на следующий день в школе Адама прозвали юродивым. Не то, чтобы его задевали или мучили. Нет. К нему относились с большой настороженностью и скорее старались обходить его стороной. С ним почти никто не дружил. А если и общались с ним – то в основном для того, чтобы использовать его доброту в своих корыстных целях. Многие дети сразу же поняли, что Адам пойдет на все, чтобы помочь другим и отдаст последнее за дружеское плечо. Он подолгу проводил время с Евой, и она с удовольствием отвечала ему взаимностью и порой, чувствуя за него ответственность, давала ему советы и пыталась оградить от всех бед. Вообще Ева казалась мудрее и старше него. Они подолгу гуляли по улицам старого города. Однажды Адам остановился у цветочного лотка, откуда исходил аромат множества разных цветов. Но в то же время этот аромат громко кричал от боли. Подбежав к ларьку, Адам увидел множество алых роз, тюльпанов, хризантем – многие были в самом расцвете, а многие еще не раскрылись и выглядывали из бутонов. И Адам вдруг понял... Цветы были срезаны в самом начале жизни, а многие из них уже умирали. Он слышал их реквием, цветы плакали, издавая прощальные запахи. Адам в слезах упал на колени перед цветами, словно оплакивая их.

Тем же вечером отец по просьбе Адама выкупил все цветы из того ларька, и они похоронили их за городом, среди полевых ромашек.

Ко всеобщему удивлению, несмотря на прогрессирующую болезнь, Адам дожил до 16 лет.

Сердце его занимало уже большую часть груди. Но, несмотря на это, Адам продолжал дышать полной грудью и помогал изо всех сил горожанам. Дни напролет он играл на органе в городском храме, разговаривая с богом, чем приводил в восторг всех прихожан.

А по ночам в местных клубах и барах он развлекал посетителей, играя и импровизируя музыку для пожелавших услышать себя. Большинство из этих историй, рассказанных в музыке и музыкой, были грустными, так как он видел жизнь очень глубоко и печально. И это еще больше разрывало его сердце. Слушая истории посетителей и превращая их в мелодии, он порой изводил себя до изнеможения, оплакивая каждую трагедию.

Некоторые посетители узнавали о себе больше, чем могли знать сами. Были случаи, когда он своей музыкой помогал обрести путь многим заблудившимся душам.

Однажды осенним вечером Адам признался в любви Еве. Молча, без слов, сочинил он любовное послание только для нее. Ева сидела за столом в углу и тихо плакала. Адам услышал эти слезы. В этих слезах он услышал ее ответ – она никогда не будет с ним и никогда не сможет соперничать с его музыкой. Она ответила ему «нет», потому что не хотела быть второй в его жизни. Подойдя к нему, она молча положила прекрасную розу на клавиши. И он все понял!

Ее уход из его жизни окончательно разбил ему сердце. Он перестал выходить из дома, но продолжал творить, играть, доводя свою музыку до филигранности. Вскоре его сердце выросло до таких размеров, что Адам поселился в своем сердце. И, о чудо! Сердце его закристаллизовалось и стало хрустальным.

Вскоре Адам умер.

Сердце его было выставлено в городском храме, где он играл. И каждое утро, всякий раз, когда из разноцветных витражей на алтарь падал свет, сердце Адама начинало звучать хрустальным перезвоном вселенской музыки, настраивая сердца слушающих его на любовь.

Ирония

Старый клоун Поль – сын канатоходца и дрессировщицы – посвятил цирковой арене всю свою жизнь. Гастролируя по миру со своими непревзойденными шутками, он, кажется, обогнул Землю вокруг несколько раз и везде дарил людям улыбки, смех и счастье. Но почему люди смеются над его шутками и в чем кроется тайна смеха – на эти мучившие его всю жизнь вопросы старый клоун не мог найти ответа.

Поль был безумно влюблен в свою профессию. Пик его успеха и популярности пришёлся на 60-70-е годы. Он был рыжим клоуном со своим репертуаром и со своей философией, знаменитые драматурги не раз писали для него сценки и даже монопесны.

Однажды Полю даже удалось сняться в фильме у знаменитого французского режиссера новой волны, где он сыграл самого себя, и с тех пор он стал олицетворением печальной улыбки.

За какие-то десять минут на арене Полю удавалось рассказать целую историю, вызвать у зрителя неподдельный интерес, сопереживание, смех и какую-то очень странную грусть.

У многих зрителей после спектакля было чувство, что они смеялись над собой. Поль был больше, чем артист, больше, чем клоун. Друзья, коллеги это понимали и относились к нему с большим уважением, а некоторые даже с поклонением.

Он сидел в своей гримёрке и, как обычно, наносил на лицо грим. Рядом стояла почти пустая бутылка «Бордо». Сделав несколько глотков, Поль оглянулся назад: вся стена была оклеена старыми афишами, фотографиями друзей, партнеров. Но его внимание было сосредоточено на маленькой черно-белой фотографии: на ней была Люси – любовь всей его жизни, ныне покойная, но вечно живущая в его сердце любимая жена, с которой он провел двадцать счастливых лет.

Он называл ее «мотылек», потому что она была эквилибристкой и, словно бабочка, летала над ареной. Но, к сожалению, словно мотылек, летящий на горящую свечу, опалив свои крылья, она рано сгорела – разбилась, исполняя сложнейший трюк. Люси была маленькой, но очень сильной, упрямой и отважной женщиной: вопреки просьбам и предупреждениям начальства она работала без страховки. Адресалин был жизненно важен для Люси, так она ощущала яркость и полноту жизни.

Поль восхищался и любил свою безумную жену. При таком образе жизни, конечно же, о детях не могло быть и речи, так что, кроме воспоминаний о Люси, у Поля никого и ничего не было в жизни – он жил цирком и сублимировал там все то, чего ему не хватало.

И вот сегодня Полю исполнилось семьдесят лет. Его контракт с цирком не продлили: начальство сообщило, что ему пора на заслуженный отдых. Сегодня он выйдет на арену в последний раз.

Закончив последние детали грима, Поль натянул на голову старый, облезлый рыжий парик и, захватив с собой недопитую бутылку, отправился блуждать по закулисью в ожидании своего выхода. Проходя мимо клеток с животными, он остановился напротив старого циркового слона Капли, который тоже доживал свой век. Их взгляды встретились, и между ними завязался безмолвный диалог.

Капля, как бы поддерживая Поля, покачал головой и заплакал. Поль подошел к клетке и протянул бутылку слону, тот, умело ухватив её хоботом, влил вино себе в пасть. Не было в ту минуту существа для Поля ближе, чем этот слон. Он несколько раз погладил хобот Капли, затем по-дружески похлопал слона, повернулся и ушел.

Вокруг разминались молодые артисты. Увидев маэстро, они зааплодировали ему, восклицая: «Браво! Браво! Браво!» Старый конферансье, подбежав к Полю, сказал: «Твой выход. Сейчас объявлю». Зазвучала барабанная дробь. Шпрыхштальмейстер объявил: «Дамы и Господа! Сегодня и только сегодня в последний раз на арену выходит великолепный Поль со своими неповторимыми шутками-прибаутками!»

Зазвучали фанфары, и Поль медленно вышел на сцену. Тут же луч света упал на его лицо.

В зале было темно, он не видел зрителей, но слышал грохот аплодисментов.

«Браво! Браво!» – кричали поклонники. Поль поднял две руки и, словно оставив аплодисменты, начал выступление. Ему было семьдесят лет, но в его движениях, пластике и умении двигаться возраста не было. Под конец выступления, когда все прожекторы работали в полную силу, оркестр заиграл заводной цирковой марш. У Поля закружилась голова, он прошелся взглядом по зрителям и вдруг напротив себя в первом ряду увидел маленькую девочку.

Его внимание привлек её равнодушный взгляд: в нём не было ничего, этот взгляд был просто ледяным. За всю свою жизнь на арене цирка маэстро никогда не видел такого безразличного зрителя. Это был профессиональный вызов, и Поль этот вызов принял. Всё своё мастерство и опыт, заготовленные на эффектное окончание номера, Поль направил на эту девочку. Он жонглировал, стоял на голове, доставал из карманов всякую всячину – лишь бы рассмешить несмеяну. Но она как будто не замечала его, словно он был прозрачен. Полю было очень больно: вся его жизнь и мастерство не могли рассмешить ребёнка.

Зал ликовал, а старый клоун, со слезами на глазах стянув с себя красный нос и рыжий парик, обнажив седые волосы, упал на колени напротив бесчувственной девочки и зарыдал. Мир стал чёрно-белым.

Дирижёр, почувствовав неладное, остановил музыку. Понемногу угомонились и зрители.

В зале воцарилась тишина. Был слышен только плач клоуна. И вдруг девочка засмеялась.

Она смеялась так громко, что заглушила плач Поля.

Чтобы скрыть этот неловкий момент, дирижер взмахнул палочкой, грянул оркестр, раздались робкие аплодисменты. На арену вышла вся труппа, маэстро подняли на плечи.

Но несмотря на всю суету вокруг себя, Поль продолжал смотреть в глаза ребёнка.

Он понял её смех. Смех – это обратная сторона шока, вызванного страхом, и одновременное расставание с ним. Он необходим, чтобы сознание перезагрузилось.

«Жизнь – это всего лишь ирония», – подумал Поль и улыбнулся в последний раз. Больше никто и никогда не видел его печальной улыбки.

Улыбка Джоконды

Тот, кто слушал рассвет, поймет меня. Утренние песни птиц завораживают и наполняют энергией. Каждый самец яростно охраняет свою территорию и самку, оповещая об этом весь мир, и его трели на самом деле являются предупреждением и угрозой. Такой «трелью» является и танго: с одной стороны, этот танец завораживает, но по сути он жесток и коварен. Танго – это конфликт между мужчиной и женщиной, конфликт, полный страстных противоречий, но сколько красоты и жизни в его движениях!

Жизнь Мигеля Санчеса-старшего – это и есть танец танго. Мигель дышал танго, говорил с помощью танго, наконец, он жил в танго. Ему было уже далеко за сорок – его седые потные вьющиеся волосы временами падали ему на лицо. Резким движением головы он закидывал их назад и, чуть наклонив голову вниз, смотрел на своих партнерш. Взгляд этот был магическим, под этим взглядом женщины шли в его объятья. Последние пятнадцать лет он работал инструктором по аргентинскому танго и фламенко. Толпа женщин бальзаковского возраста стояла к нему в очереди, чтобы позабить одиночество и познать в страсти язык тела.

Мигель укрощал женщин, как породистых кобылиц, притягивал к себе, возбуждая в них любовь, но сам часто оставался холодным.

Будучи испанских кровей, жил он в Италии, в маленьком городе Бергамо. Он был женат на прекрасной итальянке по имени Милания, которая не чаяла в нем души. Они встретились в восемнадцать лет, и после долгих и упорных ухаживаний нашего тороеро прекрасная итальянка сдалась. Как и положено в южной католической стране, они сыграли большую, шумную, веселую свадьбу. К сожалению, всевышний не дал им детей, и после двадцати лет семейной жизни Мигеля ничто уже не держало дома: днем он пропадал в танцевальной студии, а ночи до утра проводил с друзьями и поклонницами в кафе, ресторанах и клубах.

Под утро, придя домой, Мигель замертво падал в постель. Милания, как любящая и преданная жена, раздевала и укладывала его, словно маленького ребенка.

Терпеливо и заботливо она ухаживала за ним долгие годы. Эта потребность жила в ней и была ей необходима – все свои неистраченные материнские чувства она отдавала ему.

Долгими ночами она следовала за ним, как ангел-хранитель, по увеселительным заведениям. Садилась обычно на расстоянии, в сторонке, заказывала бокал вина и не мешала мужу развлекаться. Иногда, когда у Мигеля заканчивались деньги, она оплачивала счета так, чтобы не заметили другие.

Милания вообще старалась быть незаметной. Зная вспыльчивый характер своего мужа, она никогда не шла на конфликт. И даже когда Мигель заводил очередной роман на стороне, она была в курсе. Маленькая, хрупкая брюнетка с благородными итальянскими чертами, она почти никогда не плакала и не смеялась. Её улыбка Джоконды не сходила с лица, и Мигель побаивался этой улыбки: «Лучше бы крикнула, лучше бы заплакала», – говорил он, уходя из дома.

Было время, Мигель напивался и ссорился с друзьями, иногда это доходило до драк, в которых он порой проигрывал. И тогда Милания, словно свой крест, несла его на своих хрупких плечах до дома.

По ночам, когда он просыпался от тяжелого похмелья, она поила его парным молоком, чтобы успокоить его болезненный кашель. Положив его голову на колени, пела ему колыбельную – старую итальянскую колыбельную, которую пела ей бабушка. А днем Мигель видел в доме чистоту и порядок: его красные рубашки были выстираны и поглажены, а в углу стояли любимые красные туфли на высоких каблуках, начищенные до блеска.

Однажды в каком-то баре Мигель потерял свои любимые католические андалусские четки (розарий), привезённые им с родины – Гранады. Эти четки он обычно носил на запястье, дорожил ими и, будучи человеком суеверным, после их потери впал в депрессию и несколько дней не выходил из дома. Все эти дни Милания обходила заведения, пока наконец не нашла эти четки, заплатив бармену немалые деньги.

И когда Мигель проснулся после долгого запоя и увидел на комодке свои любимые розарий, это вернуло его к жизни. На радостях Мигель влюбился в молодую цыганку Лючию – танцовщицу фламенко.

Роман с Люцией протекал очень бурно, и о нём судачил весь город. Танцоры часто выступали в клубах, и однажды это закончилось трагедией.

В танго Лючия доминировала, подавляя Мигеля, и это было невыносимо для него.

Однажды он остановил танец и ударил ее по лицу. Она засмеялась, шагнула в его сторону, расправила грудь и, ударив громко каблуком об пол, крикнула: «Olè!».

Музыка стихла. Зрители затаились в предчувствии чего-то ужасного, ожидая ответного шага Мигеля. Мигель, грубо схватив Лючию, впился в её губы страстным поцелуем.

Публика выдохнула, крикнув: «Olè!». Поцелуй был долгий и сопровождался музыкой фламенко.

Танец продолжился, Мигель, сняв с себя красную рубашку, словно тореадор, начал зазывать Лючию. Лючия, не думая, пошла в атаку. Она выбивала чечётку под аплодисменты зрителей. И после пятнадцатиминутной танцевальной битвы Мигель, распахнув объятия, опустился на колени перед Люцией. Зрители в очередной раз крикнули: «Olè!».

Перед Мигелем во весь рост стояла гордая и почти обнаженная цыганка. Ее черные мокрые волосы падали ей на плечи и грудь. В руках она держала алую розу, напоминающую кровавое сердце. Мигель надкусил эту розу и почувствовал экстаз.

Лючия, повернувшись, ушла со сцены. Мигель, словно окаменевший, долго еще сидел на коленях с розой во рту. Зазвучал Piazzolla (танго). Зрители перешёптывались и были в смятении, потому что ничего не происходило. Время от времени кто-то кричал: «Olé!», дабы разбудить Мигеля.

За всем этим со стороны наблюдала Милания. Она поднялась на сцену и протянула руку Мигелю. Глаза его, как чаши, были полны слез, слёзы создавали призму, которая искажала изображение. Милания, вытирая пот со лба Мигеля, слегка коснулась его глаз. И слезы потекли ручейком. С его глаз спала пелена, и он увидел улыбку Джоконды. Она поцеловала его в лоб, затем потянула его руку на себя, и он привстал. Чуть отвернув голову вправо, Милания встала в позицию, и он повел ее в танце.

Никогда ещё он не чувствовал свою жену так близко. Нежный, страстный, и в тоже время исполняемый с любовью танец буквально заморозил зрителя. Тонкий луч света выхватывал их на сцене, а под ногами у них была красная лужа крови в виде его рубашки и лепестков роз.

«Это лучшее, что я сотворил в танце!» – подумал Мигель. «Почему ты не подарила мне этот танец раньше?!» – крикнул он. Но она, словно нежная белая вуаль, струилась в его руках и, загадочно улыбаясь, как всегда, молчала.

В конце он протянул свои губы к ее губам, но она, все так же улыбаясь, отвернулась от него.

Зрители кричали: «Olè!» и аплодировали. Он побежал в сторону бара. Все нутро его горело, и жажда душила его.

Бармен, словно медиум, понимал его на расстоянии – тут же открыв бутылку вина, он попытался налить бокал, но Мигель выхватил бутылку и принялся пить из горла. Он пил большими глотками, и буквально на третьем глотке бутылка наполнила была пуста.

Бармен, похлопав в ладони, восторженно сказал:

– Bravo, bravissimo, маэстро, bello, bellissimo! Я никогда не видел, чтоб кто-то так танцевал танго один.

– Ты что?! – ответил громко смеющийся маэстро. – Это моя жена Милания. Не узнал?

Бармен опустил голову и тихо сказал:

– Мигель, опять ты забыл: Милания умерла три года назад. Надо смириться. Тебя ждет твоя цыганка в гримерке.

На сцене гармонист затеял его любимое танго Piazzolla. Мачо стоял, опустив голову, словно мокрый воробей, из тех, кто по утрам поют неистово, а по ночам под дождем прижимаются к стволу огромного дерева. Всю его жизнь этим стволом была Милания, в её тени он летал и пел.

Он плакал у бара, по-детски всхлипывая. Вдруг кто-то подошёл к нему сзади и, как мама, погладил его по голове. Повернувшись, он увидел Миланию.

Взяв его за руки, она вывела его из клуба. И они долго шли по ночному Бергамо, время от времени отхлёбывая вино и танцуя любимое танго у фонтана.

Это был последний танец великого Мигеля. Никто никогда больше не видел маэстро, он растворился в танго.

Вся моя музыка

Что такое для странствующего дорога, если не главная цель?

Дороги – они как реки... реки имеют начало и находят свои русла, умело обходя леса, поля и горы, они словно одно большое дерево, обнимающее своими ветвями всю нашу планету. И только путник, идущий от рассвета до заката, может понять истинную цель дороги. Дороги нужны не только для того, чтобы давать возможность людям дойти, но и для того, чтобы продолжать путь...От человека к человеку. Порой это путь длиною в жизнь...

Самая страшная катастрофа в истории случилась, когда человек пересел на осла или лошадь, придумал паровой двигатель, поезда, самолеты... и с тех пор все всё время куда-то спешат. Живущие в больших, комфортных каменных джунглях – все эти люди бесконечно одиноки. Дороги потеряли свое первоначальное значение. Путник потерял свою цель, караван сбился с пути, заблудился в пустыне. Одним из таких, заблудившихся, был и наш герой – Маэстро...

Когда Маэстро потерял себя – он не помнил. Там, где он родился, на берегу большого озера, где золотой песок и самый красивый закат, люди называли его за глаза эмигрантом, но сам Маэстро об этом не помнил. В каком-то смысле он и правда эмигрировал в свой внутренний мир. Он вообще многого не помнил или не хотел помнить. Он просто однажды собрал свой портфель и пустился в путь на поиск самого себя. Будучи одаренным от природы умом, а от жизни – мудростью, Маэстро без проблем передвигался по дорогам. Дороги подарили ему новую жизнь, которая состояла из музыки и из придуманных им рассказов, а герои его рассказов заменили ему семью и друзей. И наш пилигрим, странствуя по миру, повсюду нес с собой свою музыку, живительную и всепрощающую.

Говорят, что он когда-то был знаменит. В городе Солнца он был дирижером городского оркестра, был уважаем и любим. О семье своей он никогда не рассказывал, но о чем-то очень сильно горевал. В какой-то момент что-то заставило Маэстро потерять себя. С тех самых пор ничего не имело для него значения, кроме музыки и дорог. Чудом Маэстро переходил тщательно охраняемые построенные человеком границы. Да, все это тоже было в его жизни – он умудрялся странствовать по миру так, как будто есть лишь одна дорога, где на другом конце человек обязательно должен обрести себя, и шаги странствующего и являются самой жизнью.

Там, в больших городах, в потоке многочисленных энергий человек себя не слышит. Там звук, свет и музыка теряют свое значение. Там, в больших городах, Маэстро, развлекая народ, слонялся по городским улицам...

Всегда приветливый, остроумный, он с легкостью шутил, а затем виртуозно переходил на романтические ноты. Вечно подпевая и бормоча себе под нос очередную выдуманную историю, он, доводя себя до катарсиса, удивлял народ подлинностью только что сыгранной импровизации. Но стоило только кому-то привязаться к Маэстро, как он, ощущая невозможность этого для себя и дабы не обидеть кого-то, сразу пускался в путь, отпуская воспоминания, словно голубей в небо. И когда в полночный час Маэстро покидал город, улицам всегда чего-то не хватало, они смотрелись сиротливо.

У Маэстро не было вчера. Он шел за будущим, но жил сегодняшним днем. Звуки этого мира были ему интересней и важнее всего на свете. Он любил людей. Он очень любил людей! Всё человечество и каждого человека в отдельности. Его необъяснимо притягивала любая живая душа. Он словно слышал её музыку. Именно её – неповторимую музыку души, придающую каждому человеку исключительное личное своеобразие, её уникальность, которая не повторяется никогда. Старый и мудрый, он считал, что музыки так много, как звезд в бесконечном космосе. И каждый из этих звуков отличаются друг от друга, как песчинки на берегу моря, по которому Маэстро так любил ходить. Сидя у моря, он всегда всматривался за горизонт. Горизонт манил его. Музыка его звала...

– Динааамикус! В музыке это значит «громко». Так мы передаем свои эмоции. Природа, животные, люди... Все мы говорим на языке эмоций.

Привстав, он достает из внутреннего кармана палочку, позаимствованную из японского ресторана, и начинает дирижировать криками чаек.

– Все это – музыка....

И, взмахивая руками, он продолжает дирижировать.

И чайки, словно по волшебному велению взмахов его палочки, разлетаются по сторонам, раскатываясь в полифоническом гоготе.

– Пиаано. На языке музыки это – «тихо».

Старик поворачивается в сторону березы, и мы видим и слышим, как шелестят ее листья. По велению его руки где-то вдалеке, в море, огромный паром подает гудок. Ветер, словно подхватывая его мелодию, выхватывает пару нотных листов из его портфеля и они взмывает в небо.

Медленно, издалека, через эхо зазвучала музыка, заполняя собой все пространство.

Старик, снимая шляпу и довольно расплываясь в улыбке, объявляет:

– Моцарт!

Мимо проходит молодая семейная пара с ребенком. Засмотревшись на странного старика, они посмеиваются над ним. Старик, смущенно опустив голову и положив шляпу на грудь, говорит:

– Ооо, не стоит благодарности. Это все Моцарт. Классика. Но я лично сторонник романтизма. Начиная от Бетховена...затем Стравинский, Равель, Дебюсси, Эрик Сати... И мой любимый Чайковский...

Семья аплодирует ему, крича «браво!», узнав в нем местную достопримечательность – городского сумасшедшего по прозвищу Маэстро.

Вокруг очень быстро начинают собираться любопытные прохожие. Маэстро, несколько раз поклонившись, мастерски скидывает с себя пальто и шляпу. Затем профессиональным жестом поправляет седые, торчащие во все стороны кудрявые волосы. Ненадолго закрыв глаза, словно настраиваясь на определенную ноту и получив ее звучание, он открывает глаза и, оценив количество зрителей, начинает представление:

– Дамы и Господа! Друзья и коллеги! Да, да, именно коллеги. Вы не ослышались. Потому что я считаю, что каждый человек имеет свое звучание, каждый человек звучит своим инструментом, у каждого человека своя музыка. И каждый человек через музыку рассказывает свою историю. Ведь словами всего не передашь. И вот когда в жизни одного инструмента появляются другие инструменты – тогда рождается оркестр. А это значит – что мы с вами сегодня присутствуем при создании музыки.

– Вот вы, молодой человек, с каким инструментом себя ассоциируете? – спрашивает старик, ткнув в живот палочкой высокого худощавого блондина. Тот, смущенно покраснев, бормочет:

– Мне нравится кларнет.

– А вы, сударыня?

– Я думаю, я труба, – отвечает девушка с рыжими яркими волосами.

– А вы, друг мой? – обращается старик к маленькой девочке в очках с мороженым в руках. Та задумывается и вдруг протягивает мороженое ему:

– На!

– Благодарю вас, сеньорита, вы очень любезны. С вашего позволения я приму сей подарок. Так кто же вы?

– Ну как же, я – скрипка, разве вы не слышите меня?

– Конечно, конечно, я слышу. Я все слышу! Так вот, коллеги.... Музыка нам нужна для того, чтобы через эмоции рассказать о состояниях нашей души. Давеча я упомянул, что я сторонник романтики. Именно романтическая музыка позволяет нам поделиться своими чувствами. Счастьем, одиночеством, болью... Музыка – это ноты нашей души, собирающиеся воедино таким образом, чтобы она зазвучала в гармонии, передавая наши чаяния.

– Дамы и Господа! Я владею даром слушать вашу музыку и могу рассказать о вас то, чего вы никогда никому не рассказывали. Могу раскрыть ваши боли и печали и помочь в них разобраться. Поверьте мне, музыка помогает излечить душу.

А когда в полночный час Маэстро покидал город, улицам всегда чего-то не хватало, они смотрелись сиротливо.

Но Маэстро этого уже не помнил. Только лишь рассвет, только лишь закат, музыка и дорога. Дорога к самому себе.

Черное и Белое

Он появился на свет внезапно, как восточный ветер. Казалось, что своим появлением он пробудил солнце и подарил миру свет. Но сам, увы, этого света он видеть не мог, так как родился слепым. Мать его растила в одиночестве, далеко от людей. Когда она тяжело заболела, малышу пришлось заботиться о себе самому.

– Я ухожу, милый мой малыш! Мне очень жаль, но ты в этой жизни остаёшься совсем один. Я буду рядом всегда в твоих снах и в твоём сердце. Помни мои слова! Твоя слепота – твой дар. Иногда мир кажется жестоким и безобразным, а люди – злыми и завистливыми. Чтобы выжить, тебе надо найти свой внутренний свет, чтобы всё вокруг казалось тебе прекрасным. Не изменяй сердцу своему, и ты будешь счастливо жить в мире, придуманном тобой.

Сказав это, мать глубоко вздохнула в последний раз и навсегда оставила мальчика. Ветер, подняв осенние листья и закружив их, словно подхватил ее душу и в танце унес далеко далеко в небеса. И только эхо матери звучало в ушах малыша: «Помни мои слова, помни...».

Долго мальчик вслепую бродил по лесу. Пил он из ручьев и оврагов, питался грибами и ягодами. Помня наставления матери, он учился познавать неведомый мир.

Порой, будучи усталым и изнуренным, не различая ни дня, ни ночи, он падал на мягкий и душистый мох и подолгу спал. Однажды его разбудил странный звук... то ли смех, то ли плач...

– Кто здесь? – спросил мальчик.

– Я тот, кто забрал твою мать, – тихо шелестя листвою березы, ответил ветер.

– Ты плачешь или смеешься? – спросил мальчик.

– Я поююю...! – громким и раскатистым эхом отозвался ветер.

– О чем твоя песня?

– Ты спрашиваешь, о чем она? Разве ты не слышишь колыбельную твоей матери, которую она тебе пела ночами напролет, прижимая к груди твою голову и нежно лаская голосом твой сон... Это она прислала весточку о себе и попросила, чтобы я присмотрел за тобой. Малыш, я буду твоим учителем.

И закружился ветер, играя ветвями деревьев. И одна из ветвей медленно, кружась в воздухе, словно перо, упала в руки мальчика.

– Вот тебе весточка от матери, – пропел ветер. – Эта ветка будет твоим поводом!

Мальчик нежно ощупал ветку кончиками пальцев, убрал с нее лишние листья. Словно тростью он начал прокладывать себе дорогу среди веток и листвы. Сделав несколько движений, мальчик остановился, словно испугавшись смелости своих шагов.

Подняв свой посох, он, как будто прорезая туман, исследовал пространство вокруг. И тут он почувствовал легкое прикосновение чего-то живого. На конце трости, махая крыльями, сидела большая разноцветная бабочка. Медленно приближая посох к своему лицу, дабы не спугнуть существо, мальчик попытался его понюхать.

– Что это, учитель?

– Это бабочка, прекрасное создание, она очень красива!

– Как бы я хотел её увидеть!

– А ты попробуй, представь её себе. И придумай цвета. У тебя получится. Надо только очень захотеть!

Мальчик почувствовал вдруг свет, исходящий от бабочки, и увидел ее форму. А затем окрасил в различные цвета. И от радости громко воскликнул:

– Вижу, вижу! Как она прекрасна!

И бабочка улетела.

– Ну вот, теперь ты художник, ты можешь придумать свой мир, окрашивая его в любые цвета.

– А так можно? – удивился мальчик. – Ведь каждое создание имеет свой цвет!

– Ха-ха! Мы видим лишь то, что хотим увидеть, наивно полагая, что мир именно таков. Это иллюзия, малыш. Это всего лишь иллюзия!

– Но куда же мне идти – я не знаю. Что мне делать в этой жизни? Я живу в неизвестности.

– Сначала задай себе вопрос, что ты хочешь найти, – пропел ему ветер.

– Что я хочу найти? – переспросил мальчик и ненадолго задумался. Затем уверенно и искренне ответил: – Свет! Настоящий свет!

– Зачем? – переспросил ветер.

– Чтобы увидеть настоящие цвета!

– Зачем? – сердито завывая, спросил ветер.

Мальчик немного растерялся. Присев, он опустил голову, задав самому себе этот же вопрос... и правда, зачем... внезапно он вспомнил слова матери. Чувство тоски по ее голосу вызвало слезы в его глазах. Вытирая слезы, мальчик подумал, как сильно он любит свою мать... Сможет ли он так же нежно и сильно полюбить этот мир?

Чувства наполнили его разум и тело. Интерес к неведомому миру заставил его встать и почувствовать силу.

И, подняв голову, он уверенно ответил:

– Затем, чтобы увидеть и полюбить этот мир таким, какой он есть.

– О, люди... Вы все слепы! – печально пропел ветер.

– Они такие же, как и я? Все люди слепы? – с удивлением переспросил мальчик.

– И да, и нет. У них есть зрение, но они ничего не видят, кроме самих себя. Да и себя часто не видят. И поэтому боятся остаться наедине с собой.

Взлетая высоко в небо и зазывая мальчика за собой, ветер пропел:

– Малыш, не бойся одиночества, оно сделает тебя художником. Ты найдешь желаемый свет и нужные цвета! – игриво и неистово раздувая тучи, ветер продолжал: – А когда ты станешь мудрым, мы вместе будем гонять с тобой облака по небу и раскрашивать в разные цвета радугу. Ты придумаешь свой мир и найдешь покой в душе!

Подняв трость, мальчик медленно, но уверенно побежал за голосом. Спотыкаясь и падая, смеясь и плача, вытирая слезы, он, словно замороженный, продолжал следовать за ветром.

Приближаясь к опушке леса, к отвесной скале, ребенок вдруг почувствовал, как ветер резко подул в его сторону, и мальчик остановился.

– А как же этот мир? Я всегда буду в нём чужой?

– Ооо, человек, – сердито сдавливая тучи и стуча молниями, ответил ветер. – Как ты глуууух! Зачем тебе этот мир? Он жесток и несовершенен.

Тонкие струи дождя текли по лицу мальчика...

– Я хочу увидеть солнце и радоваться его лучам! – с мольбой произнес мальчик.

– Да будет так! Ты увидишь его! Как только полюбишь – ты прозреешь. Но помни, это погубит твой внутренний мир. Ибо любовь, как солнце, сжигает всё на своём пути! Иди сынок, иди. Но помни мои слова!

И ветер разогнал тучи. Мальчик тут же почувствовал тепло солнца.

И пошел он по неизведанным тропам и дорогам, прокладывая себе путь волшебной тростью.

Дороги давались ему нелегко. Он пробирался сквозь ночные сумерки, утренние туманы и знойные дни. Туда, где люди, туда, куда его манил свет любви. Когда он сбивался с пути, ветер насвистывал ему песню и направлял его. Чтобы не сойти с тропинки, мальчик прикасался к земле своей берёзовой тростью, а когда он уставал и засыпал, мать приходила к нему во сне и ласкала его, напевая колыбельную.

Была глубокая осень. И перелетные птицы уже собирались на юг. Издалека были слышны голоса улетающей стаи аистов. Вдруг одна из птиц отделилась от стаи и подлетела к мальчику. Подлетев к нему, она склонилась перед ним. Мальчик почувствовал чье-то тепло и, протянув свои руки, спросил:

– Мама?

– Нет, малыш, я не твоя мама, но у меня тоже есть дети. Я услышала издалека плач ребенка. Сердце матери не из камня, оно всегда придет на помощь.

Мальчик обнял двумя руками шею птицы и тихо шепотом спросил:

– А ты можешь быть моей мамой?

И та, прильнув к плечу малыша, с сожалением ответила:

– Не могу, мой маленький. Вот если бы ты был птицей и имел бы крылья, ты бы смог полететь со мной в южные страны, где всегда тепло, и я бы согрела сердце твое своей любовью. Но, увы, малыш, у тебя нет крыльев, и я не смогу тебя забрать с собой.

– Так вот оно что! Ты летаешь! – радостно воскликнул мальчик. – Как мой учитель ветер!

– Нет, малыш, не совсем так. У ветра нет крыльев. Они ему просто не нужны. Он летает там, где захочет. А я всегда возвращаюсь туда, где родилась.

– А почему?

– А потому, малыш, что здесь мой отчий дом, и дети мои тоже родились здесь, в этом месте, – показывая крылом в сторону озера, сказала аистиха. – Здесь я заботилась о своих птенцах, учила их добывать пищу и летать. А когда наступает осень, мы улетаем далеко-далеко, но всегда возвращаемся.

– Ах, как это прекрасно – летать!

– Все относительно, малыш, все относительно. С высоты птичьего полета наша планета кажется маленькой, и только горизонт манит и зовет за собой, предлагая догнать его. Но после некоторых попыток нужно понять, что никто и никогда не сможет догнать горизонт. Я родилась здесь, на берегу этого озера. Это моя родина. Когда закончатся морозы, мы вернемся сюда снова и опять будем ходить по волнам и мечтать. А теперь, мой маленький, прости меня. Я должна лететь. Извини и прощай! – и аистиха, смахнув крылом слезу, полетела следом за своей стаей.

– Не улетай, не оставляй меня! – кричал мальчик вслед птице. Упав лицом на землю, захлебываясь слезами и тихо всхлипывая, он отчаянно произнес: – Ну и ладно, ладно, улетай! Можешь и не возвращаться! Ты такая же, как моя мать.

И мальчик долго плакал, свернувшись калачиком на земле. Но вскоре опять подул ветер, и мудрый гуру своей доброй песней высушил слезы ребенка. Встав с колен, подняв свою трость, мальчик подумал: «Ну и ладно. Я пойду туда, где люди, они услышат меня, они помогут мне, они примут меня!»

В этот же день, ближе к ночи, мальчик подошел к небольшому городу Z. Войдя через городские ворота, он очутился на узких улочках так давно желаемого им места. Он бродил одиноко по ночным улицам города, пытаясь заглянуть в окна домов, откуда шло человеческое тепло. Но он никак не решался постучать в чью-либо дверь и попроситься на ночлег. Он совсем замёрз и вскоре остановился перед одним из окон, откуда исходил мягкий и добрый свет свечи – он согревал его. И мальчик, прижавшись к стене, прямо на улице заснул.

Неподалеку располагался старый городской трактир, ночная жизнь в котором кипела празднично и шумно. Ближе к утру, на рассвете, из трактира вышли три персоны: местный пастырь, городской полицейский и сам трактирщик. Все трое были изрядно подвыпивши. Пройдя через мостовую в сторону ратуши, они вдруг наткнулись на спящего ребенка.

– Что это? Смотрите, господа, это ребёнок! – удивились все трое.

Полицейский, надев фуражку и подтянув ремень, тут же воскликнул:

– Непорядок! Чей ребёнок, почему на улице и в такой поздний час? И откуда он взялся? Надо доложить об этом начальству!

Он выхватил из-за пазухи свисток и, громко свистая в него, побежал докладывать о данном происшествии мэру города Z.

Трактирщик, услышав звуки свистка и набравшись храбрости, начал кричать, еле выговаривая слова:

– Безобразия! П-п-подбрасывают детей прямо к моему трактиру. Я буду жааловаться! – и затем тихо, но уверенно пробормотал, глядя на пастыря, словно ища одобрения в его взгляде: – У меня ведь приличное заведение!

Пастырь прошипел в ответ:

– Тихо, вы разбудите его. Он может быть опасен. Ночью сам сатана может вселиться в тело ребенка.

Трактирщик, разводя руками и покачиваясь, тихо прошептал:

– Чёрт побери! И что же нам теперь делать?

Вскоре, запыхавшись, прибежал назад полицейский:

– Я доложил его превосходительству, он скоро будет.

Трактирщик возбужденно, тыкая пальцем в небо, отозвался:

– Вот и я говорю, надо разобраться!

И, достав из кармана флягу, он сделал из нее несколько глотков и произнес:
– Все это очень странно, господа. Как бы чего не вышло. У нас город приличный и бродягам здесь не место!

Вскоре появился мэр. Высокий, статный, седой, с длинными белыми бакенбардами и в черном мундире с золотыми лацканами. Важно подойдя и осмотрев место происшествия, подняв правую бровь, он произнес:

– Господа, я обязан разбудить нарушителя и выяснить, кто он и каковы его намерения... Эй, ты, бродяга, проснись, слышишь! Ты нарушил закон. Это преступление. Нарушено право частной собственности.

Мальчик проснулся. Услышав человеческие голоса, он очень обрадовался и протянул руки.

– Как твоё имя, мальчик? – томным и холодным басом спросил мэр.

– Не знаю, – робко, все еще улыбаясь, ответил ребенок.

– Как твоя фамилия?

– Я не знаю.

– Как имя твоего отца?

– Я не знаю своего отца.

– Глупец, ты хочешь сказать, что ты родился без отца? – прошипел на него пастырь. Затем он уверенным голосом произнес: – Я думаю, господа, он опасен. Подумайте только... в нашем богобоязненном и благопристойном городе, где каждый ребенок знает свой дом, своих родителей и свое место в порядочном обществе, вдумайтесь только, чему он может их научить и какой пример он может подать вашим детям. Тут пахнет вольнодумством! Я уверен, что его надо срочно изолировать.

Мальчик растерялся и, опустив голову, задумался. И тут вспомнился ему ветер.

– Ну конечно! У меня есть учитель. Он мне как отец!

– А-хха...И как же звали твоего учителя? – переспросил мэр.

– Ветер... Да, ветер. Он очень добрый, мудрый, любит летать и гонять облака по небу! И даже, скажу вам по секрету, он любит петь и слушать музыку, – улыбаясь, громко отвечал мальчик.

Мэр сердито его перебил:

– Ты несешь какой-то бред, мальчик. Мы уважаемые и очень занятые люди. У нас нет времени на глупости. Последний раз спрашиваю у тебя, кто ты? Что ты здесь делаешь? И есть ли у тебя паспорт?

– Я пришёл к вам, чтобы жить с вами. Вы такие же люди, как я. Мой учитель предлагал мне быть художником на земле и завещал мне небо, если я останусь с ним. Но я отказался. Я выбрал жизнь человека!

Пастырь, грозно угрожая мальчику толстым пальцем, перебил его:

– Богохульство! Клевета! Твой учитель – неверный фарисей! Место на небе можно получить только через покаяние и нравственное очищение. Да простит мне Господь, нельзя пускать неверных в храм! – разводя руками, воскликнул пастырь.

Трактирщик немедленно его поддержал:

– Да, господа, как вам это нравится? Этот бродяга без рода и племени считает, что он такой же, как мы! Ха-ха-ха!

Полицейский, уверенно кивнул:

– Да-да, кто ему дал право жить с нами? Я тоже считаю, что он опасен для нашего общества. Но как нам быть, господа? Как бы чего не вышло? Лучше будет, если о нем никто ничего не узнает. И нам спокойней, и в городе чище.

И все дружно посмотрели на мэра.

Мэр, внимательно выслушав все доводы, непривычно тихим голосом вынес приговор:

– Ну, в таком случае, бросьте его в глубокую пещеру! И будем считать, что инцидент исчерпан, а мальчика как бы и не было!

– Не было, не было, – отозвались все.

А трактирщик, хлебнув из фляги, резюмировал:

– Все верно. Зачем слепому свет?

И все хором, но очень тихо захихикали.

И бросили его люди в самую глубокую пещеру на нашей планете. И в этой глубокой пещере было самое глубокое и самое маленькое озеро. И жила там самая большая и самая одинокая рыба не земле. Пожалела рыба мальчика и спасла его.

Мальчик, вытерев слезы, спросил:

– Кто ты?

– Я друг, – тихо ответила рыба.

– Почему ты меня спасла? Я человек, и это уже дает мне право умереть. Люди жестокие и жадные, – в отчаянии промолвил мальчик и слезы вновь потекли по его худощавому лицу. И он, плача, взмолился: – Мама, мама! Где ты? Я мог бы стать художником и раскрашивать мир в разноцветные краски. Ветер, прости меня за то, что не послушал тебя! Где же вы, помогите мне!

Рыба задумчиво пояснила:

– Люди! То, что они ненавидят, является плодом их любви. Не плачь, ты не одинок, – продолжала рыба. – У тебя есть я, а у меня теперь есть ты.

– Я человек, ты понимаешь? Я такой же, как они. Друг, ты должен бояться меня!

– Не все люди одинаковые. Вот ты, например, маленький, непосредственный, простой и очень милый, – отвечала ему рыба. – Я давно живу в этом мире, очень давно. Я была рождена далеко отсюда, в бескрайнем океане, но люди поймали меня мальком и ради забавы бросили меня в эту пещеру, но я выжила и давно уже простила их!

– Значит, я тебе нравлюсь?

– Да.

И мальчик слегка улыбнулся.

– Но почему люди возненавидели меня? – все также по-детски вопрошал он.

И рыба спокойным и удивительно мудрым голосом ответила ему:

– В мире, где живут люди, нет места для красоты.

– Здесь так одиноко и холодно. Нет, здесь не живет любовь! Где же твоя красота, что дает тебе силы жить?!

– Там, на глубине озера, живет одинокая устрица, я люблю её уже многие годы, но любовь моя безответна. Каждую ночь, когда луна склоняется над озером, лаская своим светом волны, из глубины на поверхность озера выплывает устрица. Качаясь на волнах, она поет свою песню. Ооо, как прекрасен её голос! Да ты сам скоро услышишь её, луна уже над нами.

И в следующее мгновение издали донеслись ему прекрасные звуки песни. Медленно качаясь на волнах, устрица пела самозабвенно и сладко...

– Кто ты? – с волнением спросил мальчик. – Твой голос, он прекрасен, он словно наполнил меня счастьем и напомнил мне голос моей матери.

– Ты мне тоже очень нравишься. А тебе нравится моя жемчужина? Многие годы я берегла ее для избранного.

– Если твоя жемчужина так же прекрасна, как и твой голос – я уже люблю её!

– А ты разве не видишь её?

– Нет, к сожалению. Я слеп.

И устрица тут же торопливо прикрыла свою жемчужину. Медленно погружаясь в темную и холодную глубину, она промолвила:

– Мне очень жаль, но ты никогда не оценишь мою жемчужину, а значит, ты никогда не оценишь и мою красоту. Увы, но мы разные. Я не смогу полюбить тебя. Прощай!

И устрица исчезла в темно-синей глубине.

– Не уплывай, пожалуйста! Не оставляй меня! Я люблю тебя! – с глаз мальчика словно сошла пелена, и он увидел, как луна перламутровым светом играет на волнах.

Пророчество учителя сбылось, и мальчик, полюбив, прозрел. В смятении оглядываясь вокруг, мальчик пытался понять, что же с ним происходит.

– Друг, я вижу! Я прозрел? Это чудо! Но почему мне так плохо на душе? Почему я ещё больше несчастен? Почему уходит луна? Нет, я должен найти её! – мальчик пристально всматривался в глубь озера. – Сейчас я немедленно нырну и поплыву к ней! К моей устрице!

А рыба, плавая кругами вокруг мальчика, пыталась его удержать:

– Тогда ты утонешь.

– Ну и пусть! – отчаянно ответил мальчик. – Мне всё равно не жить без неё!

Но вскоре взошло солнце. И луч его коснулся лица мальчика.

– Друг, что это? – держа в руке лучик света, спросил мальчик.

– Это солнце.

– Ооо, солнце! Вот оно какое! Яркое, сильное и ...меняющее. Я хочу к нему. Слышишь, я нашел свет, – умываясь лучами солнца, безумно кричал мальчик.

– Будь осторожен, – испуганно предупредила его рыба. – Не смотри на него, оно может ослепить тебя.

– Я хочу к нему, друг, помоги!

– Останься со мной. Нам вместе будет легче жить! А как же устрица? Она ещё не знает, что ты прозрел.

– Эта самодовольная коробка для жемчужин никогда не полюбит никого. Я нашел свет! Вот они – любовь, покой и счастье! Моя сверкающая прелесть! Рядом с этим всё меркнет!

– Ты обезумел. Этого я боялся больше всего, – грустно и с досадой ответила ему рыба.

Сердце мальчика буквально выпрыгивало из груди. И он взмолился:

– Что мне делать? Друг! Помоги!

– Ну что ж, я – друг, я помогу.

И самая большая рыба на земле взмахнула хвостом и подбросила мальчика в небо.

– Я лечууу! – все вокруг мальчика заливалось солнечным сиянием. – О... как ты прекрасен, свет! Но...я, я, я ничего не вижу! Я опять ослеп! Я не вижу!

И нашел мальчик свет...

И обрел темноту в объятьях солнца.

МЕТЛЕБ МУХТАРОВ

ТРИ ЭССЕ

ШУМ И СТРАДАНИЯ

*Уродливая ворона!
Но и она красива
Зимним утром на первом снегу!*

Сентябрь 1940 года.

Французско-испанская граница.

Портбоу – городок, куда стеклись политэмигранты, пытающиеся бежать в Соединенные Штаты от гестапо.

Все с нетерпением ждут перехода в Португалию и уже оттуда в Соединенные Штаты. Но испанское правительство заявляет, что не позволит безвизовым путешественникам пересечь границу и передаст их гестапо. Среди безвизовых – философ Вальтер Беньямин еврейского происхождения.

Ночью 26 сентября 1940 года Вальтер Беньямин кончает жизнь самоубийством в отеле Hotel de Francia в Портбоу. На следующий день ошеломленные самоубийством философа испанцы разрешают другим эмигрантам перейти в Португалию. Самоубийство Беньямина спасает множество жизней от неминуемой смерти.

За этим самоубийством стояли большое отчаяние и бегство. Бегство от заката Европы и мира в целом.

Но является ли выходом бегство?!

***

В своем эссе «О понятии истории» Вальтер Беньямин описывает картину «Angelus Novus» Пауля Клее и уподобляет ангела с картины Ангелу Истории. Согласно Беньямину, Ангел Истории обращен лицом к прошлому, как ангел на картине. Ангел истории видит прошлое, которое мы видим как цепь хронологических событий, как катастрофу. Хотя ангел хочет исправить разбитое и раздробленное прошлое, райская буря не позволяет ему опустить крылья. Райская буря гонит ангела в будущее, от которого он отвернулся, и уносит в своем потоке все трагедии прошлого. В конце Беньямин отмечает, что то, что мы называем развитием – та самая буря.

Буря, сдувшая остатки прошлого и унесшая Ангела Истории в будущее, казалась, смела и Вальтера Беньямина. Великий философ покончил жизнь самоубийством, ускорив свою смерть, потому что «бурное развитие» 1940 года находилось в руках фашистских, тоталитарных и шизофренических властей. Будущее казалось мрачным, а прошлое – ярче.

***

В книге рассказов чилийского писателя Роберто Боланьо «Шлюхи-убийцы» есть рассказ «Последние сумерки на земле» о малоизвестном поэте-сюрреалисте Ги Розее.

Главный герой рассказа Б. знакомится с поэтом по имени Ги Розей в антологии французских сюрреалистов. Не столь талантливый Ги Розей, как и Вальтер Беньямин, находился среди интеллектуалов, которые, укрывшись на юге Франции, собирались бежать в Соединенные Штаты. И снова проблемы с визой. Среди ожидающих визы были известные люди того времени, такие, как Андре Бретон, Тристан Тцара, Бен-жамин Пере.

И вот однажды Ги Розей исчезает. Друзья-поэты ищут его, но найти не могут. Через некоторое время приходят визы, одни уезжают, а остальных уносит в объятия смерти Ангел Истории Вальтера Беньямина. Ги Розей оказывается забыт, о его дальнейшей жизни ничего не известно. Мрак 1940-х годов поглощает еще одного человека. Хотя мы не знаем наверняка, совершил ли Розей самоубийство, его исчезновение, во всяком случае, было планом побега, чтобы не видеть «заката Европы».

Но является ли выходом бегство?!

***

Вальтер Беньямин покончил жизнь самоубийством от отчаяния, так и Ги Розей от отчаяния ушел в небытие. В те мрачные периоды истории многие кончали жизнь самоубийством или исчезали. Аналогичные события протекали и на другом конце Европы: в России!!! Хотя было много репрессированных, сосланных, убитых вместе с семьями русских интеллектуалов, было немало и тех, кто просто хотел сбежать или исчезнуть, отказавшись от всего своего.

Но является ли выходом бегство???

Фильм Алексея Германа «Хрусталёв, машину!» пытается ответить на этот вопрос.

***

Несколько лет назад, когда мы гуляли по бакинским улочкам с поэтом Ниджатом Мамедовым, речь зашла о фильме Алексея Германа «Хрусталёв, машину!». После слов о всей тяжести сцены изнасилования в фильме Ниджат сказал о главном герое: «В конце концов, он идет в народ, в русские просторы». Режиссер фильма Алексей Герман говорил то же самое: «Не знаю русского интеллигента, который не мечтал бы все бросить, скрыться, жить в лесу».

***

На Каннском кинофестивале 1998 года победила картина гениального Тео Ангелопулоса «Вечность и один день». Самым большим разочарованием фестиваля стал фильм Алексея Германа «Хрусталёв, машину!». Во время показа в зале раздавался свист. К концу показа зал был почти пуст. Критики ругали фильм. Алексей Герман этого не ожидал. Такое отношение к его работе, которая длилась почти десять лет, было невыносимо. Позже председатель жюри каннского фестиваля Мартин Скорсезе признался: «Как я мог наградить фильм, которого не понял?!». Это правда, что фильм Германа был сложным, но несправедливая критика зрителей и кинокритиков оказалась жесткой. Однако «Хрусталёв, машину!» со временем занял свое место в истории кино. Спустя несколько лет фильм был признан многими критиками и режиссерами шедевром.

О чем рассказывал этот фильм, которого не понял Мартин Скорсезе?

***

В 1948-1953 годах в СССР было сфабриковано «Дело врачей» – уголовное дело против группы видных советских врачей, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. Параноидальные подозрения Сталина вылились в аресты врачей-евреев. Их обвинили в заговоре против Сталина и других советских чиновников. После смерти «отца народов» арестованные врачи были реабилитированы. Генерал медицинской службы Клёнский – главный герой фильма «Хрусталёв, машину!» – одна из жертв этого обвинения.

Действие фильма начинается с задержания истопника Феди Арамышева снежным февральским вечером. Эта завязка – странная интерпретация чеховской идеи «висящего на стене ружья», потому что истопник в финале выходит на свободу. Его избивают и арестовывают в начале фильма, его избивают и в финале, но на этот раз он на свободе, и у нас в ушах звучит известная цитата избитого Феди Арамышева: «Всю жизнь бьют, за что? Все бьют, за что? За что?».

Затем фильм продолжается сценой в квартире генерала Клёнского. Квартира, проникнутая карнавальная и одновременно трагичной атмосферой и населенная странными персонажами. Квартира генерала похожа на Россию в миниатюре: здесь сын, который хочет «заложить» отца КГБ (Эдипов комплекс), сестры-еврейки, чьи родители находятся в ссылке, служанка-воровка (как герои Достоевского), старик, удовлетворяющий свои фантазии колбасой и, конечно, те, кто ради общей идеи общается о подозрительных вещах соответствующим органам. В сцене в квартире генерала камера порой преследует актеров в поиске событий, а порой сами события находят камеру, и события происходят прямо «перед глазами камеры». Краткие фразы, неуместные выражения и закулисные реплики персонажей в квартире неизбежно вовлекают их в события.

Во многих сценах фильма звук преобладает над изображением. Шум заглушает членораздельную речь. Ярость в знаменитом романе Фолкнера «Шум и ярость» растворяется в карнавальная атмосфера главного героя и окружающих его людей, но шум остается. Шум, который мы слышим, иногда становится образным и оживает прямо у нас на глазах. Диалоги не используются для взаимодействия. Здесь говорят все, и порой ничего не разобрать. Звука так много, что невозможно понять, кто что говорит, и в этот момент царит шум. Каждое слово звенит в наших ушах как крик, каждое выражение лица, каждый элемент мимики вместо коммуникации разрушает взаимоотношения между фильмом и аудиторией, но Герман знает, что делает. Он знает, что эта некоммуникативная ситуация напоминает ту эпоху, те репрессивные времена и годы, когда не было никакой связи между людьми. Пусть никто никого не слушает. Пусть все кричат.

***

Гротескная атмосфера в фильме «Хрусталёв, машину!» напоминает картины Питера Брейгеля Старшего. Но на сей раз сходство не только в изображении, но и в звуке. Потому что звук еще больше увеличивает весь гротеск изображения. Все люди на картинах Брейгеля, напоминающих массовку в кино, работают, находятся в комической ситуации, и художник обычно смотрит на эти события свысока. То же самое и с фильмом Германа. Однако на этот раз Герман не смотрит свысока на свои образы, режиссер препровождает зрителей вместе с камерой в гущу образов. Их мимика, действия, разговоры и даже бубнёж крупным планом свершаются рядом со зрителем, а порой и внутри него.

Сбежавший из дома на работу, в больницу, генерал бродит по коридорам, отдает приказы, разговаривает с кем-то и таким образом хочет избавиться от лабиринта людей и пространства вокруг себя. Хуже всего в лабиринте то, что он дает человеку выбор на каждом шагу. В лабиринте сбивает с толку не отсутствие выхода, а то, что выходов много. Генерал должен сделать выбор ради «выхода», но у него в голове лишь одно: «Спасти!»». Оставить все позади, убежать, погрузиться в отсутствие. Он думает о том же самом даже когда встречает своего близнеца в одной из палат или когда спускает с лестницы приехавшего из Финляндии журналиста, который утверждает, что является его родственником: «Арестуют!». Он предполагает, что это не заезжий журналист, а провокатор, и что тем самым готовится почва для ареста. Нужно бежать. Только бежать. Но это бесполезно. Советский человек, созданный Сталиным, «закладывает» «врага народа» то ли от страха, то ли невинно веря идеологии.

Толпа, которая следует за генералом в больнице и бессознательно шагает по коридорам, это – советский человек, сформированный сталинской властью. Прототип ребенка, бессознательно бегущего за отцом или подражающего ему. Зеркало жестокости отца (Сталина). Толпа, ненавидящая про себя отца (Сталина или Клёнского), но проливающая слезы в случае его смерти. У этой толпы одно отличие: при сталинском режиме никто не имел права говорить, но вокруг генерала Клёнского говорят все. Все во всё вмешиваются. Звук разрушает мысль. Шум размывает изображение. Камера, как и толпа, иногда движется бессознательно, ее глаза – наши (русского или советского народа) грёзы, наша генетическая память.

А генерал блуждает. Ищет выход. Когда он видит своего близнеца в больнице, он чувствует, что смерть или ловушка всё ближе. Он даже обнимает женщину, свою старую знакомую, и кричит: «Ты русскую сказку помнишь? Когда человека и его тень оживили... Не знаешь, зачем?».

Да, холодной зимой 1953 года тень каждого могла внезапно ожить и заменить человека, каждый в любой момент мог столкнуться с черной тенью или своей тенью. Эти люди помнили период репрессий и инстинктивно хотели выжить.

Генерала ловят в середине фильма, когда он собирается бежать. Перед арестом его избивают беспризорники (среди них есть и взрослый мужчина). В момент ареста присутствуют все, вплоть до фотографа. Пожилой фотограф – самый несчастный персонаж в фильме, он так несчастен, что вот-вот заплачет. Даже перед лицом человеческой трагедии фотограф думает о своей работе: «Я не могу снимать на этом фоне!». А генерал, не переставая свистеть, готовится к аресту (смерти). Сдавая свои личные вещи, он останавливается на миг и оборачивается. Он подходит к мужчине, который был среди ребятни, несколько минут назад его избившей. В этот момент генерал меняется, становится как все, как доносчики, как утопающие, хватающиеся за того, кто подвернется... Он подходит к тому человеку и говорит: «Передай нашим, что я нарвался». Это уже ловушка.

Самая тяжелая сцена в фильме та, где Клёнского в машине с надписью «Советское шампанское» насилуют эки. «Советское шампанское» взрывается, вся грязь выходит наружу. Тот, кто был на вершине, падает на дно. Падшего не только пинают, но и насилуют. Выражение лиц и вся мерзость насилующих генерала зэков демонстрируют, что человек того времени внутри был на самом деле как эти зэки. Каким бы стареющим ради общего блага, общей идеи не был бы созданный Сталиным советский человек, предавший друга, брата и даже отца, внутренне он похож на этих зэков: он отвратителен! После изнасилования генерал садится на холодном снегу, чтобы унять боль, он ищет помощи у природы, и это создает у публики определенную догадку о его будущем: он должен слиться с природой!

«Путешествие» Клёнского в Сибирь оказывается прервано, его спускают из набитого эсками старого грузовика с надписью «Советское шампанское» и вместе с равнодушными чиновниками сажают в новехонькую «Волгу». Барахтаясь на дне, он снова поднимается вверх. Генерала после горячей ванны (смывания грехов) отвозят на дачу умирающего Сталина, но он не знает, куда и к кому идет. На месте его ждут Берия и «отец народов», находящийся при последнем издыхании.

На даче Сталина царит тишина. Ни звука, ни шума. Тишина одолела звук, тишина принесла с собой страдания и смерть. В доме генерала шумно, а в доме Сталина царит тишина. Но генерал не знает, куда и зачем пришел. «Он ваш отец?» – спрашивает у Берии генерал, не узнавший человека, правившего миром и повлиявшего на ход истории, отца народов. Ответ Берии ироничен: «Это ты хорошо сказал: отец». Опознав в умирающем Сталина, генерал снова становится заурядным, советским человеком и целует Сталину руку. Камера, выглянувшая в окно, видит на дереве «ангела смерти»: ворону.

***

Возможно, историей именуется время, когда нас еще не было. История – цепь событий, которые случились, но нас там не было. Иногда исторические события происходят таким образом, что мы этого не осознаем. Усатый старик, умирающий в тишине там и тогда, своей смертью дает старт новой эпохе. Для истории эта смерть – и апокалипсис, и реинкарнация. История повторяется, никто не вечен под луной. А «отец народов» на последнем вздохе говорит, как Иисус: «Спаси меня». В отличие от Иисуса, он ищет спасения не у Бога, а у генерала, изнасилованного системой, которую он и создал. Затем мы слышим ту сакраментальную фразу, первый приказ после смерти Сталина или же название фильма: «Хрусталёв, машину!». Мы никогда не видим Хрусталёва в фильме. Точно так же, как мы не видим историю, дух, время... так мы не видим и некоторые вещи, которые происходят вокруг...

***

Сын генерала, заметивший его по возвращении домой, выкидывает монеты из кармана, как Иуда, и умоляет Бога показать ему выход, затем бросается к телефону, чтобы донести на отца, но генерал его останавливает. С этого момента разлад, конфликт между отцом и сыном, заявленный в начале фильма, находит решение, и в тот момент, когда мы ждем счастливой развязки, генерал исчезает. Когда сын видит, что его отец исчез, вместо того, чтобы обратиться к нему «отец» или «папа», он, побуждаемый подсознательным эдиповым комплексом, только и делает, что кричит «эй... эй...». Отец не отвечает, ибо его больше нет, отныне он другой человек.

***

Фернандо Пессоа, мастер подбирать себе новые гетеронимы, сказал: «Мы должны очистить свою судьбу, как мы очищаем тело, мы должны изменить свою жизнь, как мы меняем одежду». Главный герой Алексея Германа тоже хотел поступить так, как говорил Пессоа. Отказаться от нашего нынешнего положения, нашей жизни, нашей семьи, наших друзей, даже нашей судьбы. Может, Ги Розей, пропавший на юге Франции, Розей, о котором больше никогда не слышали, хотел того же? Или Вальтер Беньямин покончил жизнь самоубийством, потому что отказался нести тяжелое бремя будущего на своих плечах?

Может, отказ – это форма бегства от всего?

***

Герой фильма «Хрусталёв, машину!» генерал Клёнский хотел слиться с природой, народом, сибирской тайгой, русской зимой. В конце мы видим его в последнем вагоне поезда, движущегося в неопределенном направлении по русским степям: стакан коньяка на голове, сигарета во рту... А в небе летают вороны, и та ворона, которую мы видели из окна в сцене смерти Сталина, больше не страшна. Именно в этот миг перед нашими глазами во всей тайне оживает древнее японское хокку:

*Уродливая ворона!
Но и она красива
Зимним утром на первом снегу!*

ПРЕЖДЕ ПОТЕРЯННОГО РАЯ

*Кто не знает, куда направляется,
очень удивится, попав не туда.*

Марк Твен

На пике своей карьеры Сэлинджер ушел в затворничество. Роман «Над пропастью во ржи», знаменитый цикл «Девять рассказов», несколько повестей, слава, деньги и миллионы читателей... Всё, чего мог бы желать писатель. Хотя он иногда писал рассказы или новеллы после своего затворничества, через некоторое время он перестал делать и это и полностью ушел в небытие.

На пике карьеры Терренс Малик тоже ушел в затворничество. Он исчез после завершения фильма «Дни жатвы». Он уехал в Париж и около двадцати лет не снимал фильмов. Он был ярчайшим представителем американского кино, у него были слава, деньги и миллионы зрителей... Два его фильма, снятые с перерывом в пять лет, были высоко оценены кинокритиками, а главное, он стал вторым американским режиссером, получившим после долгой паузы награду в Каннах за режиссерскую работу. Говорят, во время пребывания в Париже Малик переводил Хайдеггера и Витгенштейна на английский язык.

Горожанин, живущий в большом мегаполисе, хотя бы раз в жизни хочет исчезнуть. Избавиться на время от этого тяжелого духовного бремени. Отойти от всего. Может, это своего рода поражение, но, наверное, в этом поражении есть доля мудрости. Не каждому по плечу такое поражение. Своим уходом Малик напоминал героинь картины «Дни жатвы».

Небольшая ироническая нота: Терренса Малика называют Сэлинджером мирового кинематографа.

«Дни жатвы» – это мир, которому мы внемлем из уст маленькой девочки и видим глазами великого режиссера. Фильм представляет собой сравнение американского общества до Первой мировой войны с дикой американской природой. Голубое небо, пшеничные поля. Гармония дикой природы с цивилизацией.

Описанный в фильме тяжелый труд поденных рабочих будто бы разрушает американский миф, созданный в прошлом. Неслучайно Малик снимал фильм после заката (или до восхода солнца), в так называемый «золотой час» (golden hour) в искусстве фотографии. Тем самым он словно бы сравнивал с истинным потерянным раем рукотворный американский рай. Ведь события в фильме происходят в 1916 году, до того, как США вступили в Первую мировую войну. Именно после этой войны началась гегемония США в мире. Страна, которая со своей идеей «American dream» считалась

воплощением рая на земле, именно после этой войны утверждает в мире свое царство смерти, то есть строит свой собственный рай на трагедиях других стран.

Дом богатого фермера, высящийся посреди пшеничного поля и ослепляющий своим крайне одиноким видом, возможно, является микромоделью Соединенных Штатов. Красиво, великолепно, роскошно выглядящий со стороны, но в то же время одинокий дом (страна). А когда вы входите в него, то сталкиваетесь с еще одним фальшивым обликом пустой снаружи жизни. Может, американское общество, которое кажется нам великолепным снаружи, внутри так же пусто, как этот дом? Только избранные могут войти в этот дом. Эти избранные – наши герои. Богатый фермер Сэм Шепард, Эбби, девушка, в которую влюблен богатый фермер, Билл, который представляет всем Эбби в качестве своей сестры, но на самом деле является ее любовником, и Линда, маленькая девочка, повествующая простым языком обо всем этом любовном и дьявольском треугольнике. В этой истории, по-детски рассказанной Линдой, Малик, как и во многих своих фильмах, по-прежнему затрагивает религиозные мотивы.

История об Аврааме, который представил фараону свою жену в качестве сестры.

Когда Авраам прибыл в Египет, он представил свою жену, красавицу Сарру, своей сестрой. Очарованный красотой Сарры фараон женится на ней. После этого брака материальное положение Авраама улучшается, но позже боги гnevаются на фараона.

Малик насылает на фермера такой же гнев от рук природы. В финале фильма нападение саранчи на зерновые поля – еще одна форма гнева богов.

Кстати, богатый фермер неизлечимо болен. Билл, узнав о болезни, уговаривает Эбби выйти за него замуж. После смерти фермера все его богатство достанется девушке, после чего они смогут счастливо прожить всю оставшуюся жизнь. И так, девушка выходит замуж за фермера, но...

Внезапно возникшая любовь обычно через некоторое время теряет былой блеск, и по мере того, как вы привыкаете к находящемуся рядом человеку, любовные отношения переходят на другой уровень, остается только привязанность.

Но на сей раз все выходит иначе. Девушка, вышедшая замуж за фермера, по прошествии времени влюбляется в него. Девушка, сойдясь и узнав фермера, хочет отказаться от этого алчного плана. Эта любовь продлевает жизнь фермеру, как бы спасая его от тяжелой болезни. Он живет, с каждым днем свежее и крепнет. Это завязка фильма.

Все еще впереди. Фильм не закончен. Если бы фильм закончился таким образом, то Малик сделал бы посредственный голливудский фильм со счастливым концом для тупой публики. Малик же возвращает девушку (женщину) в религиозное «одеяние». Лилит с ликом дьявола, или образ Евы, обманутой дьяволом. Именно женщина в конечном итоге ведет к разрушению рая. Именно из-за женщины умирают оба мужчины. По-прежнему религиозные мотивы и по-прежнему женщина.

Во время просмотра фильма мне пришли в голову следующие строки современного турецкого поэта Кючук Искендера:

*Откуда я пришел, куда я иду, почему я здесь?
Я ставшее хлебом зерно, но тоскую по почве...*

И вправду, откуда на самом деле взялись главные герои? И куда они делись? Например, в одном фрагменте фильма бухгалтер фермера, подсчитав годовой доход, говорит ему следующее: «Пока твои дела идут хорошо, поэтому тебе нужно уйти отсюда. Ты ничего не приобретешь, оставшись здесь». Выходит, что даже фермер здесь не на своем месте. И приезжие из Чикаго, и работающие в поле поденные рабочие –

неместные. Все откуда-то пришли на это зерновое поле под голубым небом, и каждому отмерен свой срок.

Может, Малик говорит, что эта красивая природа не принадлежит людям, что все люди пришли сюда откуда-то, и что настоящие хозяева этого места не люди, а дикие животные? Ведь невозможно представить фильм без животных, которые иногда предстают перед нами в роли актеров фильма. Как будто в этом фильме Малик показывает нам гармонию человека и дикой природы, подчеркивая невозможность их сосуществования в реальности.

А может, с точностью до наоборот?

Но нет, если все наоборот, почему все герои – пришлые, почему главные герои фильма исчезают в финале? Двое умирают, а двое просто уходят. Куда они пошли, неизвестно. И обе они – женщины. Природа же вечна. Люди уйдут, а природа останется на месте. Родина природы и диких животных изначально известна. Даже нивы, посеянные руками человеческими, в конце погибают. Возможно, всё, что создано руками человека, обречено на гибель.

Странно то, что Малик повторяет одно и то же еще в двух фильмах, снятых после «Дней жатвы».

В следующих двух фильмах – «Тонкая красная линия» и «Новый Свет» – он изобразил еще одну американскую трагедию. В «Новом Свете» глазами Покахонтас он показывает англичан – пришлых – в Америку и цивилизацию коренных народов, уничтоженных ими. А в «Тонкой красной линии» он показывает неудачную и бессмысленную стратегию США во Второй мировой войне. И в обоих фильмах современный человек разрушает природу.

Людей, которые любят городскую жизнь, толпы, небоскребы, которые бесцельно бродят по улицам города, не зная, куда идти, и наблюдают за *другими*, называя их фланёрами. (*по-французски: flaneur*). Но хотя фланеры бродят среди горожан, они сохраняют свою индивидуальность. Сентиментальные и одинокие люди в больших мегаполисах. Они наблюдают и делают выводы. Концепция фланёра была впервые описана Шарлем Бодлером, а позже в своих «Пассажах» Вальтер Беньямин актуализировал эту «индивидуальную и урбанистическую борьбу», и тем самым создал новый философский термин. Есть предположения, что одним из самых идеальных городов для фланёров является Париж. Терренс Малик, пожалуй, самый известный невидимый фланёр Голливуда. Режиссер, который работает со звездными актерами, сотрудничает с известными кинокомпаниями, но, тем не менее, никогда не участвует в продвижении и рекламных кампаниях своих фильмов. Как будто Малик, несмотря на пребывание внутри американской киноиндустрии, сохраняет свою индивидуальность, «оставшуюся вне всей этой суеты». Его даже можно назвать фланёром кинематографа. Повторюсь, идеальный город для фланёров – Париж. Париж, куда отправился Малик после завершения фильма «Дни жатвы».

«Я всегда думал, что на свете нет ничего лучше молчания. Такие люди, как птица Бутимар, – хорошие люди».

Я каждый раз читаю и перечитываю эту фразу из «Слепой совы» Садега Хедаята. Птица Бутимар живет у моря, но не пьет из него воду, опасаясь, что оно однажды пересохнет. Как будто Терренс Малик, как и птица-Бутимар, боялся, что море внутри него высохнет, и потому не снимал кино ровно двадцать лет. Он отступил к своим берегам и начал основательно готовиться для нового плавания. А двадцать лет спустя, открываясь новым «Одиссеям», снял серию фильмов. Возвращаясь к фразе из «Слепой совы», я должен сказать, что Терренс Малик тоже всегда молчит. Он не дает интервью, не дает никаких заявлений журналистам или телеканалам. Просто молчит, как хорошие люди...

СТЫД ЗА УТРАЧЕННОЕ ВРЕМЯ

Борхес, говоря об одноименном главном герое рассказа «Алеф», чаще всего использует слово «зеркало». Хотя он описывает Алефа как всемирное око, в финале рассказа он пытается раскрыть сущность Алефа, заведя речь о зеркале Александра Македонского, Кей-Хосрова. Для ослепшего под конец жизни Борхеса зеркало, по всей видимости, символизировало око мира. Каждый раз, когда я читаю эту историю, в моем сознании оживает образ зеркала. Зеркало, которое позволяет нам видеть каждую часть мира, каждую частицу, каждое движение. Стоя перед зеркалом, мы сначала видим свое отражение. Но что мы чувствуем, что вспоминаем, когда смотрим на черты своего лица? Чем для нас является зеркало?

***

Детство играет ключевую роль в формировании психологии человека. А детство где-то далеко, в невидимом взору, но всегда доступному воспоминаниям месте, то есть в прошлом. Почему-то, когда я смотрю в зеркало и вижу свое отражение, я вспоминаю свое детство. Все проходит перед моими глазами, как кадры из фильма.

Возвращаюсь к предыдущему вопросу: «Чем для нас является зеркало?» Может, зеркало – предмет, необходимый нам для встречи с самим собой? Но можем ли мы столкнуться с самим собой, своим прошлым, своими ошибками, смотрясь в зеркало? Ответ будет субъективным. Я и сам не знаю, что ответить, но знаю человека, который сказал, что это возможно:

«Меня преследовал многие годы один и тот же сон. Я входил в дом, в котором родился, бесчисленное количество раз переступал порог. Я всегда понимал, что мне это только снится, но было поразительное ощущение реальности пригрезившегося. Это было довольно тяжелое ощущение. Что-то тянет тебя назад, в прошлое, не оставляя ничего впереди. Мне казалось, что, реализовав этот странный образ, мне удастся освободиться от своих чувств. Сняв фильм, я действительно освободился от них, но мне показалось, что я и себя в каком-то смысле потерял», – эти слова принадлежат Андрею Тарковскому.

«Андрей Рублев», «Сталкер», «Солярис»... Но самый автобиографичный фильм Тарковского – «Зеркало». Этот фильм – признание человека, вспоминающего прошлое и не скрывающего своих сожалений. Возможно, благодаря этому фильму Тарковский вернулся в прошлое, пересматривая свое детство, свои воспоминания, свои травмы, свои переживания и искал причину своего существования. Когда я смотрю «Зеркало», на ум приходит мысль: прошлое и детство втянуло Андрея Тарковского в безвыходный лабиринт, и он нуждался в нити Ариадны, чтобы выбраться из этого лабиринта.

***

Мы принимаем три концепции времени: прошлое, настоящее и будущее. Согласно Платону, время – текучая форма вечности. То есть каждое мгновение сливается с вечностью. С другой стороны, Аристотель говорил, что время – не что иное, как совокупность мгновений. Для Аристотеля время также является мерой движения.

Анри Бергсон, вероятно, был величайшим исследователем времени. По мнению Бергсона, основная проблема метафизики – это понятие времени. Он видел ключ ко всем загадкам мира в разгадке времени. Бергсон расценивал время как единообразное средство передачи фактов о нашем сознании в повседневной жизни. При таком рассмотрении время становится «пространством-временем» и не имеет ничего

общего с реальным временем. Бергсон отличал понятие физического времени, рассмотренное в повседневном смысле, от концепции Длительности (le Durée), которую он называл реальным временем. Согласно Бергсону, время неделимо, но реальное время есть Длительность.

Бергсон не делал различия между прошлым, настоящим и будущим. Прошлое не может исчезнуть полностью. Длительность создает неразрывную связь между прошлым, настоящим и будущим. Этот поток вечного времени, который он называет Длительностью, можно воспринять только инстинктивно.

Хайдеггер бросил вызов взглядам Бергсона на время, назвав их деконструкцией идей Аристотеля. Согласно Хайдеггеру, Бергсон также связывал время с пространством, что уже было у Гегеля. Согласно Гегелю, время есть пространство. Однако позже Хайдеггер принял некоторые взгляды Бергсона о времени.

***

В одно время с Бергсоном еще один человек во Франции долго и серьезно размышлял о концепции времени, возвращался в прошлое, что-то писал, но иногда болезненно мешала ему писать. Этим человеком был Марсель Пруст.

Идея Бергсона о том, что «память творит прошлое», прекрасно иллюстрирует «В поисках утраченного времени» Пруста. Пруст был глубоко тронут взглядами Бергсона.

Было ли прошлое потерянным временем для Пруста, который много лет впустую тратил время в аристократическом обществе Парижа на вечерних приемах, но, тем не менее, интересовался слухами на этих приемах, всеми скандалами, происходившими в аристократическом обществе?

***

Как выразился Борхес: «Память каждого принадлежит лишь ему самому, и мы, в основном, состоим из того, что помним». Вспоминать – значит возвращаться в прошлое. Память – это путешествие во времени, о котором мечтает человечество, и мы можем отправиться в это путешествие, вернувшись только в один из трех временных отрезков, в прошлое. Именно этим и занялся Пруст – он вспоминал.

Мы теряем прошлое раз и навсегда. Мы живем настоящим, текущим моментом, но и настоящее по прошествии короткого промежутка времени (прямо после этой секунды) становится прошлым. И исчезает. Следовательно, прошлое – это утраченное время. Пруст тоже искал утраченное время. Он тоже угодил в лабиринт Минотавра, выйдя на поиски (то есть, «вспоминая») утраченного времени. Для спасения требовался вызволивший Тесея из лабиринта клубок нити, который Дедал посоветовал Ариадне. У Пруста имелся только один выход: писать.

***

Если задуматься, больные, несчастные, одинокие люди смотрят на прошлое с любовью. Воспоминания для них – источник счастья. Пруст, создавая свой собственный микрокосм лежа больным в постели, не имел иного спасения, кроме как вернуться в прошлое. Брат Пруста Роберт говорил, что читатель «В поисках утраченного времени» должен быть лежачим больным. А как с написавшим это произведение? Пруст был астматиком. Болезнь, которой он заболел в десятилетнем возрасте, не покидала его до конца жизни. Поскольку приступы астмы случались днем, по вечерам Пруст либо ходил на приемы, либо писал, ища утраченное время. Окна в доме, где он жил, всегда оставались закрытыми. В комнату не проникал дневной свет. Он на-

девал пальто даже во время летних прогулок.

Одно из самых интересных событий в его жизни связано с Джойсом. Два гиганта модернистской литературы встретились лишь однажды – на банкете по случаю премьеры оперы Стравинского «Ренар». Самым употребляемым словом на этой встрече было слово «нет». В конце встречи, когда два писателя вместе со своими друзьями поехали на такси домой, Джойс сначала открыл окно автомобиля, а затем закурил сигарету. Эти действия представляли большую опасность для жизни больного Пруста...

Но мешала ли болезнь Прусту писать?

В «Бессмертии» Кундеры есть фраза: «Он превратил свою слабость в моральное преимущество и оружие». Пруст тоже справлялся со своей болезнью. Его болезнь стала для него преимуществом. Читая «В поисках утраченного времени», мы чувствуем, что предложения написаны на одном дыхании, даже без передыха. Затрудняющийся дышать астматик побеждает свою болезнь в творимой книге, мстит своей болезни, прибегая к длинным предложениям.

Действительно, литература – это индивидуальная борьба. В этой борьбе физическое превосходство ничего не решает. Главное – моральная победа. Пруст пытался сделать то же самое.

***

Съемки фильма «Зеркало» закончились в 1974 году. Но руководство СССР не приняло «Зеркало». Фильм был для них непонятен. «Зеркало» неоднократно отвергалось и редко демонстрировалось в кинотеатрах.

Реакция зрителей на фильм тоже оказалась неоднозначной. Одни обвиняли Тарковского в банальности, другие говорили, что фильм снят именно для них.

В своих дневниках Тарковский много писал о положительных и отрицательных письмах аудитории.

Есть даже известная «легенда»: после показа фильма идет дискуссия кинокритиков, в которой также участвует сам Тарковский; во время обсуждения в зал входит уборщица и спрашивает, сколько они здесь еще пробудут. Один из критиков пытается отделаться от женщины со словами: «Здесь обсуждают очень сложный фильм, мы тут надолго». А женщина в ответ говорит: «Что тут сложного? Этот фильм – о человеке, которого мучает совесть». В этот момент все оборачиваются к Тарковскому, а тот произносит: «Этим всё сказано».

«Зеркало» не хотели показывать даже Антониони, приехавшему на кинофестиваль в Москву. Но первым желанием великого режиссера было посмотреть «Зеркало». Он посмотрел и ему понравилось. Позже два великих мировых режиссера подружились. Они даже работали с одним и тем же сценаристом, одним и тем же оператором.

Антониони стал одним из тех, кто открыл двери своего дома Тарковскому, который уехал в Италию в последние годы своей жизни.

***

Издатель был поражен, когда Пруст отправил в печать «По направлению к Свану» – первый том своей эпопеи «В поисках утраченного времени». Почему писатель посвятил тридцать страниц бессоннице ребенка, который пытался заснуть, но не мог и ворочался в своей постели? Другой издатель жаловался, что роман непонятен. Одна американка писала Прусту в письме, что читала в последние два года лишь его книги, но ничего не поняла.

Остаться непонятым! Что значит быть непонятым? Гениальность или безумие?

Как сказал его брат Роберт, чтобы читать Пруста, нужно заболеть и слечь в кровать. А чтобы посмотреть «Зеркало», надо хотя бы знать жизнь Тарковского.

Пруст по праву считается одним из величайших представителей «потока сознания». Одновременно с ним о потрясениях в человеческом подсознании писали Джойс, Кафка и Вирджиния Вульф. Кто из современников любил Пруста? Прежде всего, Вирджиния Вульф. В своих письмах и мемуарах Вульф неоднократно подчеркивает, что читает только Пруста и что невозможно писать, как он: «Жесткий, как обои, и тонкий, как крыло бабочки».

***

Детство Пруста было веселым: аристократическое общество, банкеты, напитки, свет, великолепие...

Детство Тарковского было отмечено войной, разрухой и распавшейся семьей. Поэтому в своих фильмах, особенно в «Зеркале», он создавал картину человеческой трагедии посредством терпеливых, статичных, медленных сцен.

Пруст спешит, у него всё происходит сразу. Читаешь и сам спешишь, покуда читаешь, и в этой спешке не улавливаешь: что, какое предложение, какое слово (если не перечитаешь) навсегда упускаешь. Может, должно было быть с точностью до наоборот? Почему тот, кто видел войну, потери и разрушения, так сдержан, так терпелив; а тот, кто видел изобилие и заботу, так нетерпелив?..

***

Оба были привязаны к своей матери. В «Зеркале» Тарковский выбрал одну и ту же актрису (Маргариту Терехову) на роль матери и жены героя. Пруст посвятил в первом томе 30 страниц привязанности маленького мальчика (себя) к своей матери, тому, как он приходит ночью в ее спальню, целует её и желает спокойной ночи.

Когда все было готово, Тарковский показал фильм Айтматову, Иоселиани и Шостаковичу. Но первым фильм посмотрел отец – поэт Арсений Тарковский, заплакал и сказал: «Уже тогда ты всё понимал».

Пруст в «По направлению к Свану» писал о том, как он любил свою мать и боялся отца. Он чувствовал себя никчемным рядом с отцом. Родом из известной буржуазной семьи, сын известного врача, он не интересовался ничем, кроме литературы. Но сын-режиссер отца-поэта, бросившего семью и любившего дочь больше Андрея, гордился тем, что показал отцу свой лучший фильм и заставил его плакать. Духовным отцом Тарковского был его собственный биологический отец, но для Пруста таким человеком был Анатолий Франс. В «Зеркале» звучат стихи Арсения Тарковского, а в «В поисках утраченного времени» есть страницы, восхваляющие Анатоля Франса (прототипом писателя в романе является Бергот).

Тарковский и Пруст. Порой противоположные, а порой схожие полюса, но и в том, и в этом случае – трагедия.

***

Фильм «Зеркало» и роман «В поисках утраченного времени» – автобиографические произведения. Главные герои обоих произведений тягнутся с прошлым, пытаясь вернуть утраченное детство и воспоминания. Сильное раскаяние, глубокая вина в обоих случаях. Признание. Стыд. Забвение. Память. Образы, оживающие при взгляде в зеркало. Время, которое состоит только из памяти.

И оба произведения – одно в истории кино, а другое в истории литературы – революционны.

***

В своем эссе о Прусте Вальтер Беньямин пишет: «Пруст проводит ужасный эксперимент: он за мгновение старит человечество и мир». То же самое и с Тарковским. Пруст проделывает эту операцию очень проворными, внезапными, как пощечина, предложениями. А Тарковский – посредством медленных, очень медленных, предельно медленных кадров. Требуется целая жизнь, чтобы прочитать Пруста. А к фильмам Тарковского нужно возвращать каждые три года.

***

«Eregi monumentum» – я памятник воздвиг.

Все мы жаждем бессмертия. Что-то должно остаться после нас. Например, дети. В любом случае, это самое большое желание маленьких людей: ребенок – это тот, кто будет помнить меня после меня. Утешение от желания остаться в памяти.

Для художника эликсир бессмертия – его произведения. Бессмертие – это вечное вопрошание. Будут часто возвращаться к твоей работе и вопрошать тебя, обвинять, возносить на небеса и сбрасывать наземь... Но главное, тебя будут помнить всегда. Конечно, если ты оставишь «нечто», долговечнее самого себя.

Как это сделал Тарковский. Как это сделал Пруст.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ЗЕМЛЯКИ

ГУМЕТ АЛИЕВ

Наш земляк Гумет Алиевич АЛИЕВ – доктор культурологии, профессор, лауреат Государственной премии Правительства РФ. Автор двух монографий и множества научных публикаций. Вот что сам он рассказывает о себе: «Родился я в 1952-м в городе Мары тогдашней Туркменской ССР, куда мой отец, Алиев Али Гумбат оглу, врач по профессии, был направлен по распределению. Десять лет спустя наша семья вернулась в Баку, где моя мама, Шукуфа Алекперовна Исмаилова сразу же определила меня в Бакинское хореографическое училище. По окончании училища я стал артистом балета в Государственном Академическом театре оперы и балета им. М.Ф.Ахундова. Позже с отличием окончил балетмейстерский факультет ГИТИС-а по специальности «педагог-хореограф», потом были годы аспирантуры в том же ГИТИС-е... До 1990 года работал педагогом-хореографом в Бакинском хореографическом училище. В Москве я оказался в 1990-м, в сложные времена Народного Фронта, с политикой которого, в частности, в отношении национальной профессиональной хореографии, я никак не мог согласиться... Работал педагогом и методистом, а также заместителем декана балетмейстерского факультета все того же ГИТИС-а (ныне «Российской академии театрального искусства»), с 1994-го по 2009-й был проректором по административно-хозяйственной работе. В 1999 получил еще одно образование в Российской академии государственной службы при Президенте РФ по специальности «юриспруденция». Являюсь председателем правления «Клуба выпускников ГИТИС-а». В последние годы – педагог «Школы-студии при Государственном ансамбле имени Игоря Моисеева. В настоящее время нахожусь на пенсии. Рассказ «Лали» – моя первая проба пера. Откровенно говоря, писал его для себя и друзей, ведь до пандемии я, кроме научных статей и монографий, ничего не писал. Признателен своему многолетнему другу, режиссеру Олегу Сафаралиеву, за рекомендацию отправить рассказ в «Литературный Азербайджан» – сам я бы до этого не додумался... Есть желание продолжать писать, если возникнет интересная идея. Пока что размышляю, коплю силы...»

Лали

– Мне скоро будет восемьдесят три года, а твоя мать упрямо твердит, что я здорова, – обратилась Лали к внучке. Эмма мягко возразила:

– Бабуля, я тебе уже говорила и говорю, что здоровье не определяется возрастом. Ты просто немного приболела. Отлежишься, возьмешь опять свою любимую трость и будешь гулять, сколько захочешь.

– Не надо меня успокаивать. Слушай меня! Ты еще молодая меня учить. Когда я умру, кремируйте меня, пепел насыпьте в коробку и поставьте вон туда, на верхнюю полку шкафа. Поняла?..

У Эммы перехватило дыхание:

– Зачем?

– Хочу послушать, что вы тут говорите без меня!

Лали лежала на диване, укрывшись клетчатым пледом, и смотрела в потолок. Руки безвольно лежали поверх пледа.

– Они все равно сделают по-своему, не послушают меня, – Лали перевела строгий взгляд на внучку. – Ты им, когда я умру, скажи, что я так хотела. Мама тебе поверит.

Эмма, поправляя подушку, твердо сказала:

– Прекрати говорить о смерти, накликаешь! Ты у нас сильная и бодрая. Чаю хочешь?

Через несколько дней Лали почувствовала себя плохо. Пропал аппетит. Лали осунулась и начала худеть. Семейный врач настоял на срочной госпитализации, рекомендовал провести тщательное медицинское обследование.

Лали привезли в центральную больницу Москвы. Разместили в одноместной палате платного отделения. Семья жила в достатке благодаря деловитости и изобретательности Наны, старшей дочери Лали. У Лали был также сын Тамаз, младше Наны на семь лет. Тамаз окончил школу в Грузии и больше нигде не учился и никогда не работал, а находился на иждивении своей сестры, был у Наны «под рукой». Центром внимания в семье была Лали, которая чувствовала себя солнцем, вокруг которого вращались планеты. Лали должна была знать все, что происходит в доме. Домочадцы беспрекословно подчинялись властному характеру Лали и нежно любили ее.

Врачи дали неутешительный диагноз – онкология. Нана с Тамазом вернулись от врача в палату. Лали лежала с закрытыми глазами и, не открывая их, металлическим голосом отчеканила:

– Похороните меня в Грузии, где я родилась. Я должна знать до того, как уйду туда, где я буду лежать.

– Мама, тебе сделают ... – Нана попыталась перевести разговор в другое русло, но Лали, словно не слыша ее, перешла на грузинский язык:

– Вы так сейчас зашли, как будто я уже умерла. Тамаз, лети в Грузию, подбери место, где я буду лежать. Поторопись, сынок.

– Хорошо, мама. Тамазик сегодня же полетит, – быстро согласилась Нана.

Тамаз поцеловал матери руку и удалился. На следующий день он позвонил Нане и сообщил, что на кладбище трудно найти место, которое соответствовало бы пожеланиям мамы.

– Нана, я только что познакомился здесь с новым другом! Он меня понял и показал очень красивое место, правда, дорого. Маме понравится, я знаю ее вкус. Братъ? У меня через три часа самолет, – с волнением кричал в телефон Тамаз.

– А вдруг ей не понравится, ты же ее знаешь! – забеспокоилась Нана.

– Друг говорит, это самое лучшее место на этом кладбище

– Хорошо, оплачивай и вылетай. Целую! – Нана облегченно вздохнула и отправилась в больницу подменить Эмму, пятнадцатилетнюю дочь Тамаза, дежурившую в больнице всю ночь.

Перед дверью в палату Нана остановилась, прислонилась к стене. Комок подкатил к горлу. По коридору проходил мужчина в спортивном костюме, в тапочках, с перевязанным правым глазом. Он остановился и сочувственно заговорил:

– Здесь, должен заметить, все болеют! Здоровых тут нет. Может, только врачи, извините. Бессмертия нет, уверяю вас!

Мужчина шагнул в сторону Наны, сверля ее одним глазом:

– Хотите, прочитаю мои лирические стихи?

– Спасибо, как-нибудь в следующий раз

Нана промокнула лицо салфеткой, проскользнула мимо мужчины. Открыла дверь и тихо вошла в палату. Лали лежала и листала модный журнал.

– Мама, здравствуй! – Нана подошла и поцеловала Лали в лоб. – Как ты себя чувствуешь? Утром я разговаривала с врачом, он сказал, есть небольшое улучшение.

– Тамаз прилетел? Врач врёт! Так же, как вчера врал мне. Знаешь, как ходит, гадюка, тихо? Никогда не слышу, как он подошел! Ему самому, наверное, легче, а мне нет, – Лали сняла очки, – потрогай, какие руки холодные.

– Давай я согрею твои руки. Журнал надо убрать, а руки согреть под одеялом. Вот так.

– У тебя руки еще холоднее, как у лягушки. Журнал не убирай! Там красивые фасоны! Нана, я должна знать, в чем вы меня будете хоронить? Вам все равно, а мне нет. Все, кого в моей деревне хоронили, были красиво одеты. А я к ним приду в старом платье?..

– Мама, об этом рано еще говорить. Дай бог тебе здоровья!

– Купите и покажите мне, чтобы я знала, в чем приду туда, – раздраженно отрезала Лали.

Зазвенел телефон Наны мелодией «Ваше благородие, госпожа удача». Лали брезгливо поморщилась. Звонил Тамаз: самолет приземлился, и он едет на такси в больницу. Нана ласково обратилась к матери:

– Мама, не переживай, все сделаем, как ты хочешь. Видишь, Тамазик быстро все выполнил, договорился о месте, как ты просила. Скоро придет и все расскажет.

– Оч-че-нь приятно, – сквозь зубы проговорила Лали. Закрывает глаза, указывая, что устала, и разговор окончен. Нана тихо вышла из палаты, ей надо было сделать несколько важных звонков по работе.

Тамаз появился с торжественным видом, с чувством исполненного долга и с коробкой в руках. Нана разговаривала по телефону, косясь на подошедшего брата, а закончив разговор, заметила:

– У тебя такой вид, как будто ты не на кладбище ездил, а на свадьбу нового друга.

– Анзор отвез меня в аэропорт и просил передать от его семьи хачапури. Бабушка Анзора приготовила специально для мамы. Он настоящий друг!

– Тамаз, ты в своем уме? Будешь маме хачапури предлагать, когда она только воду пьет. Пока тебя не было, Эмма мне рассказала, что за несколько дней до того, как попасть в больницу, мама просила, чтобы ее кремировали и пепел в коробке поставили на полку шкафа в комнате! Я как только представила себе эту картину, мне прямо плохо стало!

– Я что, зря летал и договаривался о месте? – возмутился Тамаз.

– Успокойся, мама уже забыла об этом, раз отправила тебя в Грузию. Думаю, просто пугала нас.

Неожиданно в коридоре вновь появился мужчина с перевязанным глазом. Остановился напротив Наны. Игнорируя Тамаза, таинственно произнес:

– Один идет прямым путем, другой идет по кругу, как писала Ахматова. Могу предложить вам собственные стихи?

Нана, не мешкая, взяла Тамаза под руку, поворачивая его в сторону двери палаты. Тамаз, высвобождая руку, перешел на грузинский язык:

– Да... И где ты их только находишь? Слава Богу, мама не слышит!

С этими словами Тамаз открыл дверь, и они с Наной вошли в палату. Мама лежала с закрытыми глазами. Дети в нерешительности остановились около двери.

– Рассказывай! – не открывая глаз, приказала Лали. Тамаз поспешно подошел к кровати и поцеловал руку матери. Он всегда целовал маме руки. Лали открыла глаза и удивленно спросила: – Хачапури привез?

– Да, мама! Не знаю, тебе можно?

– Дай попробовать, – мягко попросила Лали.

Тамаз победоносно посмотрел на оторопевшую сестру.

Пока Лали ела хачапури, все молчали. Лицо матери просветлело, ела она с удовольствием, словно и не болела. Улыбнувшись, Лали вновь обратилась к сыну:

– Немного недосолили! Рассказывай!

Тамаз подробно поведал о месте будущего захоронения, не забыв упомянуть нового друга Анзора. Мама слушала без эмоций, глядя на Тамаза, и, когда он закончил, спросила:

– Рядом с кем я буду лежать?

– Мама, клянусь тобой, не знаю.
– Тебе все равно, с кем рядом будет лежать твоя мать?! – возмутилась Лали.
– Мама, я не знал, что это важно. Сейчас узнаю, – с этими словами Тамаз набрал номер телефона. – Сейчас позвоню Анзору и спрошу у него.
– Привет! Как ты себя чувствуешь, Анзор? Я долетел хорошо. Спасибо, хачапури маме понравились. Как здоровье твоей бабушки? Передай ей привет от всех нас. Как у тебя дома, как дети, как жена? – прикрыв телефон рукой, Тамаз шепотом пояснил: – Его жена опять беременна.
– Боюсь, я не успею узнать... – Лали закатила глаза и печально посмотрела на Нану, которая уже делала знаки Тамазу, чтобы он не затягивал.
– Анзор, тут меня мама торопит, боится, не успеет узнать, поэтому я сразу у тебя хочу спросить: ты сейчас на кладбище? Что? Прерывается!.. Хорошо, что ты на кладбище! Мама хочет знать, рядом с кем ее могила, кто захоронен справа и слева? – Тамаз, убрав телефон за спину, многозначительно сказал:
– Он понимает, что вопрос тонкий, сейчас пройдет и посмотрит. – И снова в телефон: – Да, да, я слушаю... Как? Лобадзе Нино? – Тамаз посмотрел на мать и сник. Лицо Лали исказилось в гневной гримасе:
– Рядом с этой проституткой я лежать никогда не буду! Если похороните рядом с ней – прокляну!..
– Мама, ты что, ее знаешь? – удивилась Нана.
– Ее все знают. Не успела мужа похоронить, уехала в город и без брака жила с каким-то учителем пения. Бесстыдница! – убежденная в распутстве такого поступка, возмутилась Лали.
Тамаз сидел на стуле, свесив голову. Нана была в замешательстве – что делать? Паузу нарушила Лали, обращаясь к сыну:
– Тебе надо полететь и выбрать нормальное место. Твой друг Анзор ничего не понимает. Опозорить меня хотите?!
Тамаз обреченно поднялся со стула и посмотрел вопросительно на сестру.
– Тамазик, надо ехать. Мама нервничает, а ей нельзя сейчас переживать. Пусть Анзор за эти деньги другое место подберет.
– Только не внизу, где сырость, – вставила Лали.
Тамаз поцеловал матери руку, попрощался с Наной и ушел.
Так случилось, что Тамазу пришлось слетать в Грузию и в третий раз. За это время произошло, по мнению врачей, настоящее чудо: Лали стала чувствовать себя настолько хорошо, что ее выписали из больницы. По случаю такого радостного события вся семья собралась в доме. Лали царственно восседала на диване.
– Теперь покажите мне, в чем вы хотели меня хоронить? – настойчиво обратилась к родным Лали
– Мама, к чему теперь этот разговор? Слава богу, ты выздоровела, прекрасно выглядишь, – робко возразила Нана.
– Но вы же думали, что я умру? Неужели вы ничего не купили заранее? Показывайте! – тон мамы не допускал возражений.
Нана, предвидя, чем может закончиться разбор купленной одежды для похорон, спешно заявила:
– Мама, этим занимался Тамазик, он знает твой вкус. Я весь день на работе.
Тамаз вышел из комнаты и вернулся с большим пакетом, на котором была изображена модель, рекламирующая нижнее белье.
– Здесь все, как ты просила, – с этими словами Тамаз вывалил содержимое пакета на диван.
– У вас никогда голова не работала – посмотри, в какой пакет ты положил вещи для похорон! Я что тебе, девочка?.. Замуж выхожу?.. В этот пакет приданое для своей дочери положишь! – отчитала сына Лали, перебирая и ощупывая вещи.

– Спасибо, бабуля! Предлагаешь положить мое приданое в пакет, где лежали вещи для похорон? – скороговоркой вставила Эмма.

– Покрывало надо поменять на черный цвет, – заявила Лали, отбросив покрывало сыну.

Тамаз посмотрел по сторонам, ища взглядом поддержку у сестры:

– Мама, ты три месяца тому назад просила купить тебе покрывало красного цвета! Я тебя отговаривал. Хорошо, что в магазине работает жена моего друга. Она сказала, что для похорон лучше темное, но если мама хочет, то бери красное. Через месяц ты захотела поменять красное покрывало на белое. Мне стыдно перед другом! Я сказал, что ты еще жива и хочешь поменять красное покрывало на белое, но не смог объяснить, почему. Продавец, наверное, подумала, что ты хочешь, чтобы тебя похоронили, как невесту, но стесняешься сказать. Как я теперь опять приду в магазин, чтобы снова менять белое покрывало на черное?.. Мне стыдно! Они ведь думают, что за это время ты точно уже умерла... – Тамаз нервно ходил туда-сюда вдоль дивана.

– Что ты ходишь, как часовой? С кладбищем договорился, и с покрывалом договоришься. Тебе стыдно перед другом, что мать еще жива?

Говоря это, Лали продолжала перебирать и ощупывать вещи. Неожиданно взяла трость, прислоненную к дивану, подцепила и подняла вверх туфлю. Наступила угрожающая тишина. Лали долго разглядывала туфлю. Тяжело вздохнула и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Я такие туфли даже у нас в деревне не носила!

– Мама, это хорошие туфли! Будут в тон, черное покрывало и черные туфли, – не выдержала Нана.

– Не болтай! Туфли старомодные, каблука нет.

– Мама, зачем тебе там каблуки?! Танцевать собираешься? Там даже пешком не ходят!.. – терпение Тамаза было на исходе.

– Ты там был? – резонно спросила Лали. И продолжила: – Кстати, и мобильник должен быть там со мной, на всякий случай...

Тамаз подскочил и выпалил:

– Мама, а если батарейка сядет, что будешь делать?

Лали ледяным тоном, смотря мимо Тамаза, продолжила:

– Пока не забыла, и деньги мне с собой положите.

– Бабуля, извини, что я вмешиваюсь в разговор старших, но хочу тебя спросить. Ты там хочешь что-то купить? Сколько надо положить? – пришла на выручку Эмма.

– Я не знаю. Никто не знает, что там есть, а чего нет. На всякий случай положите. Сколько?.. Сколько твоей маме не жалко, столько и положите. Телефон около головы не кладите!

Наступила короткая пауза, которую нарушила Лали:

– Что? Не поняла, а где смена белья?

– Хочешь там переодеться? – задохнулся Тамаз

– Я устала, хочу отдохнуть, – вяло сказала Лали, закрыв глаза.

Все вышли из комнаты. Сели на кухне. Тягостную тишину нарушил младший сын Тамаза Дато, твердо обратившись к Нане:

– Тетя Нана, если ты будешь умирать так же, как бабуля, с просьбами, по-жалуй-ста, обращайся к Эмме!

...Через несколько дней Лали похоронили в точности, как она завещала.

Москва - 2021

МАРАТ ШАФИЕВ

Краткая история русскоязычной бакинской поэзии

Прощальная гастроль

19 апреля 2011. Печальная весть из Дюссельдорфа: умер 89-летний Рафаэль Иеремиевич Шик. А накануне в Санкт-Петербурге вышла в свет его книга. В этом есть нечто символическое, ибо он всегда, не верящий особенно в бессмертие жизни, предпочитал ей бессмертие даже не стихов – одной строчки: «И буду счастлив только лишь от мысли:/ А вдруг строка переживёт меня?»

Он любил цирк. Много о нём писал, в частности, в журнале «Цирк». В 1989 году была издана его книга «Они редко бывают дома». Вот отрывок из нее: *«В Азербайджане искусство цирка во все времена было популярно и любимо народом, ведь оно уходит здесь корнями в седую древность. Поезжайте в горные районы республики, и вас познакомят с целыми семьями, где умение ходить по канату – увлечение фамильное и передается от дедов и отцов к сыновьям и внукам. А пехлеваны-силачи, джигиты-наездники – они желанные гости на любом празднике».* По сценарию Шика создан документальный фильм об иллюзионисте Хосрове Абдуллаеве.

Он любил цирк потому, что жизнь для него целиком ассоциировалась с ареной: жестокий труд до пота, до кровавых мозолей; репетиция утром и представление вечером; смертельный риск и преодоление страха; вдохновение и высота духа, когда ходишь по проволоке, прыгаешь в пустоту с трапеции; неудобное кочевье; особенное братство – в каждом циркачке столько кровей намешано! И наградой за все – долгие благодарные аплодисменты.

А потом *«...срок подошёл – вереницею длинной/ В путь тронулся цирк».* Что остаётся от нашей жизни? Моя мама работала штукатуром в строительном управлении, показывая на какое-нибудь здание, говорила: «Это построили мы». Иногда после человека остаётся нечто менее монументальное – эталонная вещь мастера, чаще – дети, продолжатели из ниоткуда в никуда тянущегося, как ствол дерева, рода. В случае с Шиком – это стихи в книгах «Прощание с Россией» (Бонн, 2000) и «И вскоре я умер или Прощальная гастроль» (Санкт-Петербург, 2011).

Писать он начал на войне. Ходил в тыл к немцам: надёжная, но громоздкая рация «Север» и два комплекта батарей – это уже 10 килограммов, сухпаёк – сухари, сало, консервы, спирт, сахар, соль, спички, и обязательные пистолет и финка за голенищем; с латышской гвардейской дивизией освобождал Прибалтику, был ранен. Понятное дело, почему после распада Советского Союза (*«Оплёвана великая идея,/ Оболгано великое житьё»*) таких людей привечала Германия – это дополнительная прививка от чумы фашизма. Но почему так легко поколение победителей отпустили мы – вот вопрос.

Рафаэль Шик говорил о себе как о гражданине мира: уроженец Баку, еврей по национальности, думающий на русском языке. Но какой там космополит?! Если всё

время памятью тянулся к солнечному южному городу, притулившимся к морю, где *«кривые улочки горбаты, как верблюды,/ Солёный ветер продувает их насквозь»*: *«И вот я побывал в чужих краях/ И вдоволь надышался на свободе./ И мне приснилось, что везут мой прах/ Назад домой на старенькой подводе»*. И стучала в нём кровь Ходжалы. Антитеза или предтеча глобализму? Рафаэль Шик был из неунывающего интеллигентного племени бакинцев, которые потихоньку уходят из нового мира, как ахейцы, ассирийцы, вавилоняне, кавказские албаны. Уходят в миф.

...Что я могу добавить к своей старой статье?

После войны Шик окончил пединститут и музыкальное училище, работал актёром, редактором сумгаитской вечёрки, сценаристом на телевидении. Эмигрировал в 1993 году. Прощаясь с ним, поэт Владимир Кафаров сымпровизировал: *«Давно уж лишились мы шика, теперь провожаем и Шика»*.

Шик не мог пользоваться интернетом, посылал мне письма, написанные от руки: *«Соседи в Баку часто бывают даже ближе родных. Здесь, конечно, всё не так – каждый сам по себе. Иногда во сне мне видится Баку. И ведь мог бы вполне съездить на родину, если б не стал полным инвалидом. Обидно»*.

Хотел, чтобы его стихи звучали в Баку, чтобы его не забыли, не считали отрезанным ломтем. Звонил знакомым и часами с ними разговаривал. Я пытался завести диалог. На мои первые вопросы, также отосланные почтой, он отвечал: *о войне вспоминать не хочу, в Бога не верю; но вот во время приезда Хрущёва в Сумгаит здоровался с ним за руку*. Но это уже было неинтересно мне. Разговор не завязался.

Почему память о никогда мной не видимом человеке томит меня болью? Я был его последней ниточкой с Городом, ненадёжной соломинкой. А что я мог поделывать? Я не издатель, у меня нет газетной площадки. В безмолвном пространстве больше не звучат его позывные. Но даже зная, что нет никакой надежды, я, пока сам жив, всё равно буду окликать его по имени и думать, что в этом есть какой-то смысл.

Рафаэль Шик

Пленный немец

Был пленный немец тощ и жалок.

«Капут, – он бормотал, – капут!»

Я протянул ему в подарок

Кисет солдатский табаку.

Скрутил он ловко «козью ножку»

И робко в уголочке сел,

Наверно, думал: «Ждать немножко –

Войне конец, я жив и цел!»

А я скорбел о друге Мише,

Два дня назад он был убит

Фанатиком, стрелявшим с крыши.

Как вспомню – так душа болит.

Он шёл со мной буквально рядом,

Вдруг вскинул руки и упал.

Стрелявший (изловить бы гада!)

Сразил парнишку наповал.

**А пленный немец, встав со стула,
Дымил себе всё и дымил.
И мысль меня вдруг саданула:
«А если это он убил?»»**

2-й Прибалтийский фронт, 1944 год

***

**Поэты изысканной стали:
Что рифма – сплошной примитив!
Сорняк на священной скрижали,
Частушки банальный мотив.**

**А я находил свои рифмы,
Впадая порою в кураж,
Когда содрогался от взрывов
В четыре наката блиндаж.**

**И было мне не до изыска.
Не то, чтоб одрябла душа –
Мне б только хватило огрызка
Трофейного карандаша.**

**Мне б только прожить ещё малость –
Прожить этот день, этот час.
И рифма во мне оставалась,
Пока ещё дух не угас.**

«Шла наша юность среди вьюг...»

Варвара Константинова (Земмель) сочиняла стихи со школьной скамьи. Война оборвала счастливые надежды двадцатилетней девушки, только поступившей в университет на юридический факультет. Напрасно отец – капитан дальнего плавания Константин Оскарович – убеждал власти в голландском происхождении рода, семью включили в многотысячный список ссылаемых. Немецким семьям позволялось забрать с собой необременительный чемодан – добротная мебель, музыкальные инструменты, картины продавалась почти задарма, за первую предлагаемую сумму.

Наступили годы странствий: сибирская тайга и казахстанская степь.

Отягощённый думами, умер отец. Женщины (мама и младшая на два года сестра – Анна) работали на строительстве сталелитейного завода: месили цемент, подносили каменщикам в ящиках: *«Я не позабыла до сих пор/ Над баракком фонари горящие./ Спали на скрипучих топчанах,/ И в работе дни казались быстрыми./ Где стояли домики в степях,/ Там мы город Темир-Тау выстроили»*. Вернувшись однажды поздно вечером, Варвара никого из своих не застала. На подоконнике в слабом свете керосинки заметила стакан с ржавой жидкостью, который опорожнила. Никогда ей не забыть тоскливых глаз вернувшейся матери – оказывается, в бутылке было подсолнечное масло, которое мать выменяла на какую-то одежду. Через два десятилетия эта неизбывная боль стала стихотворением. Местные отнеслись к приезжим с ненавистью, называли фашистами; потом лишь, разобравшись, увидев самоотверженную работу – ставили на самую тяжёлую, – стали добрее. Сами советские немцы не держали зла на предавшую их Родину, говорили: в наших бедах виноват Гитлер. А однажды отличились военнопленные – отказались работать, потому что подвезённый цемент никуда не годился.

По окончании войны Варвара Константинова написала письмо академику Сергею Вавилову, и – счастье! – им разрешили вернуться: *«Нас обжигал морозный ветер,/ Росли мозоли на руках./ Нельзя забыть, как в годы эти/ Баку нам виделся во снах».*

Окончив университет, Варвара Константинова в обыкновенной бакинской средней школе учила детей русскому языку, а через русскую литературу давала ещё и уроки нравственности.

Посещала литобъединение, где познакомилась с девушкой – тоже из семьи репрессированных – и они навсегда стали подругами.

Когда Инна Лиснянская вышла во второй раз замуж за поэта и переводчика Семёна Липкина, Константинова приезжала к ним в Переделкино под сень могучих сосен. В бакинском доме Варвара тосковала по этой столичной тусовке небожителей, но постепенно снова втягивалась в работу, было удивительно: как через все эти казённые инструкции, плановые темы расцветают живые глаза детей. Много говорят о русской идее, тщетно пытаются её отыскать – а она давно существует, и идея эта – суть русской классической литературы.

С 1964 года Варвара Константинова – член Союза писателей СССР. Печаталась в центральных журналах «Огонёк», «Молодая гвардия», «Знамя». Всего у неё шесть книг: «Листья» (1960), «Встречи в пути» (1963), «Верю в тебя» (1971), «Пять камушков» (1975), «Лирическая тетрадь» (1981), «Стёжки на руке» (1989). Жила с сестрой в типовой квартире в 4 микрорайоне. Сёстры никогда не были замужем – их сверстников война выкосила на четыре года вперёд.

Последние десять лет Варвара Константинова была прикована болезнью к постели. Звонила заинтересовавшим её по публикациям в журнале поэтам, зазывала в гости. Так попали к ней Алина Талыбова, Елизавета Касумова, Ирина Зейналлы. Звонила она и мне, но я сглупил и приглашения не принял.

Варвара Константинова не дожила до 90-летия полгода.

Варвара Константинова

Вещи

**Какая мебель нам нужна,
Какие вещи нам нужны,
Узнала я в огне войны,
Среди тревог, не тишины.
Что в прошлом радовало взгляд,
Мне нынче стало не с руки,
И полированный сервант
Сменяла я на горсть муки.
Нет, не забыла до сих пор:
Отъезд внезапный подошёл,
Как лишний, вынесен во двор
Обеденный добротный стол.
И туфли вдруг не дороги...
(Не до изысканности тут!)
Ведь в грязь нужнее сапоги,
Которые не подведут!..**

**...Нас увозили поезда
Через заснеженную мглу,
В теплушке я спала тогда,
Не на кровати, на полу.
От беженцев пестрел вокзал,
Уже привыкший ко всему.
Почти у самых шпал стоял
Рояль, не нужный никому.
И приучало время то
К терпенью не меня одну...
И я ходила не в пальто,
А в телогрейке всю войну.
Был труд, похожий на бои,
Разлуки были, как стена...
Надела туфли я свои,
Когда окончилась война.
И нет мозолей на руках,
И шубу я ношу в мороз.
И ходят девушки в шелках,
Каких иметь мне не пришлось.**

«Только жизнь. Не так уж мало!»

В 1929 году, спасаясь от экспроприации, Портновы (дед, бабушка, мать и двухлетний Владимир) из Москвы приехали в Баку. Купили квартиру в двухэтажном доме на Мельничной улице, дальше лежала пустынная окраина.

В разгар войны старшеклассник из 16 школы решил круто изменить судьбу.

На нефтяном промысле с интересом рассматривал чумазых, в ватниках людей, занятых эпохальной работой (проговаривая про себя Брюсова: *И гордо стоят нефтяные столпы на Биби-Эйбате!*), прораб спросил: Где ты живёшь? Шемахинка? Это же далеко: два-три трамвая и пешком.

Так Портнов рабочим не стал. Всю жизнь его терзало желание всякого интеллигента – слиться с народом. Но разве литература не в счёт? О мучительном поэтическом труде сказал ещё Маяковский: *«Поэзия – та же добыча радия./ В грамм добыча, в годы труды./ Изводишь единого слова ради/ Тысячи тонн словесной руды...»*

После долгой службы в армии танкистом, в 1957 году он с отличием окончил филфак Ахундовки. В газете «Бакинский рабочий» прошел путь от корректора до литсотрудника. Статью о «Мастере и Маргарите» в твардовском «Новом мире» похвалила сама Елена Булгакова. Знаковое знакомство в 1960 году с ленинградским переводчиком Владимиром Шором на несколько лет приковало его к городу на Неве, где Портнов увлечённо переводил французскую литературу.

В конце 60-х он возвращается в Баку, работает над поэтическими сборниками «Ясный вечер» (1971), «Варианты» (1979), «Равновесие» (1982), «Возвращение» (1986). Азербайджанские переводы сцементированы в «маленькую антологию» – «Родные тропы» (1977), из прозаических работ отметил пьесу Гусейна Джавида «Шейх Санан» (поставлена в Русском драмтеатре), анаровские вести и роман «Шестой этаж пятиэтажного дома». Но дело его жизни – это, конечно, французы, издаваемые в Москве: Шарль Бодлер «Лирика» (1966), «Цветы зла» (1970), Гюго

«Лирика» (1971), «Беранже, Барбье, Дюпон» (1976), Теофиль Готье «Эмали и Камеи» (1989). А ещё испанец «Лопе де Вега» (1974).

Кроме трудов находилось в жизни место и для забав.

«Парни из Баку» впервые участвовали в КВН в сезоне 1967/68. Для заранее объявленной темы «Шутки в русской поэзии» пригласили и Портнова, знающего назубок всю классику. Чтобы сорокалетний Портнов не слишком выделялся среди студентов, его плотно прикрывают. В игре против Куйбышевского политехнического при равном счёте последний вопрос соперника звучал убийственно: *И ха-ха-ха и хи-хи-хи*. Володя не подводит: *«Люблю я парадоксы ваши,/ И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,/ Смирновой штучку, фарсу Саши/ И Ишки Мятлева стихи»*. И после эффектной паузы добивает: *«Лермонтов. Из альбома Софьи Николаевны Карамзиной»*. Гром аплодисментов, игра выиграна.

Владимир Самуилович живёт в однокомнатке – центр города (Низами, угол Гуси Гаджиева), но окна первого этажа выходят прямо на улицу, где шумят машины, и толпа атакует кинотеатр. Когда наступала благословенная ночь, за дело принимались крысы. На деревянные полы в сплошных дырах накладывались заплатки железные листы, придавленные для прочности кирпичами. И под эту «жизни мышью беготню» Портнов переводил Жозе Мария де Эредиа. Того, конечно, переводили и раньше, но перевести на русский язык всего Эредиа – это сделал Портнов. Житейски беспомощный, он был велик во всём, что касалось поэзии. Когда у Александра Грича в одночасье угасла молодая жена, Портнов в доме младшего товарища до рассвета читал стихи над усопшей. Позвать священника в советское время было немислимо, но ведь и поэзия приобщает к таинству.

Самое сильное и интересное в поэзии Портнова – это узнаваемость места и времени проживания. *«Тривиальны подробности жизни,/ Человеческих дней пустыки,/ Но в своём областном реализме/ Я люблю помещать их в стихи»*. *«Третья Завокзальная»*, *«черты одной бакинки с Балаханского шоссе»*, *«жаль Сабунчинского вокзала. И Фиолетова закрыли»*, *«бульвар, купальня, парк Нагорный»*, *«парашютная вышка»*, *«Черногородский мост»*, *«двухэтажные проспекты, заводы, теплотрестраль»*, *«где-то на Чапаева, до Нейматуллы»*, *«кукушка ездила и пароходик»*, *«снова столики с чаем и нардами»*, *«керосиновые лавки и булочные, скобяные мастерские и сапожные»*, *«все дети бегают босыми, все взрослые в одно одеты – в «украинки» и парусину»*, *«белых брюк и юбок много»*, *«патефон всегдашний»* – именно эта встроенность в «густой и прочный быт», который «словно дымкой внешней поэзией повит» (а не шум и ярость эпохи, как у иных), позволяет Портнову, вслед за Ахматовой («Я была тогда с моим народом,/ Там, где мой народ, к несчастью, был»), гордо заявить: *«Я, наверное, жил как все: галереи, керосинки»* и в этом растворении находить высшее счастье.

И если даже *«бесконечный мой сюжет/ обрываю как попало»*, всё равно *«а финала нет как нет, –/ нет, как не было начала»*. Потому что «жизнь бакинского квартала» катится дальше. С нами или без нас – неважно. Город есть, Город состоялся и запечатлён в некоем Духовном плане. Город спасён своими поэтами, а значит, защищены и спасены и сами летописцы.

В начале 90-х Портнов с семьёй перебирается в Израиль. В журнале «Звезда» в 1993 году публикуется его автобиографическая повесть «Нищая идиллия».

Умер и похоронен 19 июля 2007 года в городе Цфате.

Владимир Портнов

Детство

Конец тридцатых... Эти годы
Мне вспоминаются всё чаще,
И стариковские невзгоды
Раскрашивают их под счастье.
Отчётливые и цветные,
Они, кой-где сливаясь в пятна,
Похожи на переводные
Картинки в памяти превратной.
Сюжет таков. Сначала лето,
Все дети бегают босыми,
Все взрослые в одно одеты –
В «украинки» и парусину.
Из рупоров, сверкая, брызжет
Великолепный Дунаевский,
Кино одни шедевры нижет –
То «Щорс», то «Александр Невский».
И вечерами мы, мальчишки,
Шныря в толчее бульварной,
Глядим, как с парашютной вышки
Шикарно спрыгивают парни.
Пятнистые от волн и пыли,
Мы здесь не устаём скитаться.
Тролейбус только что пустили,
И ходим мы на нём кататься.
Бульвар, купальня, парк Нагорный,
А где-то там враги и войны,
Но может наш любимый город
Ещё два лета спать спокойно.
Из Кисловодска едет мама...
Сентябрь почти без перехода
Нас к школе подтолкнёт упрямо,
Но дни ещё полны свободы.
Всё те же фильмы, те же игры,
И школьный двор – как наш домашний,
И вновь зовёт Назаров Игорь
Послушать патефон всегдашний.
«Андрюшей», «Сашкой», «Монтереем»
Мы до краёв полны, как кубки,
И не идём домой, а реем,
Смуглы, сильны и странно хрупки.
Зима. Шестнадцатая школа.
Дожди. Темно. Вторая смена.
Беретка с хвостиком весёлым...
И мне не вырваться из плена.
То дико груб, то зло покорен,

Я нравлюсь, но надоедаю,
Подстерегаю в коридоре
И веселю мальчишкой стаю.
Но всё так искренно и тяжко,
Что мне сочувствуют невольно.
Пальто распахнуто, рубашка
В мелу, – и до сих пор мне больно.
О, эти поздние трамваи
И провожания в Чёрный город!
И девочка моя, зевая,
Булавкой скалывает ворот.
Как водится, я два портфеля
Несу на Третью Заводскую...
Чем был я счастлив, в самом деле?
О чём, о чём теперь тоскую?
Я что-то не могу припомнить,
Когда бульвар был перестроен
И пара тесноватых комнат
Огромным выгнулась покоем.
Снесли купальню и бассейны,
Потом яхт-клуб исчез куда-то...
Стоит осенний день кисейный,
Но вот и он идёт к закату.

Сюжет

Написал бы я роман –
Жизнь бакинского квартала.
Чтоб герои как попало
Появлялись, без финала
Уходили как в туман.

Чтоб сюжетом быть была:
Чтоб рождались, вырастали,
Знали страсти и печали
И, избыв себя дотла,
В том же старились квартале.

Знаю судьбы, знаю быт
(Дом у нас – отнюдь не крепость,
Жизнь у нас – отнюдь не ребус),
У кого и что болит,
Знаю – сам по горло сыт.

Сыт по горло той густой
И эпической в основе,
Полной терпкого здоровья,
Бытовой белибердой,
Что сильнее души и крови.

Время здесь по кругу шло:
Всё, чем было знаменито,
Уходило, как сквозь сито,
В тот песок, что мирно жгло
Золотое солнце быта.

Я как все, наверно, жил
И недаром воспеваю
Электрички и трамваи,
Уличных мальчишек стаи,
Как учился, как служил.

Я, наверно, жил как все:
Галереи, керосинки;
И черты одной бакинки
С Балаханского шоссе
Сохранил во всей красе.

И сквозь эту чехарду
Дружб, семей, смертей, рождений,
Возмужаний, постарений
Вас по кругу поведу –
По маршруту привидений.

Город есть, и есть квартал,
Может, день, а может, вечер,
На углу, как прежде, встречи,
Кто-то стар и кто-то мал,
Стариком мальчишка стал.

А финала нет как нет, –
Нет, как не было начала.
Жизнь бакинского квартала –
Бесконечный мой сюжет –
Обрываю как попало.

